

G3.3(4)622.15
in des Kaukasus
R50

Nur für den Dienstgebrauch.

648882

Кази-Магомед Алиев

СВЕТ И ТЕНИ ПАРТИЗАНСКОЙ ВОЙНЫ

подготовлено
историко-культурным обществом
«Аланский эрмитаж»

TATAREN

- Erklärung:
Chr = Christen
M = Mohammedaner
R = starkere russ. Minderheit
- === = Eisenbahnen
— — = Straßen

**КАРАЧАЕВО-ЧЕРКЕССКИЙ
ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЙ И ПРИРОДНЫЙ
МУЗЕЙ-ЗАПОВЕДНИК**

Кази-Магомет Алиев

СВЕТ И ТЕНИ ПАРТИЗАНСКОЙ ВОЙНЫ

**подготовлено историко-культурным обществом
«АЛАНСКИЙ ЭРМИТАЖ»**

**М О С К В А
СТАВРОПОЛЬ
2 0 0 3**

ББК 63.3 (2) 622,5
А 50

Ответственный редактор:
кандидат исторических наук, академик,
действительный член МТА
И. М. Шаманов

Консультанты:
кандидат исторических наук, профессор,
академик, действительный член МТА
К. Т. Лайпанов;
Генерал-майор
Б. Б. Салпагаров

Рецензенты:
кандидат исторических наук
Р. М. Бегаулов;
научный сотрудник отдела истории КЧИГИ
М. М. Ижаев;
кандидат исторических наук, академик,
действительный член РМА
Р. Т. Хатуев

648883

201

Алиев К.-М.

А 50 Свет и тени партизанской войны. — М.: Илекса; Ставрополь: Ставропольсервисшкола, 2003. — 160 с.

ISBN 5-86494-013-5

ББК 63.3 (2) 622.5

ISBN 5-86494-013-5

© Алиев К.-М., 2003.
© Ставропольсервисшкола, 2003.

К ЧИТАТЕЛЯМ

Дольше века длится день – перо Чингиза Айтматова обозначило феномен, который другой современный автор, американский мыслитель, назвал «уплотнением времени». Суть этого феномена в том, что в жизнь одного поколения стали вмещаться процессы, на которые обычно уходило века, – будь то политические (появление и исчезновение с карты мира малых стран и обширных империй), научно-технические (прыжок «от сохи до космического корабля») и т.д.

Иными словами, сейчас эпохи измеряются не столетиями, а десятилетиями, иногда – годами и месяцами. Все это позволяет понять значимость того, что происходило в 5-месячный период немецко-фашистской оккупации Карачая и Черкесии – тема научной трилогии К.-М. И. Алиева, первая часть которой представляется на суд читателя.

Этот период стал испытанием не только устойчивости государственно-политической машины и идейных установок большевистского режима, но в первую очередь – воли и характера простых людей, морально-нравственного стержня местных народов.

Этот период вызвал третью за XX век волну эмиграции представителей местных народов за пределы своей родины, причины которой многообразны и сложны.

Этот период заложил основы драматических катаклизмов, потрясавших судьбы жертв оккупации в течение четырех десятилетий после самой оккупации. Четыре десятилетия, в которые вместились варварская депортация карачаевского народа, 14-летнее пребывание на чужбине, идеологическое и моральное шельмование, длившаяся с 1960-х до начала 1980-х гг. включительно государственная дискриминация по национальному признаку (ограничение доступа представителей карачаевцев на учебу в престижные вузы страны, на службу в престиж-

ные воинские части, на обретение некоторых должностных позиций и т.п.).

История была, есть и будет одной из самых политизированных гуманитарных наук — как бы к этому факту мы ни относились. Поэтому история — поле перманентной идейной борьбы, в которой правда выступает самым неотразимым оружием. Без усвоения полноценных знаний о тех пяти месяцах невозможно ни понять подлинные мотивы деяний современных фальсификаторов новейшей истории Северного Кавказа, ни дать им достойный отпор, напрочь отбивающий охоту безнаказанно манипулировать лженаукой.

Кази-Магомет Ибрагимович Алиев, отдавший изучению указанного периода 21 год своей жизни, — исследователь исключительно дотошный. В его методологии нет понятия «несущественные детали», ибо — как свидетельствует изыскательская практика — часто именно «живая мелочь» лучше всего иллюстрирует суть явления, демонстрирует квинтэссенцию процесса. Поэтому беседам с очевидцами, зачастую малограмотными и наивными людьми, он уделяет внимание не меньшее, чем пожелтевшим свидетельствам из архивных недр.

Собственными ногами историк прошел по всем перевалам и другим важнейшим точкам горной войны, о которой так увлекательно пишет в одной из частей трилогии. Объективный исследователь, он обращается к, казалось, умолкшим голосам с «той стороны» давно исчезнувшего фронта. Через немецких коллег К.-М. И. Алиев смог получить мемуары германских горных стрелков — участников войны на Кавказе, зарубежных специалистов по военной истории, которые позволяют ему изложить беспристрастное видение событий тех лет.

Как нам представляется, издание этой работы приобретает особую актуальность именно в год, когда совпадают две юбилейные даты — 60-летие освобождения Кавказа от немецко-фашистских захватчиков и 60-летие трагической депортации карачаевского народа.

Рецензенты отмечают, что предлагаемая работа отвечает всем критериям, предъявляемым к современной историографии, сможет стать надежным ориентиром для исследователей-кавказоведов и иметь прикладное значение для специалистов народного образования.

При составе списка цитируемых источников трилогии наименования архивов, нумерация архивных фондов, описей и дел сохранена в том виде, который они имели на момент архивной работы, проводившейся исследователем.

ГЛАВА I. ТЕМА

Партизанское движение на Северном Кавказе в годы Великой Отечественной войны – одно из «белых пятен» в отечественной исторической науке. Хотя написано достаточно много, но все же характер опубликованного на протяжении всего послевоенного периода отличается противоречивостью.

Диапазон мнений широк: от признания широкомасштабного партизанского движения с первых дней оккупации Северного Кавказа до последних – до отрицания этого движения. На сегодня объем опубликованного таков, что позволяет провести анализ и постараться выявить реальную картину того, что же происходило с народными мстителями Северного Кавказа в трагические дни Великой Отечественной войны.

В основу партизанского движения в годы войны был положен ленинский тезис о том, что «партизанские боевые выступления должны производиться под контролем партии...»¹, что «партизанское движение – не месть, а военные действия, ... борьба обдуманная и подготовленная с точки зрения соотношения сил в тылу врага»². Таким образом, контролю партии действительно подвергалось все: от пассивных форм проявления сопротивления до открытой вооруженной борьбы в тылу врага. Кроме того, в этом направлении коммунистическая партия проводила титаническую работу по организации населения временно оккупированных территорий на вооруженные выступления и подпольную тайную работу.

Поэтому большинство сведений об отрядах мы найдем в бывших архивах КПСС, в трудах, посвященных истории КПСС и местных партийных организаций. В виду того, что война в тылу врага происходила под руководством партии, большинство архивных документов тоже находятся в архивах бывших обкомов, крайкомов, ЦК партийных организаций союзных республик.

Наиболее общие сведения, из которых ясно, что партизанская война на Северном Кавказе была обширной и эффективной, мы найдем в «Истории второй мировой войны», «Истории Великой Отечественной войны»³, в сборниках документов и материалов «Коммунистическая партия в Великой Отечественной войне»⁴, «Партия во главе народной борьбы в тылу врага в 1941–1944 гг.»⁵, «Ставрополье в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.»⁶, «Кубань в Великой Отечественной войне»⁷, «Народы Карачаево-Черкесии в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.»⁸, многих других. Вызывают интерес наличием документального материала работы коллективов авторов: «Народный подвиг в битве за Кавказ»⁹, «Очерки истории Краснодарского крайкома КПСС», «Очерки истории Ставропольской организации КПСС», «Очерки истории Чечено-Ингушской АССР» ч. 2, «Северо-Осетинская партийная организация в годы Великой Отечественной войны» и другие¹⁰. Как правило, все эти труды авторских коллективов вышли в свет в 60–80-е годы во исполнение заказов партийных организаций, однако, несмотря на известную политизированность, в них много не только документальных источников, но и противоречий, недосказанности, что, в конце концов, и обусловило запутанность темы. В процессе работы над проблемой мы будем обращаться к этим трудам.

В числе авторских работ, которые удостоили вниманием вопросы партизанского движения на Северном Кавказе, отметим работу А. А. Гречко. «Битва за Кавказ», И. В. Тюленева «Крах операции «Эдельвейс»¹¹. Однако, видные советские военачальники дали в книгах поверхностную позитивную оценку партизанскому движению, кроме того, подробный анализ борьбы в тылу врага в их задачи не входил.

Обширный фактический материал был использован Е. Т. Хакуашевым, В. И. Филькиным, М. Г. Шайдаевым, Г. П. Ивановым, Ч. С. Кулаевым¹² и другими учеными. Однако эти работы согласовывались с партийными установками и посвящены участию партийных организаций в обороне и освобождении Северного Кавказа от немецко-фашистских захватчиков.

Попытка критического анализа партизанского движения на Ставрополье была предпринята и автором этих строк в 1990 г.¹³ Однако, на содержании статьи сказалась и неполнота документальной основы, в виду закрытости партийных архивов и отказов в допуске к ним, и ограниченные возможности журнала. В 1992 году столичное издательство «Республика» выпустило книгу Р. Медведева и Д. Ер-

макова «Серый кардинал»¹⁴. Авторы, на наш взгляд, концептуально верно определили роль М. А. Сулова в партизанском движении на Ставрополье, однако, чувствуется скудость источников, кроме того, не освещен сам характер партизанской войны. Р. Медведев и Д. Ермаков открыто связывают депортацию карачаевского народа с деятельностью первого секретаря Ставропольского крайкома ВКП(б) М. А. Сулова. Кроме того, в книге дается оценка работы краевого штаба партизанского движения: «Партизанское движение в крае не было столь повсеместным, всеобщим и массовым, как это принято описывать... Единого управления из центра не существовало. На то имелись свои причины. Во-первых, срок пребывания гитлеровцев на Ставрополье был незначительным – 5 месяцев. Во-вторых, создание партизанских отрядов в некоторых районах провалилось: наспех закладываемые базы были обнаружены, определенные успехи здесь имела и гитлеровская пропаганда...

Штаб же практически бездействовал: Сулов в острой критической ситуации не проявил ни решительности, ни умения организовывать людей. Да и так называемый штаб, а на самом деле часть аппарата крайкома, попросту скрывалась в буйных камышах в районе Кизляра»¹⁵. В приведенной цитате много верного, но, вместе с тем, все происходило несколько иначе. Утверждение, что «штаб практически бездействовал», мы считаем отчасти верным.

Краткий анализ партизанского движения на Ставрополье, в частности Карачаево-Черкесии, предпринят в книге «Депортация карачаевцев. Документы рассказывают»¹⁶. Автор-составитель Р. С. Тебуев выполнил большую и благодарную работу, исследователь найдет в ней много фактического материала. Партизанское движение затронуто автором в контексте обоснования причин депортации народа, показана роль М. А. Сулова в подготовке и мотивации выселения, его участие в увязывании слабой партизанской войны с характером карачаевского народа. Однако, есть ряд неточностей. Так, например, в 1942 г. г. Кизляр входил в состав Ставропольского края, а не Дагестанской АССР¹⁷ и т. п.

Непосредственно партизанскому движению на Ставрополье посвящено несколько книг: В. А. Аргутинской «Пламя гнева»¹⁸, Саренца Р. Г. «Непокоренный край»¹⁹, А. Попутько и В. Гнеушева «Партизанский заслон»²⁰. Книга В. Аргутинской для нас особого интереса не представляет, потому что в ней более художественного вымысла, нежели документальных фактов. На книгах Р. Г. Саренца и ставропольских журналистов остановимся подробнее по ряду причин.

Р. Г. Саренц в годы Великой Отечественной войны был членом крайкома партии, редактировал краевую газету «Орджоникидзевская правда». В Кизляре находился вместе с Сусловым. О партизанах и отрядах знал не понаслышке, а непосредственно от самих участников событий. Р. Г. Саренц неоднократно публиковал очерки о народных мстителях. Последний большой очерк — своего рода квинтэссенция написанного им, — был опубликован в Ставрополе, в 1985 г. Называется он «Непокоренный край»²¹.

Два издания выдержала документальная книга ставропольских журналистов А. Попутько и В. Гнеушева «Партизанский заслон». В 1983 г. по итогам Всесоюзного конкурса трилогия «Тайна Марухского ледника», «Дыхание лавин» и «Партизанский заслон» получила первую премию.

Читатель обязательно почувствует, что обе книги. «Непокоренный край» и «Партизанский заслон» явились результатом заказа либо самого М. А. Суслова, либо его окружения, либо инициативы Ставропольского крайкома КПСС, над которым кураторствовал до конца своей жизни «второй человек после Брежнева». Особенно усердствуют авторы «Партизанского заслона». В восхвалении Суслова им изменяет чувство меры, многое, из того, что касается работников крайкома ВКП(б) И. Храмкова, Н. Луценко, Т. Мищенко, попросту приписано, возвеличена их роль в партизанском движении. В то же время в главе «Цена предательства» авторы отклоняются от истины до неприличия. В частности, по данным военной прокуратуры заместитель начальника краевого управления НКВД Унух Кочкаров добровольно немцам не сдавался, а был схвачен 23 октября 1942 г. казачьей карательной группой из станицы Зеленчукской, близ хутора Ермоловского. Партизан Н. Газизова и И. Глоова Кочкаров не выдавал карателям и на суде в этом не обвинялся, и т. д.

Авторы широко используют приемы для создания картины эффективного действия краевых руководителей, механически перенося одно и то же событие в разные по времени и месту ситуации. В легендах, созданных журналистами, много противоречий. Так, они утверждают, что тот же Кочкаров «выдал немцам место расположения объединенного штаба, базы снабжения, составил и нанес на карту все необходимые врагу координаты партизанских действий в горах»²². В то же время сообщается, «что партизаны часто меняли место дислокации..., но в октябре сводный штаб вместе с Преградненским, Новоалександровским и Кировским отрядами обосновались на горе Лысой. На водоразделе рек Уруп и Черемуха в 28 кило-

метрах юго-западнее станицы Преградной... По ночам здесь горели костры. Партизаны себя чувствовали уверенно, а немцам Лысая гора внушала смертельный страх»²³.

Из содержания становится ясно, что тот же Кочкаров, направляясь в Архыз, где раньше базировался штаб и откуда он ушел на разведку, не знал о передислокации штаба, в то же время читателю очевидно, что противник знал об отряде на Лысой горе, ибо с какой стати испытывать «смертельный страх» — налицо факт беспечности самих партизан. Цена беспечности — ликвидация казаками карательного отряда Пономаренко и подразделениями немецкого 91-го горно-пехотного полка партизанских баз. И таких неувязок много. Но, тем не менее, ценность книги определяется большим количеством фактического материала, в пределах дозволенного по тому времени и тому заказу, который получили, авторы использовали все, что могли. Там, где не нужно было создавать пропагандистских легенд, они объективно рассказали о событиях осени 1942 г. Это касается, в частности, повествования об отряде «Мститель», о роли секретаря крайкома — М. Золотухина и других. В дальнейшем мы будем в своей работе обращаться к этим книгам.

Для 70-80-х годов характерно то, что в печати стала появляться информация взаимоисключающего характера: с одной стороны, — утверждение, что «партизаны сражались с большой отвагой и стойкостью. Незримый партизанский фронт раскинулся на сотни километров — от седоглавого Эльбруса до горы Загедан... партизаны мужественно сражались с первого дня оккупации до последнего»²⁴. С другой стороны — сообщения об инертности населения, о том, что «главная сложность заключалась в том, что партизанские отряды не получили должной поддержки со стороны населения.

Это относится в первую очередь к населению Учкуланского, Микоян-Шахарского, Зеленчукского и Преградненского районов. Это явление объясняется тем, что в силу низкой политической сознательности определенная часть населения легко поддавалась влиянию фашистской пропаганды, религиозно-националистических проповедников»²⁵. В ряде публикаций «некоторая», или «определенная», или «значительная часть карачаевского населения» области прямо обвинялась в развале партизанского движения²⁶. И та, и другая точки зрения были обнародованы с согласия Ставропольского крайкома КПСС, публиковались в органах краевого и областного комитетов партии. И уже в 1995 г. на уровне Департамента Северного Кавказа Министерства по делам национальностей, была изложена концеп-

ция ликвидации партизанского движения из-за предательства карачаевского народа²⁷.

Таким образом, к исходу 90-х годов сложились концепции в историографии партизанского движения на Северном Кавказе:

— труды, написанные в русле истории КПСС и полностью признающие как масштабное партизанское движение, так и ведущую роль в нем М. А. Сулова;

— литература, отрицающая широту партизанского движения и ведущую роль секретаря крайкома;

— литература, объясняющая развал партизанского движения переходом народа или значительной его части на сторону немецко-фашистских оккупантов.

К третьей группе относятся работы Н. Ф. Бугая²⁸, А. М. Гонова²⁹, Х. О. Лайпанова³⁰, материалы научно-теоретической конференции, проведенной Карачаево-Черкесским обкомом КПСС в 1977 г.³¹, А. Попутько и Ю. Христинина³², А. Попутько и В. Гнеушева³³, А. Авксентьева³⁴ и др.

Эта группа авторов по существу оправдывала проведение депортации народов Северного Кавказа, и, несмотря на то, что в 1989 г. Верховный Совет СССР принял Декларацию «О признании незаконными и преступными репрессивных актов против народов, подвергшихся насильственному переселению, и обеспечению их прав», на принятие в 1991 г. закона Российской Советской Федеративной Социалистической республики «О реабилитации репрессированных народов», на официальные извинения Президента РФ от 24 февраля 1994 г., принесенные «всем гражданам России и их семьям, пострадавшим от депортации», названной там же «позорными страницами в истории нашей страны»³⁵, вышеперечисленными авторами пропагандируется концепция о негативной роли населения в партизанском действе. Особый упор при этом делался на карачаевский народ; считается якобы, что горно-лесная зона бывшей Карачаевской автономной области была как нельзя лучше пригодна для партизанской борьбы, что борьба эта развивалась, но население не поддержало партизан, а в ряде случаев прямо противодействовало их борьбе³⁶, и, кроме того, некоторые местные жители предали партизан. При этом не делается даже попыток проанализировать ситуацию, сложившуюся осенью 1942 г. на Северном Кавказе. Таким

образом, можно считать, что этими авторами нарушена статья 4 закона РФ «О реабилитации репрессированных народов».

Кроме ответственности юридической, авторы несут ответственность перед исторической наукой за фальсификацию и нравственную ответственность перед народами, чью историческую память они эксплуатируют, защищая докторские диссертации. Из ныне публикуемых авторов мы имеем в виду доктора исторических наук, профессора, бывшего начальника Департамента Северного Кавказа — Н. Ф. Бугая и доктора исторических наук А. М. Гонова. Складывается впечатление, что оба автора имеют весьма смутное представление о том, о чем решили поведать читателю и что закрепить в анналах истории. «Много славных побед одержали партизаны области: разгром двух крупных групп парашютной дивизии «Эдельвейс», уничтожение вражеских отрядов под Архызом, в ауле Красный Карачай и т. п. Только партизаны Западной группы уничтожили 1799 вражеских солдат и офицеров, 11 танков и бронемашин, 22 автомашины, взорвали 17 мостов, около 30 км телеграфно-телефонных линий и т. д. На фронтах погибли многие карачаевцы, — сообщает Н. Ф. Бугай, — ... Немецкое командование, преследуя цель расширить и укрепить свое влияние в Карачае путем подкупа, интриг, заигрывания с мусульманским духовенством и другими авторитетными среди мусульман людьми, вовлекало его в борьбу с Советами. В области было ликвидировано партизанское движение»³⁷.

Прежде всего, и это общеизвестно, в составе вермахта не было никакой парашютной дивизии «Эдельвейс».

Под этим названием на перевалы Главного Кавказского хребта наступала 1-я горнострелковая дивизия. В Архызское ущелье эта дивизия не направлялась. По Архызу и Лабе действовали подразделения 4-й горнострелковой дивизии генерала Эгельзеера. Соответственно, «разгром двух крупных групп парашютной дивизии «Эдельвейс» — вымысел. Далее, через аул Красный Карачай проходили подразделения 1-й горнострелковой дивизии «Эдельвейс», а не безликие «вражеские отряды». Автор, вероятно, имеет в виду два боя: первый — в ущелье Архыза в местечке Буково, проведенный совместными усилиями Черкесского городского и районного отрядов 16 августа 1942 года, второй — выше аула Красный Карачай в Аксаутском ущелье, проведенный отрядом «За Родину!» с батальоном горных стрелков из «Эдельвейса». И в том, и в другом бою немцы понесли потери, но не настолько, чтобы остановить дальнейшее продвижение вперед. После боя отряд «За Родину!» вынужден был

отступить в сторону Теберды³⁸, а объединенный Черкесский городской отряд был разбит немцами и рассеялся по лесам. В дальнейшем этот отряд существование свое прекратил³⁹. Таким образом, «уничтожение вражеских отрядов под Архызом, в ауле Красный Карачай и т. п.» — тоже вымысел. Нет логической связи между впечатляющими цифрами потерь в живой силе и технике, понесенных немцами, и утверждением о «ликвидации партизанского движения». Что касается «подкупа, интриг, заигрывания с мусульманским духовенством», то профессор Н. Ф. Бугай не может не знать о том, что этот набор приемов всегда имелся в арсенале завоевателей всех времен и народов. Не чуралось этих приемов и командование российских колониальных войск в XVIII-XIX веках, не чужды были они большевикам в годы установления Советской власти, и, думается, не канули в вечность и сегодня.

Немецкое командование, как известно, заигрывало не только с мусульманским духовенством, но и с любым, если в этом был резон. К примеру, по инициативе гитлеровцев 12 мая 1943 г. на Смоленщине состоялось Епархиальное собрание уполномоченных представителей и мирян Смоленской Епархии, на котором с докладом «О партизанах и отношении к ним» выступил авторитетный священник П. Мелетиев. Протоиерей Шиловский выступил перед собравшимися с докладом «Непримиримые враги христианства», призывал паству к беспощадному истреблению евреев⁴⁰. Собравшиеся, как свидетельствуют документы, поддержали святых отцов.

Для юга — Дона, Кубани, Ставрополя было характерно, что немцы, следуя распоряжению рейхскомиссара Восточных пространств Альфреда Розенберга, вели по отношению к казакам точно такую же политику, как и к горцам, но, в отличие от горных аулов, немцы помогали открывать церкви, восстанавливать их. Именно эта политика, вкупе с ненавистью к Советам, толкнула сотни тысяч казаков в объятия фашистов. Так началась казачья трагедия. Об этом сегодня публикуется много, мы же приведем из большого количества материалов свидетельство Е. Б. Польских, прошедшей вместе со ставропольцами, донцами и кубанцами весь крестный путь: «Кубань и Ставрополье — «русская Вандея» — уходили за немцами добровольно. Десятки сотен бричек заскрипели по степям в направлении Укraiны, Белоруссии и по указанию немцев спустились в Италию. Это был великий и последний в истории казачества «Отступ».

С немцами уходили и верующие: православные и сектанты. Сколько раз слышала я признания: «Немцы, конечно, гады, вроде сталин-

цев, но мы за них стоим по одному тому, что воны церкви пооткрывалы!»⁴¹.

Таким образом, мы считаем тенденциозным перенос немецкого воздействия на религиозные чувства верующих исключительно на мусульман и придание ему националистической окраски.

На борьбу с какими советами «вовлекалось население» в полностью оккупированной области, тоже остается загадкой. Отметим также, что «интриги и заигрывания с мусульманским духовенством» никакого влияния на партизан не имели, ибо «одурманенное» мусульманское духовенство в глаза не видело этих партизан. Отряды потерпели поражение и распались совершенно по другой причине.

Таким образом, Н. Ф. Бугай, говоря о «ликвидации партизанского движения», сознательно стремится сформировать, посредством ассоциативного мышления у читателя картину мощного партизанского движения, раздавленного мусульманско-националистическим прессом. Доказывает свой вывод Николай Федорович весьма изящно: «лучше всего характеризовали ситуацию сами карачаевцы», имея в виду сообщения в печати суловских прилежных учеников Х. О. Лайпанова и К. Р. Килкеева о 65 бандах и пр., нисколько не заботясь о том, в каких условиях и когда появились эти сообщения. Он далек от анализа такого понятия как «суловщина», определяющего новую форму постколониальной политики в эпоху «развитого социализма», политики психологического и идеологического пресинга, оказываемого на целые народы.

Уход от всестороннего анализа, от объективной конкретизации, оперирование зыбкими, не перепроверенными фактами посредством синтаксических и семантических спекуляций является сегодня одним из самых распространенных методов формирования псевдоисторического негатива, лжи, которая впоследствии закрепляется в исторической науке на правах правды.

Говорим об этом потому, что образ народов-националистов, народов-предателей начал формироваться в отечественной истории не вчера и не сегодня.

После депортации народов Северного Кавказа многие ученые зачитали диссертации, в которых на всякие лады восхвалялась «мудрая» национальная политика и оправдывалась депортация. Многие из них сохранились в библиотеках. В работе доктора юридических наук А. М. Ладыженского «Адаты горцев Северного Кавказа», изданной в 1946 году, сообщается, что «Советская власть принимала всевозможные меры для улучшения жизненных условий в Чечне

и поднятия культуры; чеченцы при временной оккупации немцев не проявили себя как советские патриоты. В значительной степени сказанное относится и к Ингушетии, и к Балкарии, и к Карачаю, где также были восстания против Советской власти...»⁴². Таким образом, точка зрения, оправдывавшая сталинскую национальную политику, основанную на насилии по отношению к целым народам, жива и поныне, и не только жива, но и получила дальнейшее развитие путем популяризации как вымышленных фактов, так и данных, сфабрикованных в свое время сотрудниками НКВД. Пристрастия своего к документам НКВД СССР авторы не скрывают⁴³.

Как видно из вышеизложенного, проблема депортации напрямую увязывается с проблемами партизанской войны. «Ликвидация партизанского движения» для человека непосвященного имеет тем большее значение, что, по данным Ставропольского крайкома ВКП(б), именно в Карачаевской автономной области в 1942 г. сосредоточились все шесть отрядов Черкесской автономной области, три отряда — Изобильненский, Ново-Александровский и Либкнехтовский Ставропольского края, семь отрядов самой Карачаевской области. Объясняется такое скопление установкой крайкома партии и якобы отсутствием на территории Черкесской автономной области условий для партизанской борьбы.

«Партизан», «партизанское» — в толковом словаре трактуется соответственно: «член народного вооруженного отряда, самостоятельно действующего в тылу врага», «относящееся к вооруженной народной борьбе, проводимой самостоятельными отрядами в тылу врага».

В нашем случае ни один отряд не действовал в тылу врага. Вяжываясь в бои с врагом, они сами формировали линию фронта, а иногда выполняли функции арьергардов частей Красной Армии (например, отряд «Мститель»). В силу этого, часть отрядов, теряя бойцов в труднопроходимых и не известных им ущельях, ушла в Закавказье сразу: Изобильненский, Либкнехтовский; часть боролась в прифронтовой полосе, постоянно контролировалась фашистами, подвергалась воздействию авиации врага, часть бойцов была отпущена командирами, часть — дезертировала, многие погибли в боях. Крайне сложными были взаимоотношения внутри штаба Западной группы. Рассорившись с краевым руководством, покинули штаб первый секретарь Карачаевского обкома ВКП(б) М. Г. Романчук и первый секретарь Черкесского обкома Г. М. Воробьев⁴⁴. Оба они погибли.

Возможности для маневров у отрядов были крайне ограниченные и фактически очерчивались сравнительно узкой полосой лесов на труднопроходимых, а иногда и непроходимых склонах ущелий, выше которой альпийские луга, перевалы, занятые противником, скалы и ледники с их суровым непостоянным климатом; ниже полосы лесов – села, аулы и станицы, ставшие базовыми для захватчиков.

Таким образом:

1. Называть отряды партизанскими можно условно, ибо они больше тяготели к ополченским или истребительным отрядам. В то же время такое определение ничуть не имеет целью умалить боевые заслуги тех, кто пал в неравных боях, сражался с коварным, опытным врагом, и в условиях, близких к экстремальным, сделал все, что мог.

2. Действия отрядов вряд ли можно определить как «движение», то есть активную деятельность множества людей, направленную на достижение общей цели. Во-первых, отряды были малочисленны, во-вторых, срок их действия был короток, в – третьих, не было не только единого плана действий, но и связи между отрядами, единства в самом штабе, таким образом, действия отрядов не могут определяться как движение в полном смысле этого слова.

3. Концепция подавления партизанской борьбы при помощи населения, протаскиваемая в последние годы в историческую науку, – лжива, ничем не обоснована и не имеет права на жизнь.

Действия отрядов были прекращены не под воздействием «подкупа, интриг и заигрывания» и не потому, что «население не поддерживало партизан», а в силу чисто тактических соображений: все активной проявлял себя противник; осенне-зимние условия в горах; непродуманное расположение баз, в результате чего они в первые же дни боев попали к врагу; риск быть уничтоженными в любой день и многое другое. И если отряды, лишившиеся баз, сумели продержаться в горах определенное время, то это только благодаря местным жителям, снабжавшим их по возможности. Уже одно то, что «карачаевец-пастух пригнал в отряд 80 овец»⁴⁵, другой – пригнал лошадей, говорит само за себя. Бывшие партизаны вспоминают, что высоко в горах люди снабжали их молочными продуктами, мясом⁴⁶.

Многие отряды ушли в Закавказье. В дальнейшем, после освобождения края в 1943 г., часть бойцов участвовала в войне в составе регулярных войск, часть – отличилась на хозяйственной работе, многих ждали партийные организации области и края, других собирал для своей работы НКВД.

Актуальность темы обусловлена неослабевающим интересом политиков, исследователей, историков, широкого круга читателей к проблемам, связанным с Северо-Кавказским театром военных действий в годы Великой Отечественной войны, наличием противоречий и споров о причинах депортации народов Северного Кавказа в 1943-1944 гг., совершенной запутанности проблем партизанского движения, необходимостью систематизировать опубликованный материал, внести дополнительные как архивные, так и аналитические данные.

Новизна работы в том, что впервые на научном уровне предпринята попытка воссоздать историю партизанского движения на Северном Кавказе в ее неполитизированном виде; организацию этой борьбы, боевого пути отрядов, итогов партизанской войны.

В работе вводится в научный оборот большое количество ранее не публиковавшихся архивных документов.

Методологической основой работы явился принцип сравнительного анализа, изучение фактов с разных точек зрения, принцип исторической объективности.

Автор рекомендует свою работу самому широкому кругу заинтересованных читателей.

ГЛАВА II. НАВЕТ

Спустя неделю после нападения немецко-фашистских захватчиков партия и Советское правительство приняли Директиву партийным и советским организациям прифронтовых областей от 29 июня 1941 г. В этом документе руководство ЦК ВКП(б) и СНК СССР раскрывало перед населением, советскими и партийными органами характер войны, подчеркивало смертельную опасность, нависшую над страной. Центральный Комитет и Советское правительство требовали от населения, временно попавшего под оккупацию, в первую очередь от коммунистов и советских работников, ушедших в подполье, мобилизоваться на борьбу с врагом. 18 июля 1941 г. ЦК ВКП(б) принял специальное постановление «Об организации борьбы в тылу германских войск»¹. В данном Постановлении Центральный Комитет указывал партийным органам, что главная задача «теперь заключается в том, чтобы создать невыносимые условия для интервентов, дезорганизовать их связь, транспорт и сами воинские части, срывать все их мероприятия, уничтожать захватчиков и их пособников, всемерно помогать созданию конных и пеших партизанских отрядов, диверсионных и истребительных групп, развернуть сеть большевистских подпольных организаций на захваченной территории для руководства всеми действиями против фашистских оккупантов»². Таким образом, наряду с постановкой задач по борьбе за очищение страны от захватчиков, руководство партии как бы признало наличие большого количества партийных и советских работников самого различного ранга на оккупированной противником территории. В соответствии с постановлением, всем им надлежало действовать.

В то же время в связи с действием приказа «О комиссарах», подписанного Кейтелем, для коммунистов в зоне оккупации наступали сложные времена. В приказе, в частности, говорилось:

1. Политические деятели и руководители (комиссары) подлежат ликвидации.

648883

ГОСУДАРСТВЕННАЯ
НАЦИОНАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА
КАРАЧАЕВО-ЧЕРКЕССКОЙ
РЕСПУБЛИКИ
ИМ. Х.Б. БИНОЗМУКОВОЙ

2. Если они будут захвачены в плен армией, то любой офицер, имеющий право дисциплинарного наказания, должен принять решение о ликвидации данного лица. Для такого решения достаточен факт, что данное лицо было политическим функционером.

3. Политический комиссар не признается военнопленным и подлежит ликвидации не позже, чем в транзитных лагерях»³. Приказ был обязателен для исполнения.

Почти одновременно с вышеприведенным приказом был издан приказ «О военной подсудности в районе «Барбаросса» и об особых мероприятиях войск», подписанный Гитлером. Согласно этому приказу, военнослужащие вермахта освобождались от уголовной ответственности за преступления против мирного населения. Приказ не предполагал исключения ни для одного региона⁴.

23 июля 1941 г. Кейтель подписал еще один приказ, совершенно развязывавший руки солдатам и офицерам вермахта, «Об освобождении от судебной ответственности». В соответствии с ним любой немецкий солдат и офицер мог расстрелять мирных жителей по малейшему подозрению⁵.

Комплекс этих драконовских мер, вкупе с более-менее разумным принципом хозяйствования, позволил гитлеровцам на первом этапе войны избежать того, что стало для них настоящим бедствием в 1942-1944 гг. — подлинно всенародной партизанской войны.

Вовсю действовала нацистская пропагандистская машина. Практически во всех оккупированных областях немцам удалось организовать хозяйственно-политические институты и партии фашистского толка. В центральной полосе на Брянщине, Орловщине, в Смоленской и других областях содействие оккупантам оказывали «Русский освободительный военный союз», «Национал-социалистическая партия всей России»⁶ и другие. На них же возлагались хозяйственные задачи, под контролем немцев, в соответствии с «Инструкцией ведения хозяйства на Востоке», где, в частности, предписывалось: «Сохранение колхозной системы необходимо пока для того, чтобы предотвратить перебои в снабжении германской армии и хозяйства за счет русских просторов»⁷. Характер оккупационного режима и жизнь населения в занятых противником территориях нами рассмотрены в специальной работе, пока же отметим, что появление таких институтов, как «Областной Карачаевский национальный комитет», «Черкесская областная управа» и др. осенью 1942 г. в контексте изложенного не являлось чем-то из ряда вон выходящим.

Не всегда и не везде коммунисты выполняли то, чего от них требовала партия – были соблазненные «германским раем» и сдавшие партийные билеты; были схваченные в период оккупации и казненные; были затаившиеся в подполье и не имевшие возможности хоть как-то организовать борьбу с врагом. Первый год в плане партизанской войны для СССР был очень тяжелым. Об этом свидетельствует и то, что специальная директива немецкого командования «О борьбе с бандами» появилась лишь на исходе 1942 г. – 16 декабря. Директива призывала к самой жестокой борьбе с партизанами. «Войска имеют право и обязаны применять в этой борьбе любые средства без ограничения, также против женщин и детей... Проявление любого вида мягкости является преступлением по отношению к германскому народу»⁸, объявлялось в ней.

В дальнейшем, как известно, провал стратегии молниеносной войны вынудил гитлеровское руководство внести свои коррективы в специфику оккупационного режима, создав тем самым предпосылки для истинно широкой, всенародной борьбы в тылу, превратившейся в 1943-44 гг. в партизанскую войну.

Пока же этого не происходило, и сталинское руководство все больше проявляло озабоченность слабостью действий народных мстителей. Директива по организации народной войны в тылу врага была положена в основу знаменитой речи И. В. Сталина по радио 3 июля 1941 г. В дальнейшем, в целях улучшения связи и взаимодействия с командованием Красной Армии, постановлением Политбюро ЦК ВКП(б) секретари обкомов и крайкомов, там, где проходила линия фронта, назначались членами Военных советов соответствующих фронтов.

Коснулась эта практика и секретаря Ставропольского крайкома партии М. А. Сулова, когда в августе 1942 г. аппарат крайкома переместился в Хасавьюрт, а секретариат остановился в Кизляре, входившем тогда в состав Ставропольского края. Секретариат крайкома расположился в прифронтной полосе. 8 августа 1942 г., решением ГКО была образована Северная группа войск Закавказского фронта. В соответствии с ранее принятым постановлением Политбюро ЦК, М. А. Сулов стал членом Военного совета Северной группы войск.

5 сентября 1942 года И. Сталин вновь возвращается к проблеме всенародной борьбы в тылу врага. В этот день появился Приказ народного комиссара обороны СССР «О задачах партизанского движения»⁹, в котором прослеживается раздраженность Сталина мед-

ленными темпами организации партизанского движения на оккупированных территориях. Во исполнение этого приказа для народных мстителей выделялись денежные средства, забрасывались в тылы опытные чекисты, диверсионные группы, инструкторы обучения военному делу.

Пока же опыта ведения партизанской войны в новых условиях и с таким противником было мало. Миллионам советских людей, оставшимся на оккупированных территориях, еще только предстояло осознать всю меру опасности, нависшей над страной, пройти через голод и унижения, пытки и грабежи, прежде чем накопить опыт вооруженного сопротивления во вражеском тылу.

До появления вышеупомянутого приказа, в связи с катастрофической ситуацией, сложившейся на Северном Кавказе, Постановлением ГКО от 3 августа 1942 г. для координации действий партизанских отрядов Крыма и Северного Кавказа был создан ЮШПД — Южный штаб партизанского движения. Возглавил его участник войны в Испании, разведчик, полковник Хаджи Умар Мамсуров. Однако в скором времени он был отозван из г. Сочи, где располагался ЮШПД, в распоряжение Центрального штаба партизанского движения. В ЮШПД пришел П. И. Селезнев — первый секретарь Краснодарского крайкома партии.

К этому времени Ставропольский край был оккупирован почти полностью, немцы застряли в ногайских степях неподалеку от Кизляра, где находилось руководство крайкома. Возможности обеспечить эффективную постоянную связь между Сочи и Кизляром в то время не было. Сложилась ситуация, когда региональные партизанские штабы, оказались в тылу Красной Армии, а не в тылу врага. И если ЮШПД из г. Сочи мог более или менее оперативно координировать действия своих отрядов, в виду близости расстояния между штабами и отрядами, то Ставропольский крайком совершенно не имел связи с Южной и Западной группами и влиять на ход событий никак не мог. В то же время руководство всеми нерегулярными подразделениями Северного Кавказа было отсечено от центра, от Москвы, и в такой ситуации действовало по собственному усмотрению. О каком-либо контроле за действиями отрядов со стороны Москвы говорить не приходилось. В дальнейшем это позволило руководителям партизанского движения весьма приблизительно отчитаться перед Кремлем, доведя статистику партизанских побед до такой степени, которая устраивала бы Сталина. Естественно, перепроверить реальность изложенного тогда не представлялось возможным.

Вот так и получилось, что статистика партизанской войны на Ставрополье выделилась отдельной графой, а не вошла в сводный отчет ЮШПД. М. А. Суслов проявил определенную сноровку и предусмотрительность при составлении отчета.

После освобождения края статистическим данным нужно было придать соответствующую форму и посредством пламенного слова поведать всему народу о подвигах партизан. М. Суслов для этой цели выбрал «Правду». 26 января газета опубликовала статью «В освобожденном крае»¹⁰.

Подробно рассказывая читателю газеты о масштабах партизанского движения, о роли партизан в освобождении края, о взаимодействии отрядов с армейскими частями, автор, в сущности, грубо, приписал заслуги в очищении Ставрополья своим подопечным, упомянув о действиях и решающей роли наступавшей Красной Армии вскользь. Тем не менее, можно считать, что автор статьи был замечен в Кремле и взят на карандаш в положительном для него плане.

Омрачало то, что с Южной группой, от которой не было решительно никаких известий, кроме скудных сведений об отряде им. М. Ю. Лермонтова, ушедшего перед приходом немцев в Кабардино-Балкарию, и Западной, о которой рассказали. выбравшиеся в январе 1943 г. в район расположения крайкома секретарь И. П. Храмков и два его заместителя, было не все ладно. М. Суслов не мог признать ни в центре, ни на месте, что эти группы были брошены на произвол судьбы, что ответственные за действия этих групп по сути дела не справились с возложенной задачей, что отряды высоко в горах не могли прижаться под крыло стоявшей в обороне и истекавшей кровью Красной Армии, потому были раздавлены горнострелковыми частями противника.

К этому времени факты депортации отдельных групп населения не были единичными. Уже был накоплен опыт переселения корейцев, поволжских немцев, части жителей Прибалтики, Западной Украины. Несмотря на титаническое напряжение в борьбе с гитлеровскими оккупантами, НКВД с благословения ГКО продолжал раскручивать маховик репрессий.

Суслов, естественно, знал, что осуждение немцев Поволжья было превентивным, вполне вероятно, что он мог знать и о заседании Политбюро ЦК ВКП(б) в феврале 1943 г., где впервые был поставлен вопрос о депортации карачаевского народа, и причины депортации тоже должны были быть необоснованными, ибо весь компромат на народ только собирался, но в любом случае ему было ясно одно:

он *не мог* признать ни одного своего провала, он обязан был настаивать на факте масштабного партизанского движения. Если уж и были провалы, то не по его, Суслова, вине. А кто виноват? Для этого десятков-другой бандитских групп не помешает. В дальнейшем НКВД развил активную деятельность по созданию документального материала, якобы свидетельствующего о бандповстанческом движении. Такого рода деятельность входила в планы генерала И. А. Серова, прибывшего в Карачай в феврале 1943 г. и имевшего к этому времени солидный опыт подобной работы.

Необходимо отметить, что в той же работе Н. Ф. Бугая «Л. Берия — И. Сталину: «Согласно Вашему указанию...»» приезд Серова и работа чекистов преподнесены тенденциозно, факты свидетельствуют о том, что автор не знаком с историей освобождения республик и областей Северного Кавказа. «В январе 1943 года, — сообщает он, — советские войска сломили сопротивление гитлеровцев и выбили врага с территории области (Карачаевской АО имеется в виду — *авт.*). Сразу же были приняты меры по стабилизации обстановки, ослаблению напряженности. НКВД СССР командировал в Карачай комиссара г. б. И. А. Серова. Под его руководством состоялся ряд совещаний, велась подготовка по военно-чекистским операциям»¹¹.

Дело в том, что «советские войска не выбивали врага» с территории области, так как враг здесь сопротивления не оказывал, он даже не входил в соприкосновение с частями Красной Армии. Предвидя опасность дальнейшего пребывания в горных ущельях, зная, что они в любой момент в период наступления советских армейских соединений и частей станут ловушкой, немцы сняли свои подразделения и организованно покинули горный район.

11 января 1942 г. гитлеровцы ушли из областного центра, а спустя неделю подразделения советских войск под командованием майора Вдовыденко заняли центр области — г. Микоян-Шахар. В Карачае к этому времени была восстановлена советская власть¹².

Истинная причина приезда И. Серова была не в том, чтобы «ослабить напряженность». Хотя к этому времени, в феврале 1943 г., в Учкуланском ущелье, сводный отряд НКВД, созданный из местных работников органов и курсантов Орджоникидзевского пехотного училища, шедший на ликвидацию банды Ислама Дудова, был разбит.

В феврале 1943 г. в областной центр г. Микоян-Шахар прибыли комиссар госбезопасности Серов, нарком внутренних дел Грузии

Ш. Церетели¹³. В поездках по Карачаевской автономной области их сопровождал секретарь обкома Х. О. Лайпанов. Ему и начальнику секретно-политического отдела Карачаевского управления НКВД В. М. Такмакову поручалось составить листовки на карачаевском и русском языках, предписывавшие до 22 февраля 1943 г. выдать органам бандитов Дудова Ислама, Байрамукова Кады, Лайпанова Муратбия, Гебенова Мухаджира, Коркмазова Хусея и бургомистра г. Кисловодска Кочкарова Маджира¹⁴. Однако, к этому времени из перечисленных лиц кроме Дудова Ислама и Коркмазова Хусея в Учкуланском ущелье никого не было: и Байрамуков, и Лайпанов ушли с немцами.

По приказу И. А. Серова и наркома внутренних дел Грузии Ш. Церетели были собраны также наиболее авторитетные старики Карачая: Чотчаев Дугур, Кочкаров Казии из Красного Октября, Чотчаев Алий и Лайпанов Локман из Нового Карачая, Хаджилаев Исса, Хапчаев Бахит и Касаев Унух из Кумыша, Блимготов Магомет из Нижней Теберды, Пиляров Хызыр из Верхней Мары, Коркмазов Топчук и Джанибеков из Микоян-Шахара и Казиев Сары из Каменномоста. Серов и Церетели в зимних условиях заставили проделать стариков весь путь до Карт-Джурта и обратно (94 км) пешком. Путники встретились с Исламом Дудовым, Японом Магояевым и Хусеем Коркмазовым, передали им условия сдачи, предложенные Серовым. Дудов отказался¹⁵.

Вот тогда по приказу Серова, согласовавшего вопрос с М. Суслевым, в Учкуланский район Карачаевской автономной области была направлена дивизия войск НКВД под командованием генерал-майора Киселева¹⁶. Операцию разрабатывали Церетели и начальник НКВД по Ставропольскому краю Ткаченко. Утвердил ее Серов. Дивизия тремя колоннами с трех направлений 22 февраля 1943 г. стала выходить к центру Учкуланского района. Один из полков, смяв по пути засаду, потеряв при этом одного солдата и одного лейтенанта, спустился в аул Хурзук. Подразделениями был обложен дом старухи Узденовой Бушай. Старуха и ее муж сдались, дом солдаты сожгли. С «бандитизмом» в Карачае было покончено.

Эта операция впоследствии была представлена как крупная победа над многочисленными «бандповстанческими формированиями». Для полноты картины в документы были внесены бандитские группы, «функционировавшие и на территории Ставропольского края, Черкесской АО, на границе с КБ АССР: в Суворовском районе — до 100 человек, Либкнехтовском, — 50 человек, в верховьях реки

Малки — группировка «Балыкская армия» — 200 человек»¹⁷. О том, что карачаевцы не имели к указанным группам никакого отношения, умалчивалось. Наметилась тенденция приписывания действия различных банд в различных районах карачаевскому народу. В контексте функционирования несуществовавших банд в Карачаевской автономной области рассматривались данные по Ставропольскому краю в целом: «В результате перечисленных мер (разъяснительная работа, письма — обращения и др. — *авт.*) по краю было легализовано в 1943 г. 870 участников групп, 479 террористов-одиночек, 5953 дезертира, 7238 уклонявшихся от службы в Красной Армии, 18 немецких пособников, 17 диверсантов и т. д.»¹⁸.

Это привело к тому, что областной суд, не имевший представления о дальнейших планах НКВД, вынужден был вмешаться в этот процесс и признать, что «... в первое время в своей работе после освобождения Карачая были допущены существенные ошибки, вызванные, главным образом, недостаточным уяснением характеристики общественных отношений, которые сложились в период немецкой оккупации. Это обстоятельство привело к тому, что отдельные действия Советских органов в период немецкой оккупации неправильно расценивались как общественноопасные, в то время, как они по существу не содержали элементов преступления с точки зрения общих начал уголовной политики Советского Союза»¹⁹. Это свидетельствует о том, что деятельность НКВД, развитая на территории области, не поддерживалась судебными органами. Из 673 дел, возбужденных по представлению чекистов, передано в суд было 449²⁰, — это при всем при том, что судили с пристрастием. Признанные виновными были 9 августа 1943 г. высланы за пределы области²¹. Почти все они, по данным прокуратуры Карачаево-Черкесской автономной области, реабилитированы²². Отметим, что здесь речь идет не только об осужденных, но и о членах их семей.

Таким образом, деятельность И. А. Серова, Ш. О. Церетели, И. М. Ткаченко и других в Карачае была направлена не столько на стабилизацию обстановки (она в целом была спокойной), сколько на подготовку фактической, документальной основы депортации. Ничем иным нельзя объяснить придание военной стройности «бандповстанческому движению» — наличие «Штаба религиозного», который «возглавляла Бушай Узденова», мифической «мюридской группы», никогда в Карачае не существовавшей, придание «контрреволюционной националистической» окраски областному Карачаевскому национальному комитету, бывшему в действительности

интернациональным: в него входили, помимо карачаевцев, зав. горкомхозом, а затем и председатель, зам. председателя горсовета Микоян-Шахара уроженец ст. Беломечетской Федор Михайлович Толмачев, бывший заместитель заведующего сельхозотделом обкома ВКП(б) Калашников Василий Афанасьевич, Зеленчукский атаман Чернов и другие атаманы²³.

Работникам НКВД удалось придать мусульманской вере «националистический» характер, хотя за весь период оккупации Карачая едва ли можно было найти одно-единственное проявление национализма. Речь не идет об истреблении подразделениями ЕК-12 СД евреев. В расстреле евреев не участвовал ни один карачаевец.

Вопреки утверждениям²⁴, в 1943 г. на территории Карачаевской автономной области «контрреволюционный националистический элемент Карачая» не действовал, так как перечисленные люди, во главе с К. Байрамуковым, ушли с немцами в первых числах января 1943 г.

Стиль работы органов НКВД, направленный на создание картины широкомасштабного «бандповстанческого движения» со «штабами: религиозным, строевым и боевым», проявления доблести и героизма в ходе проведения «крупной войсковой операции» против полутора-двух десятков человек в общей сложности, устраивал М. Сулова. Ему везде мерещились «вражеские элементы» как внутри Советов, так и внутри партии. 12 августа 1943 г. крайком ВКП(б) направил на места закрытое письмо «О фактах политической беспечности в отношении лиц, активно сотрудничавших с фашистами в период оккупации края»²⁵. «Враг, активно проявлявший себя во время оккупации и в послеоккупационный период», выявленный органами НКВД и партийными функционерами, вполне устраивал секретаря крайкома. Географические и природные условия Карачаевской автономной области давали неограниченный простор для мифотворчества на тему политического бандитизма. Составлялись заведомо ложные списки бандитов.

Многочисленные жители аула Джегута свидетельствуют о приезде к ним Серова и секретаря обкома партии Х. Лайпанова. На сходе населения Серов зачитал список бандитов, которых местным жителям надлежало выдать НКВД. Старики ответили, что таковых в ауле нет и никогда не было. Лайпанов гневно обрушился на недоумевающих граждан, что они порочат честь генерала, отрицать этот поспешный состав — то же самое, что утверждать, будто этот большой человек, приехавший из самой Москвы, не ведает, что говорит, а

генерал, дескать, напрасно из столицы приезжать не станет. Под конец Лайпанов пригрозил, что последствия для аульчан могут быть самыми серьезными.

Таким образом, деятельность работников НКВД и органов безопасности была направлена не столько на стабилизацию обстановки, сколько на подготовку «документальной» основы депортации. Вывод этот нами сделан на основании сравнения, сопоставления:

- а) документов архивов НКВД — НКГБ;
- б) документов партийных архивов;
- в) документов госархивов;
- г) воспоминаний самих работников органов госбезопасности;
- д) воспоминаний участников воинских операций;
- е) воспоминаний и свидетельств местных жителей;
- ж) данных судебных органов;
- з) данных Ставропольской краевой и Карачаево-Черкесской областной прокуратур.

Исходя из вышеизложенного, очевидно, что документы, подписанные в свое время И. Серовым, Ш. Церетели, И. Ткаченко, Ивлевым, Рыжковым и прочими, относительно «бандповстанческого движения» на территории бывшей Карачаевской автономной области, не могут быть рассмотрены как единственно верные, а введение их в научный оборот без всестороннего анализа преследует исключительно политические цели, является догматическим, антинаучным и, кроме того, засоряет историческую науку «фактами», не имевшими места.

Аналогичным образом не выдерживает никакой критики попытка свалить развал партизанского движения на отсутствие поддержки со стороны населения, равно как и на содействие населения оккупантам, хотя единичные факты имели место: так например по данным судебных органов, партизаны Захаров, Ковтун, Чайкин, Долженко и другие — всего 12 человек, ушедшие из отряда, были выданы немцам некоей Кристополинской и расстреляны гестаповцами²⁶, Дадык Лайпанов, сводя личные счеты, расстрелял секретаря горкома М. Исакова, попавшего в плен, агенты гестапо Сотников и Зайцев выдали гитлеровцам работника обкома партии Батурина, скрывавшегося в Микоян-Шахаре; фактически сдались немцам и ими же были расстреляны руководители Учкуланского отряда секретарь райкома партии Попов, работник райвоенкомата Емельянов, работник райотдела милиции Захаров, начальник паспортного стола Кубанов. Расстрелян был немцами тяжело раненный и попавший в плен начальник райотдела милиции Халит Кагиев.

В Карачаевской автономной области работники НКВД-НКГБ отработали схему, в дальнейшем получившую применение в Балкарии, Ингушетии, Чечне. Там тоже масштабы «бандповстанческого движения» были увеличены во много раз, а самому «движению» попытались придать четкую организацию и армейскую стройность. Это касается гремучей смеси из реальных фактов и мифов вокруг так называемой «ОПКБ — особой партии кавказских братьев». Наметилась тенденция «оформления» чеченского, ингушского, балкарского «бандповстанческого движения» в ранг «второго фронта»²⁷. Ни много, ни мало... Хотя поводов для сомнения в реальности статистических данных о наличии бандитских групп более чем достаточно. К примеру, тот же нарком внутренних дел Грузинской ССР Ш. Церетели в докладной записке на имя Л. Берии 16 июля 1943 г. сообщал: «... Численный рост состава банд получился частично из-за ряда ошибок, допущенных в работе старым руководством НКВД республики, и недостаточной оперативной гибкости НКВД. Совместно с Бзиава был разработан план ликвидации и легализации банд, разъяснительной работы...»²⁸. А неделей раньше сам нарком внутренних дел Кабардино-Балкарской АССР К. Бзиава докладывал Л. Берии: «... При приемке мною дел от бывшего наркома внутренних дел, а ныне наркома госбезопасности С. И. Филатова обнаружилась тенденция сокрытия действительного состояния работы по борьбе с бандитизмом и численного их состава. Мало того, пересмотр докладов по борьбе с бандитизмом мною установлены факты обмана НКВД СССР и сокрытия действительного положения вещей в Кабардино-Балкарской АССР...»²⁹. Казалось бы, обвинение в адрес Филатова более чем серьезное. Однако, последний почему-то не только не понес наказания, но и был удостоен ордена Красного Знамени за депортацию балкарцев, в то время, как ретивый нарком Бзиава был награжден более скромным по ранжиру орденом Отечественной войны 1-й степени³⁰.

5 июня 1943 г. Бзиаовой было заявлено о наличии в одной только Балкарии 44 террористических групп, что абсурдно даже с точки зрения здравого смысла. Нигде и никогда ни работники НКВД, ни популяризаторы их лжи, не предъявляли посписочный состав хотя бы одной банды, как, впрочем, и в Карачае.

Вызывает недоумение, когда современные ученые, оперируя данными НКВД, приписывают депортированным народам факты, к которым последние отношения не имели, так как уже находились в местах спецпоселения³¹. «... Число диверсионных групп возрастало.

Немцы забросили 4, 9 июня, 8, 31 июля, 3 августа 1944 г. 10 групп (74 человека). На их ликвидацию тоже отвлекались огромные силы...»³². С точки зрения того, что о депортации балкарцев уже было широко известно, с точки зрения высокой степени риска появления диверсантов-балкарцев в зоне новых поселенцев, кажется абсурдной, лишённой всякой логики «заброска группы балкарцев-террористов» летом 1944 г.

В Чечено-Ингушетии органы НКВД-НКГБ работали еще грубей. Не ограничившись провокационной резней в балкарских селениях Сауту и Глашево, чекисты устроили ряд провокаций и в Чечне. Так, заместитель начальника Отдела по борьбе с бандитизмом НКВД СССР Руденко 15 августа 1943 г. отмечал: «На учете в Чечено-Ингушской республике 33 бандгруппы (175 человек), 18 бандитов-одиночек, дополнительно действовали еще 10 бандгрупп... Таким образом, на 15 августа 1943 года действовали в республике 54 бандгруппы — 359 участников. Значатся в розыске 2045 дезертиров. В первом полугодии разыскано 202 человека.

*Рост бандитизма надо отнести за счет таких причин, как недостаточное проведение партийно-массовой и разъяснительной работы среди населения, особенно в высокогорных районах, где много аулов и селений, расположенных далеко от райцентров, отсутствие агентуры, отсутствие работы с легализованными бандгруппами... допускаемые перегибы в проведении чекистско-войсковых операций, выражающихся в массовых арестах и убийствах лиц, ранее не состоявших на оперативном учете и не имеющих компрометирующего материала. Так, с января по июнь 1943 г. было убито 213 человек, из них на оперативном учете состояли только 22 человека.*³³ (выделено нами — авт.)

Тут, что называется, не убавить, не прибавить.

«Перегиб», выражающийся в убийстве 213 ни в чем не повинных людей, ничем нельзя оправдать, равно как и сожжение заживо 714 человек: стариков, женщин и детей — в Хайбахе в феврале 1944 г. До чеченской трагедии, как указывалось выше, аналогичная акция имела место в Балкарии, где в ноябре 1942 г. были уничтожены ни в чем не повинные жители в селениях Глашево, Сауту, Мухол, Огары Чегет. Хороши «перегибы», если только в Сауту было уничтожено 323 безвинных человека³⁴!

Имущество уничтоженных людей либо присваивалось, либо сжигалось. В этой связи показательно, что сам руководитель репрессий был далеко нечистоплотным человеком. Известно, что генерал Иван Александрович Серов в 1945 году особо прославился как

крупнейший мародер второй мировой войны, за что 9 апреля 1965 г. решением Комиссии партийного контроля при ЦК КПСС был исключен из партии «за нарушения социалистической законности и использование служебного положения в личных целях»³⁵. Однако, мало кто знает, что Серов занимался мародерством всегда. Проявилось это качество генерала и в процессе переселения народов. Подробности оглашения Постановления ГКО о депортации и начала ее изложены в воспоминаниях заместителя прокурора Карачаевской автономной области по спецделам — надзору за органами НКВД-НКГБ Ю. М. Байрамукова: «... В тесном кабинете начальника НКВД области находились: второй секретарь обкома Х. Лайпанов, секретари обкома Текеев и Трубников, председатель облисполкома И. Темиров, прокурор области Медведев, начальник УНКВД по Карачаевской автономной области Рыжков. За столом в генеральской форме сидел Серов... Он поднялся из-за стола, из выдвинутого ящика достал бумагу и зачитал нам приказ ГКО. В констатирующей части этого постановления значилось, что карачаевцы не поддержали революцию, в гражданскую войну воевали на стороне белогвардейцев, затем в марте 1930 года пытались сорвать коллективизацию, и вот не оправдали надежд во время оккупации. Посему карачаевский народ, «все до единого карачаевца» — так он особо подчеркнул — выселяются в отдаленные районы, а Карачаевская автономная область подлежит упразднению.

На сборы он нам дал два часа. Помню, Ибрагим Калмукович Темиров после минутного всеобщего молчания первым нарушил тишину, сказав, что его жена больна и находится на излечении в Кисловодске.

— У меня есть машина, шофер здесь, и я мог бы сейчас выехать за ней, если Вы дадите мне пропуск.

— Боюсь, — усмехнулся Серов, — к тому времени, когда вы приедете в Кисловодск, Ваша жена будет где-то в Невинномысске. Там вы и встретитесь через несколько часов.

Мы уже повернулись было к выходу, но он остановил нас и сказал:

— Ребята, я вас понимаю. Должен вам сказать, что путь будет долгим, ехать придется неделю-две. Поэтому возьмите с собой теплую одежду, деньги и побольше продуктов. И еще. Если в семье муж карачаевец, а жена другой национальности, то она должна выехать вместе с мужем. Если же наоборот, то жене выезжать незначем. Все.

Я жил один, поэтому собираться долго не пришлось. К пяти часам утра мы собрались около нынешних заводов на окраине Микоян-Шахара. Здесь среди офицеров я снова увидел Серова. Погрузка в машины шла полным ходом. Я видел, как подсаживали в машины старух, женщин, детей, стариков. Если в машине было тесно, то тюки с вещами и одеждой выбрасывали прямо на землю. Некоторых, пытавшихся что-то доказать, подгоняли прикладами винтовок. Серов все это видел и молчал.

Когда людей стало поменьше, Серов сказал нам:

— Я вам говорил, что путь предстоит долгий. Там, куда вас повезут, вас никто не ждет. Там зимой холодно, а летом — жара. Там условия не такие, как здесь... Впрочем, я сам не знаю, куда вас повезут. Но вот смотрите, — он указал на множество тюков, мешков, ящиков, кастрюль, которые были выброшены из машин спецпереселенцев, — все это растащат. Поэтому возьмите отсюда сколько сможете. Все уедут, а мы вас отправим на отдельной машине (выделено мной — авт.).

Выступивший вперед Ибрагим Темиров (председатель Карачаевского облисполкома — авт.) сказал:

— Спасибо за заботу, товарищ комиссар госбезопасности, но это нам не подходит. Завтра народ скажет, что советские и партийные руководители нас предали, ограбили и уехали тайком, в удобном вагоне. Мы поедем в тех же машинах, что и все, в тех же вагонах, что и все. Вам за доброе слово спасибо...

Серов махнул рукой и отвернулся³⁶.

В контексте изложенного остается только догадываться о судьбе брошенных спецпоселенцами вещей, поскольку эти «тюки, мешки, ящики, кастрюли» никто не активировал, не приходовал, не складировал и не охранял.

Едва ли генерал мог позариться на брошенные вещи, хотя тут все зависело от того, что это были за вещи. Кроме того, о фактах мародерства генерал Серов не мог не знать, тем более в опустевших аулах солдаты и офицеры заходили в дома совершенно свободно и спокойно, присваивая себе понравившиеся вещи, хотя, надо отметить, брали «по чину».

Автору рассказывал бывший сотрудник НКВД Дмитрий Иванович Кислица, проживавший в 80-е годы в городе Невинномысске, о том, как обеспечивалась охрана опустевших карачаевских аулов. Сначала подразделение, в котором проходил службу Д. И. Кислица, охраняло аул Сары-Тюз. Солдаты заходили в дома и брали по-

нравившиеся вещи. Все сносили к зданию бывшей мечети. Склади- ровали отдельно: в одну кучу — швейные машинки, в другую — посуду, в третью — серебряные вещи и т. д. Один солдат спрятал за пазуху кожаный ремешок с серебряным убранством, но это заметил старший лейтенант Дроздов, вытащил у солдата из-за пазухи этот ремень, затем ударил солдата по лицу так, что тот упал. Старший лейтенант осмотрел ремешок, затем бросил его в чемодан, где ле- жали кинжалы, серебряные ложки и вилки, и, когда фанерный чемодан наполнился, приказал отнести его в машину. Затем это подразделение перевели в аул Кызыл Октябрь, там тоже имели ме- сто аналогичные случаи. Едва ли все это происходило без ведома Серова, и чемоданы, подобные указанному, предназначались, ско- рее всего, ему. Справедливости ради надо отметить, что мародер- ством занимались далеко не все. Были и такие, для которых честь российского офицера была превыше всего, известны случаи само- убийства среди офицерского состава в ходе депортации и после нее.

Лишь 12 декабря 1943 г., спустя месяц и десять дней, была в населенных пунктах выставлена охрана³⁷, но это от так называемых «карачаевских обозов», тянувшихся в опустевший Карачай не только из окрестных сел и городов, но и из соседних краев.

Что же касается понятия «второй фронт», введенного в научный оборот Н. Ф. Бугаев и другими, то он был. Но не в тылу Красной Армии. И не в горах Карачая, Балкарии или Ингушетии. «Второй фронт» применительно к тем, кто с оружием в руках воевал против Советской власти, был в сущности пятой колонной вермахта и войск СС. На Северном Кавказе коллаборационисты и так называемые политические бандиты из выходцев республик и автономных облас- тей составляли числом ничтожное меньшинство. Уточним, что ка- рачаевцев, в общей сложности перешедших на службу к немцам за весь период войны и впоследствии осужденных, было 283 человека, меньше, чем личный состав полиции и жандармерии одного Зелен- чукского района.

Еще в 1941 г. будучи на Смоленщине, в ситуации, далекой от критической, привел к немцам полностью укомплектованный 436-й стрелковый полк майор Красной Армии красный казак Иван Никитович Кононов. В полку было 76 командиров и комиссаров, и в виду совершенно добровольной сдачи, неожиданной для немцев, комиссары, подлежавшие уничтожению, были записаны «интен- дантами». В 1942 г. этот полк был доукомплектован тремя плас- тунскими (пехотными) ротами, пулеметными ротами, артиллерий-

ской и минометной батареями и преобразован в 600-й казачий дивизион. Три года, до лета 1944 г., казаки дивизиона ожесточенно сражались с советскими партизанами в лесах Бобруйска, Могилева, Смоленска, Невеля и Полоцка. Но это далеко от Северного Кавказа.

На Кавказе же приказом по немецкой 17 полевой армии от 13 июня 1942 г. был сформирован казачий кавалерийский полк «Платов» в составе пяти конных эскадронов, эскадрона тяжелого оружия, артиллерийской батареи и запасного учебного эскадрона. Действовал он в районе Майкопа. Казаки — «платовцы» особо отличились на Кубани в 1942 г., твердо обороняли «Кубанское переднее укрепление» северо-восточнее Темрюка, а в мае особо проявили себя в Крыму.

В июне же 1942 г. в составе 1-й танковой армии Э. фон Клейста был сформирован еще один казачий полк «Фон Юнгшульц», рубившийся в конных боях с красными кавалеристами в районе Ачикулака-Буденновска.

На Дону стояли: 1-й лейб-гвардии Атаманский полк полковника фон Вольфа, 2-й лейб-казачий, 3-й Донской, 4 и 5-й Кубанские, 6 и 7-й сводно-казачьи полки. Формировался корпус, который направлялся в междуречье Дона и Кубани³⁸. И так далее. Что уж тут говорить о Казачьем кавалерийском корпусе СС генерала А. Г. Шкуро, непосредственно подчинявшемся Генриху Гиммлеру, о соединении фон Панвица, дивизии терского казака Тимофея Доманова, напрочь игнорировавших Русскую Освободительную Армию генерала Власова. Нам представляется, что без учета этих, далеко не полностью приведенных соединений, понятие «второго фронта», о котором так «убедительно» повествуют современные ученые-исследователи, будет выхолощенным.

Ну, и сюда же 283 карачаевца, около 150 ингушей, 200 чеченцев-легионеров... Тоже «второй фронт».

Нам представляется, что в исследованиях на данную тему должна доминировать шкала общечеловеческих ценностей, что нравственность должна стоять не на последнем месте. Попытки обосновать появление «второго фронта» отечественными историками без учета злодеяний подразделений НКВД на Северном Кавказе — безнравственны, необъективны и посему не имеют права на существование. Если бандиты, дезертиры, немецкие пособники скрупулезно подсчитаны, да еще с приписками, то безвинные жертвы акций Ивана Пияшева, собственноручно расстреливавшего мир-

ных карачаевцев в 1942 г., Михаила Гвишиани и других палачей НКВД, должны упоминаться поименно в работах, посвященных проблемам депортации народов Северного Кавказа. Это будет, на наш взгляд, не только данью памяти безвинно пострадавшим, но и актом справедливости. И совершенно прав Н. Ф. Бугай, говоря: «Выяснение исторической истины сегодня как никогда имеет важное политическое, моральное значение. Правда о преступлениях прошлого – одна из гарантий, что подобное не повторится в настоящем и будущем»³⁹.

Но проблема в том, что автор вышеприведенной цитаты, в свое время выполнивший колоссальную работу по выявлению документального материала, освещению проблем депортаций, сегодня является апологетом теории, оправдывающей выселение народов Северного Кавказа. Ему вторят и другие ученые. Классифицируя причины сталинского геноцида, А. Гонов пишет: «Изучение имеющихся материалов позволяет классифицировать причины переселений народов и групп населения, которые можно бы свести к следующим:

- открытое выступление против идейных установок партийных органов и Советов;
- выступления против колхозного движения;
- превентивные основания;
- участие в бандповстанческом движении и поддержка внедрявшегося нового немецкого режима;
- выступление противодействующих сил Красной Армии;
- помощь немецким захватчикам.

Безусловно, в этом ряду и причины непосредственных выступлений масс, выразивших недовольство существующими экономическими трудностями, вызывавшимися обстановкой военного времени, отсутствие обеспечения предметами первой необходимости, наличие недовольства принудительным вовлечением в колхозы, стремление восполнить накопившиеся обиды и пр.»⁴⁰ То есть, по А. Гонову, причины массового выселения людей крылись не в характере существовавшего режима, а в характере и жизненных условиях самих народов. Нам кажется, что это опасное заблуждение. Тем более, что автор всерьез говорит о юридической и правовой основе репрессий и депортаций, нисколько не оглядываясь на то, что тоталитарный режим от правовой базы был весьма далек. Обще-

известно ведь, что эти два понятия — тоталитаризм и право — несовместимы.

Наметилась и развивается тенденция отождествления повстанческого движения в Прибалтике, на Украине, в Западной Белоруссии с проявлениями такого рода на Северном Кавказе: «...следует отметить, что появившиеся в последние годы документальные публикации не позволяют сделать утвердительный вывод о наличии в 40-е годы «единоличных, исключительных случаев антисоветизма». Эту проблему следовало бы рассматривать более обстоятельно, в масштабах всей страны, и тогда несколько по-другому прослеживались бы и события, связанные с «открытыми противниками социализма». ⁴¹ «Это явление (бандповстанческое движение — *авт.*) отмечалось на всей оккупированной территории страны, однако, более широкое распространение в годы войны оно имело в Чечено-Ингушской, Кабардино-Балкарской, Крымской и Калмыцкой АССР, Карачаевской АО, на Украине и в республиках Прибалтики»⁴².

Такое механическое уравнивание степени так называемого «бандповстанческого движения» мы считаем антинаучным и неоправданным как по отношению к народам Северного Кавказа, так и по отношению к народам Прибалтийских республик, Украины, Белоруссии, Молдовы. Народы Прибалтики и Северного Кавказа шли разными путями в своем историческом развитии. Экономическое, политическое, культурное состояние этих двух регионов было совершенно различным накануне фашистской оккупации.

Прибалтика к этому времени, согласно пакту Молотова — Риббентропа, была оккупирована Красной Армией. Пришедшая советская власть смяла весь жизненный уклад республик, нарушила их естественное развитие. Изменен был принцип хозяйствования. Законные правительства оказались в изгнании. Статистические данные свидетельствуют о более высоком уровне жизни прибалтийских народов по сравнению с Советской Россией. Поэтому уже в первый год советской власти эстонцы, латыши и литовцы стали задумываться об освобождении от нового режима и новых хозяев. В глубине народного недовольства зрела национально-освободительная борьба. Так, ко времени фашистской оккупации в Эстонии уже действовал «Союз защиты», призванный готовить население к активной борьбе против Советов; эта организация поддерживалась правящей партией антисоветского толка «Союз Отечества». Под влиянием немцев создавались и профашистские организации. В дальнейшем, в ходе войны, спектр политических взглядов подпольных

и «лесных» организаций был широк: от сотрудничества с фашистами до одновременной борьбы с гитлеровцами и Советской Армией. Народы Прибалтики, на определенном этапе, оказались в состоянии гражданской войны. Тот же Н. Ф. Бугай приводит такую статистику жертв: «Только в Литовской ССР, по имеющимся сведениям, 25108 человек были убиты и 2965 ранены, в числе погибших 21259 литовцев, 3000 русских, 554 поляка, 79 евреев. Из них 19712 крестьяне, остальные советские и партийные активисты, многие из местных национальностей, солдаты и офицеры войск НКВД»⁴³.

Накануне же войны были предприняты превентивные меры, в результате которых было депортировано из Прибалтики и арестовано в общей сложности⁴⁰ 174 человека. Общая же численность депортированных из республик Прибалтики к 1948 году составила 124 196 человек. Из них:

- литовцев – 75 024,
- латышей – 33 102,
- эстонцев – 16 070⁴⁴.

Эти данные приведены без учета лиц польской, украинской, белоруской и иных национальностей, проживавших на территории прибалтийских республик, подвергшихся депортации. Более миллиона человек было выселено из Украины, Белоруссии и Молдовы. Места их расселения – от европейской территории страны и далее на восток.

Эти меры объяснялись тем, что в ряде областей действовали формирования, фактически имеющие все характеристики, свойственные армейским подразделениям и соединениям, типа Украинской Повстанческой Армии (УПА), Организации Украинских националистов (ОУН) и другие. О масштабах деятельности этих формирований можно судить хотя бы по тому факту, что 30 июня 1941 г. формирование «Соловей» («Нахтигаль») под командованием Романа Шухевича первым вошло в город Львов и освободило его от оборонявшихся красноармейцев⁴⁵.

Последующая участь как оуновцев, так и других – украинцев, белорусов, молдаван, латышей, эстонцев, литовцев – была горькой. Подробное раскрытие темы не входит в наши планы, затронута она лишь для того, чтобы показать неоправданность сведения на одну плоскость процессов, происходивших в указанных республиках, и случаев предательства и бандитизма на Северном Кавказе. Тем не менее, приведем одно свидетельство о спецпереселенцах в 40-е годы: «Голод в лагерях был везде, и на воле был, но в Томь-Усе был мор. Строить новый город с осени завезли несколько тысяч «государствен-

ных преступников» (политическая статья № 58), преимущественно западников — латышей, литовцев. Несколько эшелонов выгрузили на высоты гористого берега, там, где Уса впадает в Томь. Там не было еще и бараков для жилья. Ослабевшие от длинного этапа люди должны были их строить сами (так почти всегда начинались сталинские лагеря). Продовольствие в достаточном количестве завезти не успели: внезапные снегопады — и лагерь в горах оказался отрезанным от «материка». По рассказам, от 3000 зеков осталось 300⁴⁶.

Нелишне напомнить читателю и о том, что война в Западной Украине, в принципе, закончилась в 1956 г.

Что же касается народов Северного Кавказа, то после продолжительной Кавказской войны в XVIII—XIX вв., его территория прочно вошла в состав Российской империи. В социально-экономическом, политическом и культурном плане горные районы, в целом, не выпадали из общего хода развития России. Народы гор вовлекались во все крупные события, потрясавшие страну: участвовали в войне на Балканах, русско-японской войне, сражались на фронтах первой мировой войны, в революцию поддержали большевиков, в гражданскую войну оказали мощную поддержку Красной Армии, создавали колхозы, словом, развитие народов Северного Кавказа можно считать органичной, составной частью развития Российского государства. Шквал раскулачивания и репрессий в предвоенные годы коснулся всех, и горцы, в этом плане, пострадали наравне с остальными народами страны. В дни войны народы Северного Кавказа проявили поистине великий энтузиазм в помощи фронту. По известным, проверенным опубликованным данным, к примеру, каждый пятый карачаевец воевал с оружием в руках против немецко-фашистских захватчиков. Это самый высокий показатель участия на душу населения.

Оказывая помощь фронту, народы Северного Кавказа работали исключительно самоотверженно. К примеру, при бюджетном плане 11 млн 820 тыс. руб. в год, жители Карачаевской автономной области подписались на Государственный военный заем на сумму 12 млн 362 тыс. руб. уже к маю 1942 г.⁴⁷. Помимо подписки поступило в фонд обороны 1 млн 125 тыс. руб. наличными, столько же поступило в счет погашения подписки⁴⁸. За период с 22 июня 1941 г. по май 1942 г. включительно трудящиеся Карачая отправили на фронт подарков более чем на 3 млн 500 тыс. руб. Средства по тем временам громадные. В печати и исторической литературе приводятся цифры: один миллион — на строительство авиаэскадрильи «Колхозник Кара-

чая» и 2 млн 500 тыс. на строительство танковой колонны «Ставропольский колхозник», за что были получены благодарственные телеграммы от Сталина. Но еще никто не подсчитал, сколько же было передано фронтовикам бурок, теплой одежды, продовольствия, фуража. Так, мало кому известно и нигде об этом не сообщается, что тот же Учкулановский район, из которого новейшие историки делают «бандитское гнездо», после начала войны, к исходу июля выполнил годовой (!) государственный план поставок мяса^{49!}

Откровением для многих будет тот факт, что только за июнь-октябрь 1941 г. жители Микояновского, Учкулановского и Малокарачаевского районов сдали валенок, полушубков, шапок-ушанок, ватных телогреек, ватных шаровар, свитеров, теплого белья, бурок, стеганых одеял и прочих наименований 48754 единицы⁵⁰.

В дальнейшем этот процесс продолжался и к концу 1941 г. число единиц, отправленных на фронт, составило 78886⁵¹. Денежное выражение подарков фронтовикам не устанавливалось и теперь установить сложно, но факт, что средства народом выделялись огромные. Эти показатели на несколько порядков возросли в 1942 г., а в 1943 г., после оккупации, на совещании стариков и животноводов 29 апреля в Микоян-Шахаре, было объявлено, что «трудящиеся области после освобождения послали на фронт 16.650 пудов хлеба, 5.000 индивидуальных посылок, собрали на строительство танковой колонны «Ставропольский колхозник» 2,5 млн руб.»⁵². Вновь проходила подписка на второй Государственный военный заем. К 11 июня 1943 г. она составила, по Карачаевской автономной области, 7 млн 687 тыс. руб., кроме того внесено было наличными 3 млн 79 тыс. руб.⁵³. Сбор подарков фронтовикам продолжался вплоть до ноябрьских праздников. Сулов торопил секретарей обкома с тем, чтобы они успели отправить собранное до поголовного выселения народа. В телеграмме от 9.10.1943 г. он требовал, чтобы подарки были высланы Южному фронту до второго ноября⁵⁴. Второго ноября 1942 г. началась акция по депортации народа.

Таким образом, деятельность НКВД на Северном Кавказе была направлена на решение очередных задач в длительной перманентной войне, которую вел режим против собственного народа, а вовсе не явилась следствием реального бандповстанческого движения. Сталин старался решить также национальный вопрос. Раз и навсегда. О процессах, происходивших на территории оккупированной части Северного Кавказа, и говорится в настоящей работе. Мы поддерживаем точку зрения исследователя А. И. Козлова, утверждающего,

что единичные исключительные случаи антисоветизма в тот период отравляли жизнь самого населения, и оно само боролось против полицаев, бандитов, предателей⁵⁵.

На исходе 90-х годов в публицистике и в исторической науке, получила хождение мысль о том, что коммунисты сами виноваты в развязывании второй мировой войны и что бандповстанческие формирования являлись по сути первыми ласточками национально-освободительного движения. Имеет место точка зрения, что в борьбе против режима Сталина выступление против него в рядах немецко-фашистских войск «горских повстанцев» оправдано. Однако, как бы ни пытались романтизировать и делать привлекательней образ бандита и полиция, для нас сущность одна: на Северном Кавказе имели место единичные случаи сведения счетов конкретных людей с конкретными врагами, выступления отдельных, в прошлом репрессированных, лиц и членов их семей против представителей Советской власти. Нельзя, на наш взгляд, в расчете на то, что так называемое «бандповстанческое движение» с течением времени будет иметь привлекательный характер, вводить в историческую науку различные романтизированные «факты» в действительности не имевшие места быть, равно как ничем не оправданный показ несуществовавших партизанских боев и деятельности отрядов, которые так и не собрались ни разу.

Кроме того, вряд ли оправдано в исторической литературе механическое объединение понятий «бандитское» и «повстанческое», ибо первое имеет характер уголовный, свойственный для любого строя, а второе напрямую связано с вооруженным восстанием как против собственного режима, так и против оккупационного, и носит направленный, социально-политический характер.

ГЛАВА III. ЛЕГЕНДЫ

Сущность легенд о партизанском движении, при их анализе, сводится к возвеличиванию роли первого секретаря Ставропольского крайкома ВКП(б) М. А. Сулова и к выполнению партизанами его указаний закрыть перевалы и задержать продвижение немцев с тем, чтобы стоявшая в обороне Красная Армия успела подтянуть к горным проходам Главного Кавказского хребта свои подразделения и укрепить их.

Почему эти мероприятия мы называем легендами? Разве на самом деле все было не так, и не является ли создание этой данной работы попыткой очередного очернительства, пользуясь, как подметила одна из ставропольских газет еще в 1991 г., тем, что «мертвые молчат»? Нет. Хотя бы по той простой причине, что «партизанская слава» к М. А. Сулову пришла не в дни ожесточенных сражений за Кавказ, не после войны, и не после смерти И. В. Сталина, лично распределявшего боевую славу, и даже не с приходом на партийно-государственный Олимп Н. С. Хрущева, которого Сулов поддержал, а еще позже: когда Михаил Андреевич укрепился наверху партийной пирамиды. Однако, обо всем по порядку.

В Большой Советской Энциклопедии издания 1946 г., вышедшей под редакцией К. Е. Ворошилова, о М. Сулове упоминаний нет, хотя в это время он возглавлял Бюро ЦК ВКП(б) по Литовской ССР, то есть занимал пост настолько высокий, что БСЭ трудно было обойти его вниманием. Но через десять лет Большая Советская Энциклопедия посвятила ему заметное место. Здесь читатель найдет и краткие биографические данные, узнает о борьбе против троцкистской оппозиции в партии, зиновьевцев, правооппортунистских элементов, о выполнении им в 1933-34 гг. ответственной работы в Уральской и Черниговской областных партийных комиссиях по чистке партии. Правда, в статье ни слова не сказано о плодотворной деятельности М. Сулова «по беспощадному истреблению всех до

одного презренных фашистских агентов-троцкистов, бухаринцев и прочей мрази» в Ростовской области (его статья в газете «Молот» от 11 июня 1938 г. — Ростов-на-Дону).

Что же касается периода войны, то здесь авторский коллектив констатирует: «В годы Великой Отечественной войны 1941-45 гг. М. А. Сулов, будучи членом Военного Совета Северо-Кавказского фронта и начальником Ставропольского краевого штаба партизанских отрядов, проводил большую работу по мобилизации трудящихся края на борьбу против фашистских оккупантов и по восстановлению хозяйства края, разрушенного войной»¹. Но Сулов никогда не был членом Военного Совета Северо-Кавказского фронта, и в последующие издания были внесены коррективы.

Издание этой энциклопедии пришлось на время, когда М. Сулов, изгнанный из состава Президиума ЦК КПСС, в период борьбы с «антипартийной группой» в 1953 г. и активно поддержавший линию Н. С. Хрущева на июльском 1955 г. Пленуме ЦК КПСС был введен в состав Президиума. Характерная деталь: энциклопедия не уточняет, с какого и по какое время Михаил Андреевич был членом Военного Совета.

Как отмечено выше, несмотря на то, что к шестидесятым годам он занимал довольно прочное положение наверху партийной пирамиды, славы партизанского вожака М. Сулов не имел. Эта слава пришла позже — после отстранения, не без его помощи, Н. С. Хрущева и прихода к власти Л. И. Брежнева — большого, как оказалось, любителя боевой и трудовой славы и всевозможных наград. Однако, еще до отстранения Никиты Сергеевича, вероятно не без ведома М. Сулова, в Ставропольском книжном издательстве вышла книга Р. Саренца «Непокоренный край»², о которой мы упоминали в предыдущих главах. Несмотря на то, что в ней тесно переплелись правда и вымысел, пропагандистская пыль и достоверная информация, у неискушенного читателя создавалось впечатление о поистине масштабной, массовой партизанской войне. Механизм достижения такого эффекта был прост: брались реальные и предполагаемые факты и вплетались в совокупность расплывчатых, малопонятных, но универсальных штампов. Вот пример формирования образа активно действующего партизанского штаба: «создавшаяся благоприятная военная обстановка выдвигала перед партизанским движением края новые задачи, а это, в свою очередь, требовало усиления повседневного оперативного руководства всеми формами партизанской борьбы в тылу врага». Лукавая фраза.

Что имеется в виду под «благоприятной военной обстановкой», какие конкретные «новые задачи» выдвигались перед партизанами, каковы были, и были ли вообще, старые задачи? Что понимать под «усилением повседневного оперативного руководства всеми формами партизанской войны», было ли это руководство до благоприятного момента вообще, или оно было слабым? — понять невозможно. Это тот случай, когда сказано много и — ничего. Дальше в том же духе.

Дебютируя в «Правде» 26 января 1943 г.³, Суслов, скорее всего, не задумывался о том, что именно эта статья станет отправной точкой в длительном пути к достижению им партизанской славы. Но то, что в этой статье («В освобожденном крае») было много проемов и щелей для дальнейшего развития карьеры, а затем и партизанской славы, — это факт.

Это относится, в частности, к характеристике разрушений, нанесенных немецко-фашистскими оккупантами. Если иметь в виду то, что край в целом был освобожден к 25 января (краевой центр-Ворошиловск, с января 1943 г. — Ставрополь — освобожден 21 января, М. А. Суслов прибыл туда 22 января), поражает исключительная оперативность в определении размеров ущерба, нанесенного экономике края немцами. Складывается впечатление, что данные по размерам ущерба были заготовлены загодя — ведь не выветрился пороховой дым из освобожденных городов и сел, не успели погаснуть пожарища, только организуются специальные комиссии по определению ущерба и потерь, а в «Правде» уже опубликовано: «Немецкие злодеяния чудовищны. Гитлеровцы предали огню культурно-бытовые учреждения и предприятия, лучшие здания замечательных городов: Пятигорска, Кисловодска, Ставрополя. Они истребили десятки тысяч мирного населения. Только в городах Кавказской Минеральной группы они замучили и расстреляли свыше 10 тысяч мужчин, женщин и детей... С великим энтузиазмом принялись трудящиеся Ставропольского края за восстановление предприятий, дорог, культурных учреждений, жилищ. Гитлеровцы не оставили в целости ни одного здания средней школы. Все они разрушены. Несмотря на это, в ближайшие дни у нас начнутся занятия в школах.

Гитлеровцы разрушили почти все предприятия. Их восстановление встречает массу трудностей...»⁴

Общеизвестно, что исход Сталинградской битвы предопределил бегство немецко-фашистских войск с Северного Кавказа. В вермахте прекрасно сознавали, чем чревато промедление на Кавказе, и

поэтому спешно, но организованно выводили свои армии. Отвлечься на уничтожение школ и предприятий им было особо некогда. Хотя разрушено было много и самими немцами, и снарядами орудий наступавшей Красной Армии. Все это так, однако, суловская формула, опубликованная в сталинской газете, не только уведомляла Сталина и его окружение о бедах края, но и оставляла возможность в кратчайшие сроки без особого напряжения перевести школы и предприятия из реестра «разрушенных» в реестр «восстановленных», показав таким образом силу своего влияния на коммунистов и трудящихся, недюжинные организаторские способности в деле восстановления народного хозяйства края. Практика приписок в России существовала всегда, особенный расцвет ее приходит на период строительства социализма, в военные и послевоенные годы, но махровым цветом расцвела она в период построения «развитого социализма» — детища того же самого Михаила Андреевича Сулова.

В предыдущей главе уже был частично освещен прием приписок в количестве «бандповстанческих групп».

В ряде случаев на восстановление хозяйств выбивались у государства громадные суммы, тогда как сумма ущерба была незначительной. В указанной статье, при внимательном прочтении, выявляется неувязка между картинами страшного разорения и стремительностью восстановления: «В Моздоке начали работать хлебозавод, кожзавод, маслозавод; из Махачкалы до Минеральных Вод идут поезда; в Георгиевске начал работать мукомольный завод, пущены небольшая электростанция, две хлебопекарни, кожзавод; в Пятигорске на мотороремонтном заводе на третий день после освобождения города был налажен ремонт тягачей для Красной Армии...»⁵ и т. д.

Ущерб, нанесенный немецко-фашистскими оккупантами экономике края, никогда не подвергался серьезному анализу, поэтому есть необходимость подробнее остановиться на этом вопросе, ибо он напрямую смыкается с проблемами эвакуации.

27 июля 1942 г. вышло постановление крайкома партии «О переводе скота из северных районов края в Кизлярский округ» и в тот же день — «Об эвакуации МТС, МТМ и совхозов из северо-западных районов края». В какой-то мере оба эти постановления были выполнены, хотя и с опозданием.

Спустя три дня появилось Постановление бюро Ставропольского крайкома ВКП(б) «Об эвакуации скота, тракторов и другого имущества колхозов, МТС и совхозов некоторых районов края», и почему-то опять оно касалось только некоторых районов края. Ведь угроза

оккупации была настолько реальной, что не видеть этого мог только слепой. Или не позволяла Москва?

Приведем документ полностью.

1. Немедленно провести эвакуацию скота, тракторов и другого имущества колхозов, МТС и совхозов районов: Михайловского, Старо-Марьевского, Спицевского (ныне – Шпаковский район – *авт.*), Гофицкого (ныне – Петровский район – *авт.*), Благодарненского, Туркменского, Курсавского, Новоселицкого, Александровского и г. Ставрополя.

2. Предложить райкомам ВКП(б), райсоветам, крайзо, директорам и начальникам политотделов МТС, совхозов и председателям колхозов обеспечить организованное проведение эвакуации в Кизлярский округ, согласно установленного маршрута и в соответствии с указаниями об эвакуации, утвержденными исполкомом крайсовета.

3. Установить, что эвакуации подлежит поголовье всех видов скота, за исключением свиней, и птицы, забиваемых на мясо, тракторы, моторы и арматура комбайнов, станкооборудование и другое ценное имущество.

Вместе с эвакуируемым имуществом должны следовать со своими семьями рабочие и служащие, трактористы и комбайнеры МТС, МТМ, совхозов и один из руководителей колхоза, МТС и совхоза.

Для обеспечения организованного перегона скота и содержания в пути его следования должны быть направлены в полном составе животноводческие бригады (зав. фермами, чабаны, пастухи, доярки и т. д.) с членами их семей и ветеринарно-зоотехническим персоналом с тем, чтобы в новых местах нахождения скот полностью обслуживался силами колхозов и совхозов, эвакуирующих скот.

Необходимо в состав бригад, сопровождающих скот и имущество, включить коммунистов и комсомольцев, подлежащих, по усмотрению райкома ВКП(б), эвакуации с семьями.

Секретарь Орджоникидзевского крайкома ВКП(б) М. Суслов⁶.

Ко времени принятия этого Постановления, немцы форсировали реку Сал и вышли на линию Кагальницкая – Ряска, вплотную подойдя к Сальску. Немцы уже не имели перед собой фактически боеспособных частей, тем более, что между Северо-Кавказским и Южным фронтами образовался разрыв. В этот незащищенный стык

и был нанесен удар, приведший к оккупации почти всего Северного Кавказа.

Становится ясно, что в крайкоме партии или плохо были информированы о происходивших севернее Ставрополя событиях, или же надеялись на создание сильной обороны, способной остановить стремительное продвижение врага. Вероятно, этим объясняется часть постановления об эвакуации хозяйств отдельных районов. Натиск немцев лишил Сулова возможности отдать распоряжение об эвакуации ряду других районов, так и не успевших уйти.

Что же касается выполнения этого постановления, то трудно себе представить, каким образом могли уходить в Кизлярский округ по забитым дорогам сотни тысяч заведующих фермами, чабанов, пастухов, доярок «с членами их семей и ветеринарно-зоотехническим персоналом, коммунистами и комсомольцами с их семьями», перегоняя миллионы животных: крупный рогатый скот, лошадей, овец и коз и прочей живности, ведь одно дело — ехать на транспорте, пусть и гужевом, другое дело — заниматься отгоном скота в летний зной, постоянно подвергаясь налетам вражеской авиации, хозяйничавшей в небе Кавказа. Времени для этого, как показали события, не осталось.

2 августа 1942 г. бюро крайкома партии приняло постановление «О переводе аппарата крайкома партии из г. Ворошиловска (Ставрополя — *авт.*) в г. Пятигорск в связи с приближением немецко-фашистских войск». В соответствии с ним, аппарат крайкома переместился в Пятигорск. Секретари крайкома Сулов, Золотухин, Саренц, Данилюк оставались работать в краевом центре. Но работы ни в Ставрополе, ни в Пятигорске не получилось. 5 августа краевой центр был оккупирован, и крайком, фактически не останавливаясь, перебрался в Кизлярский округ, и уже там М. А. Сулов снова возвращается к вопросу об эвакуации хозяйств: «Признать необходимым всемерно ускорить эвакуацию скота и имущества колхозов, МТС и совхозов за р. Терек.

1. Направить ответственных людей в западный и северный районы края для ускорения прогона, организации подгона скота, оказавшегося почему-либо безнадзорным, а также для организации материально-бытового обслуживания гонщиков скота. Возложить непосредственную ответственность за это на т. т. Поспелова и Паршина...»⁷.

Увы! Товарищи Поспелов и Паршин эту задачу выполнить не могли по той причине, что как западный, так и северный районы края

были полностью оккупированы немцами, и заниматься «ускорением прогона и организацией подгона» отбившегося скота там можно было только для оказания помощи немцам, но никак не для перегона в советский тыл.

Но постановление было принято, а выполнялось оно или нет — кого это интересовало?

Проведение эвакуации скота и имущества после 17 августа 1942 г. на территории большей части Северного Кавказа было в принципе невозможно в виду оккупации противником. Огромное количество колхозного и промышленного добра оказалось в руках немцев. По установившейся в эти годы практике, кому-то нужно было нести ответственность за срыв эвакуационных работ, или надо было каким-то образом оправдаться. В этой связи целесообразно привести текст телеграммы крайкома ВКП(б) Центральному комитету ВКП(б) о мероприятиях, проведенных в крае в связи с военной обстановкой от 8 сентября 1942 г., направленной Суловым из Кизляра:

«Сообщаю данные об основных мероприятиях, проведенных Орджоникидзевским крайкомом партии в связи с военной обстановкой. Все мероприятия, проводимые крайкомом партии, осуществлялись тогда, когда территория края была оставлена частями Красной Армии под непосредственной угрозой быстро продвигавшегося противника. Оперативный состав работников НКВД, милиции был отозван за пределы края заместителем Народного Комиссара Внутренних Дел Кобуловым. Как только определена угроза оккупации края, крайком партии принял решение об эвакуации скота, тракторного парка и других материальных ценностей. Принято было также решение об организации партизанских отрядов. Особые условия, в которых оказался край (парализация железных дорог, острый недостаток транспорта), не дали возможности полностью осуществить намеченные мероприятия. По предварительным данным, по состоянию на 5 августа выведено за р. Терек около 1 000 000 голов скота, 950 тракторов, вывезено 88 000 тонн зерна, 10 800 тонн шерсти, 712 000 штук кож, все банковские ценности, эвакуированы почти 50 000 раненых солдат и командиров (запомним эти цифры — авт.). Значительная часть хлеба урожая прошлых лет, а также зерно нового урожая частично розданы колхозникам, рабочим, служащим и проходящим частям Красной Армии, а оставшееся зерно, как правило, уничтожено. Часть урожая текущего года осталась на корню — осыпалась. Большая часть тракторного парка осталась в бурунах Кизляр-

ского округа из-за невозможности снабдить горючим и смазочным материалом для дальнейшего продвижения. В крае создано 25 партизанских отрядов, объединяющих около 900 человек. Места базирования отрядов — северо-восточная часть края и Карачаевская область. Отряды вступают в активные действия. Крайком партии держит с отрядами постоянную связь. Крайком партии все время находился и находится в непосредственной близости от линии фронта, руководит эвакуацией народного хозяйства и партизанским движением. Вследствие отсутствия разведки, плохой осведомленности о темпах, направлениях продвижения врага, расстроеной связи, наши указания об эвакуации скота, тракторного парка отдельным районам оказались запоздавшими. Наряду с этим, в связи с более быстрым продвижением врага, чем продвижение эвакуируемых хозяйств, значительная часть скота и тракторного парка врагом была отрезана. В связи с оккупацией территории края, за исключением небольшой части Шелковского и Кизлярского районов, аппарат крайкома находится в г. Хасавьюрте. Лично я, а также председатель крайисполкома т. Шадрин находимся в г. Кизляре.

Секретарь Орджоникидзевского крайкома партии Суслов»⁸.

Рассмотрение вопроса о том, как «крайком партии держал с отрядами постоянную связь», впереди, пока же отметим, что определение Карачаевской области как места базирования партизанских отрядов сыграло свою, роковую роль в судьбе области и народа, его населявшего, и вернемся к проблемам эвакуации. Тут без арифметики не обойтись.

Отметим, что с началом войны на фронт было мобилизовано до 70% населения, занятого в сфере сельского хозяйства: чабаны, скотники, ветеринары, зоотехники, дояры, доярки и т. д. Их места заняли люди, не подлежавшие призыву. Если даже им приходилось работать, что называется, круглые сутки, могли ли они обеспечить надлежащий уход за взрослым поголовьем, за молодняком, и имели ли они соответствующий навык в этом нелегком и непростом деле?

Накануне войны во всех категориях хозяйств производилось 128,5 тыс. т мяса ежегодно. С началом войны нагрузки возросли, ибо страна жила под лозунгом «Все для фронта, все для победы!», и расходы для нужд фронтовиков неуклонно повышались. Едва ли в этих условиях повышалось поголовье скота, ибо та же корова не в состоянии увеличить приплод в зависимости от мирных или

военных условий. Поэтому логично предположить, что поголовье собственного скота в крае в 1941–1942 гг. сократилось.

По состоянию на 1 января 1941 года поголовье овец, к примеру, в крае (напомним, что в край входили Карачаевская и Черкесская автономные области) составляло 2 920 000 голов⁹, крупного рогатого скота — около 412 000 голов, свиней — 232 000. В приведенной выше телеграмме в ЦК ВКП(б) сообщается, что эвакуировано около 1 000 000 голов. Сколько направлено на фронт овчин, шкур, мяса в 1941 г. и в первой половине 1942 г., нам неизвестно. Много. И все из этого поголовья, потому что другого не было, тем более, что в этой статистике учтено как колхозное поголовье, так и на подворьях.

Размеры нанесенного войной ущерба Суслов обозначил в «Отчете крайкома партии Центральному Комитету ВКП(б) за 1944 г.». В нем сообщается: «Особенно тяжелый ущерб нанесен животноводству края: по крупному рогатому скоту произошло сокращение по всем категориям хозяйств на 231 000 голов; по овцам и козам — на 2 354 000 голов; по свиньям — на 222 000 голов...»¹⁰. Из изложенного становится ясно, что общее поголовье крупного рогатого скота, овец, коз, свиней было утрачено почти полностью. Откуда же взялся 1 000 000 голов эвакуированного скота?

Со статистикой в крайкоме партии было неважно. Это я говорю на основании того, что в том же отчете приводится несколько иная цифра поголовья: «На 1 июля 1942 г. в колхозах и совхозах наркомсовхозов было 4 435 300 голов, в том числе крупного рогатого скота — 412 300 голов; овец и коз — 3 579 000 голов; свиней — 232 000; лошадей — 213 000 голов...»¹¹. Предположим, что с 01.01.1941 г. по 01.06.1942 г. поголовье овец и коз в условиях Великой Отечественной войны резко повысилось на 700 000 голов, и общая картина становится близкой к реальной. Но нет.

«Очерки истории Ставропольской организации КПСС» дают совершенно иной расклад, тоже ссылаясь на архивные данные: «Эвакуация осуществлялась в исключительно сложных условиях, в обстановке отступления советских войск и усилившейся бомбежки авиацией противника основных транспортных магистралей Северного Кавказа.

И все же партийные организации края сумели к 5 августа 1942 г. эвакуировать около 50 тыс. голов скота (но никак не миллион — авт.), 950 тракторов, 88 тысяч тонн зерна...»¹². Пожалуй, эти цифры и отражают действительное положение дел в июне — августе

1942 г. Итак, 50 тыс. голов скота спасено, около 3 млн — утрачено. Это можно назвать чем угодно, только не эвакуацией.

Аналогично обстояло дело с зерном — продуктом стратегического значения. По сообщению Сулова, было эвакуировано 88 тыс. тонн зерна. Сколько же попало к врагу? Мы помним, что он сообщал в ЦК о том, что «значительная часть хлеба урожая прошлых лет, а также зерно нового урожая частично роздано колхозникам, рабочим, служащим и проходящим частям Красной Армии, а оставшееся зерно, как правило, уничтожено. Часть урожая текущего года осталась на корню — осыпалась...». Он же писал в ЦК ВКП(б) о том, что «немецкие грабители вывезли из колхозов и совхозов края 509592 тонны зерна и 100 144 тонны овощей и картофеля. В это количество не входят продукты, которые немцы захватили на заготовительных пунктах»¹³. Откуда взялись эти сотни тонн, если весь урожай был или роздан, или уничтожен? Как после этого первый секретарь крайкома партии остался жив, как такие потери простил ему И. Сталин — об этом остается только гадать, как и о том, каким образом летом 1943 г. полностью разоренное сельское хозяйство края «дало уже для страны и Красной Армии значительное количество сельскохозяйственных продуктов: 18,5 млн. пудов зерна, 595 560 пудов мяса, 187 170 пудов шерсти... более 400 тыс. штук кожсырья и много других сельскохозяйственных продуктов»¹⁴. Эта картина опять же не согласуется с картиной страшного разорения.

Конечно, фашистская Германия вторглась в пределы Советского Союза не с целью оказания гуманитарной помощи. И в Германию, и на снабжение собственных армий они вывозили все, что могли. Но каковы были их возможности, и реально ли было им в создавшейся ситуации заниматься сбором и отправкой миллионов поголовья скота, тонн зерна, сельскохозяйственной техники и т. д.? Нет, такого ущерба, который показал в своих отчетах Сулов, нанести при всем желании они не могли. Для этого им необходимо было, не отвлекаясь от боевых действий на фронтах, восстановить все транспортные коммуникации, разрушенные как отступавшей Красной Армией, так и собственными самолетами, танками и пушками, наладить бесперебойное движение эшелонов по железным дорогам, автомобильное и авиационное обеспечение, восстановить депо и т. д. Все это требовало времени и, самое главное, горючего. А его не хватало, в нем нуждались прежде всего войска, что там говорить о тыловых службах. «Трудности со снабжением войск, — читаем у немецкого историка, участника войны генерала Курта Типпельскир-

ха, — стали хроническими и превратились в настоящее бедствие. Коммуникации настолько удлинились, что автоколонны, подвозившие горючее, сами расходовали в пути большую часть своего груза. Когда... 8 августа подвижные части достигли Пятигорска, им пришлось несколько недель ждать там горючего, тем временем русские стягивали силы и усилили авиацию...»¹⁵. И не верить Типпельскирху нет оснований. Потребность в горючем все возрастала на всем пути продвижения сил вермахта на Северном Кавказе, и заниматься проблемой вывоза промышленного и колхозного добра в том объеме, в котором излагал Сулов, они при всем желании не могли. Скорее всего, немцы, изъязв все возможное, оставили остальное как есть, тем более, что новый командующий группой армий «А» генерал-фельдмаршал Э. фон Клейст был противником драконовских мер по отношению к населению оккупированных территорий, что в конечном итоге предопределило закат его военной карьеры, отставку, плен, более — менее сносные условия тюрьмы и смерть от старости во Владимирской области.

Что же касается партизан, то главная «изюминка» статьи — партизанская война, она расписана автором так, что «могучий натиск Красной Армии» рядом с ней отступает на второй план: «Народы Северного Кавказа, исполненные доверия и любви к своему родному Советскому правительству, не покорились чужеземцам. Они ответили партизанской войной на нашествие германских захватчиков, они мстили за убийства, за грабежи, за насилия. Партизанские отряды в дни наступления Красной Армии во многих случаях взаимодействовали с регулярными войсками и освобождали от фашистских оккупантов родные станицы...». Вот она, спасительная и перспективная полуправда!

Факт взаимодействия партизанских отрядов с частями 44-й армии, действительно, подтверждается армейскими документами. Отряды Восточной группы партизанских отрядов освободили ряд населенных пунктов края, вступая при этом в жестокие схватки с врагом. Но что этому предшествовало?

1 января 1943 г. началось наступление Северной группы войск Закавказского фронта. Партизанские отряды Восточной и Северной групп к этому времени были сосредоточены в полосе действий 44-й армии, не в тылу врага, где по всем законам партизанской войны им надлежало действовать, а в тылу Красной Армии! Член Военного Совета Северной группы войск Закавказского фронта М. А. Сулов понимал, что необходимо привести в порядок «партизанские дела»,

ибо дальнейшая неразбериха была чревата самыми серьезными последствиями.

Мы говорим «неразбериха», ибо четкости действий не было на самом деле. 22 июля 1942 г. на бюро Орджоникидзевского (Ставропольского) крайкома ВКП(б) был утвержден «План организации партизанского движения на территории края»⁶. Он в самых общих чертах формулировал принципы организации партизанской борьбы на оккупированной территории. Однако, план этот до сведения будущих потенциальных партизан, вероятно не был доведен. Во всяком случае, его получили далеко не все, кому полагалось. Свидетельствует бывший начальник секретно-политического отдела Карачаевского областного управления НКВД, начальник штаба партизанского отряда «Мститель» В. М. Такмаков: «В Черкесске, 21 января 1943 г., я встретился с командованием 37-й армии (вместе с Редькиным Иваном Ефимовичем, бывшим тогда начальником штаба Западной группы). По пути в Микоян-Шахар Иван Ефимович передал мне настоящее решение крайкома ВКП(б)»⁷ (имеется в виду «План организации партизанского движения на территории Ставропольского края» — *авт.*).

В этой пояснительной записке обращают на себя два момента: руководитель одного из самых активных отрядов «Мститель» В. М. Такмаков не был в курсе решения крайкома от 22 июля 1942 г. и, соответственно, не знал о существовании этого «Плана...» вплоть до освобождения края от немецко-фашистских захватчиков.

Второе — начальником штаба Западной группы отрядов здесь упоминается И. Е. Редькин, а не И. П. Храмков.

Очевидно, в различных исследованиях И. П. Храмков ошибочно назван начальником штаба. На него возлагалось руководство Западной группой отрядов, а начальником штаба был И. Е. Редькин. В архивных же данных нет сведений о работе штаба как такового, роль начальника штаба не отражена совершенно; бездействовал ли Редькин в качестве начальника штаба, или был неугоден краевому руководству — остается неясным.

19 ноября 1942 г. бюро Ставропольского крайкома ВКП(б) «для усиления руководства партизанским движением» образовало отдел партизанского движения в составе трех ответственных работников (заместителя зав. отделом и двух инструкторов) в пределах существующих штатов⁸. Зав. отделом партизанского движения был утвержден секретарь крайкома В. В. Воронцов. О фун-

циях этого отдела читатель может судить по приложению в конце книги.

Вероятно, в этот же день (документ не датирован) было принято «Обращение крайкома ВКП(б) к населению Ставрополя, Терека и Кубани об организации широкой партизанской борьбы в тылу врага». Дату можно установить ориентировочно по содержанию документа («Вот уже более двух месяцев, как хваленные немецкие банды топчутся на Тереке и у Сталинграда», т. е. фронт стабилизировался во второй половине ноября 1942 г.).

Действия партизанских руководителей В. Воронцова и М. Золотухина, находившихся в отрядах, похоже, вызывали у М. Сулова раздражение. «26 октября 1942 г., – писал командир отрядов Восточной группы А. Н. Попов, – по вызову краевого комитета партии я выехал в Кизляр. М. И. Золотухин в это время находился в штабе корпуса в ауле Абдул-Гази. Состоялась продолжительная встреча с работниками крайкома. Сулов, бывший тогда первым секретарем, потребовал объяснить, почему отряды группы без разрешения краевого комитета партии вошли в состав 10-й кавалерийской дивизии...»⁹. Хотя несколько ранее М. Сулов сам отдал соответствующее распоряжение.

Сулов к этому времени был аппаратчиком опытным и понимал, что активность секретарей попросту может оставить его на обочине партизанской славы. И он начинает вмешиваться в ход действий отрядов Северной и Восточной групп, сконцентрированных в полосе обороны и предстоящего наступления Северной группы войск Закавказского фронта.

За день до начала наступления этой группы 30 декабря 1942 г. постановлением бюро крайкома партии был создан штаб партизанского движения во главе с М. А. Суловым (начальник штаба), М. И. Золотухиным (зам. начальника штаба по оперативной части), В. В. Воронцова (зам. начальника штаба по разведывательной части) и В. М. Панкова¹⁰. Отдел партизанского движения при крайкоме ВКП(б) был упразднен. В тот же день был издан приказ, в котором штабу Южной партизанской группы (этой группы не существовало вообще. Как свидетельствуют источники, М. И. Золотухин еще в августе 1942 г. «назвал подлостью поведение тех руководителей, чьи отряды не пришли на место назначения», имея в виду Южную группу отрядов – авт)¹¹, предписывалось продвинуть, наконец, партизанские отряды на территорию, оккупированную врагом, то есть, туда, где им надлежало быть, и проявить при этом

«присущую советским партизанам сметку, беззаветную смелость, мужество и отвагу».

На следующий день, 31 декабря 1942 г. аналогичная задача ставится уже партизанам Карачая и Черкесии, где к этому времени не осталось ни одного отряда¹².

Сами по себе эти факты не могут служить доказательством того, что в целом крайком ВКП(б) с августа по декабрь 1942 г. бездействовал. К примеру, тот же М. И. Золотухин в отрядах Восточной группы находился постоянно. В этой связи здесь уместно привести воспоминания одного из самых активных бойцов, Ю. М. Байрамукова из отряда «Борис»: «В отряды приезжал секретарь крайкома В. Воронцов, ну а Золотухин был постоянно в отрядах. Редко выезжал — разве что в штаб корпуса. Хорошо воевал, вообще был хороший человек, мужественный»¹³.

Но, вместе с тем, тот же Ю. Байрамуков, впрочем, как и многие другие партизаны, сообщали о том, что самого М. А. Суслова они увидели впервые только в 1943 г., во время награждения наиболее отличившихся бойцов после освобождения края. Прямо указывается, что главный партизан края в отрядах не появлялся ни разу. Тем самым перечеркивается утверждение Р. Саренца о том, что после организации краевого штаба партизанского движения (30 декабря 1942 г. — *авт.*) «члены краевого штаба тут же вылетели на партизанские базы (?!), чтобы на месте познакомиться с состоянием отрядов. Начальник штаба Михаил Андреевич Суслов выступил перед партизанами с докладом «О положении на фронтах и задачах партизанской войны в тылу врага». После доклада партизаны дали клятву бороться со злейшим врагом»¹⁴. Куда можно было вылетать из Кизляра, на каком самолете и кому был прочитан доклад — остается загадкой, и таковой, вероятно, останется навсегда. Ибо отряды Северной и Восточной групп были рядом, в тылу Красной Армии, в двух часах езды на автомашине. Но туда Суслов, как оказалось, не приезжал.

Может быть в Западную группу? Однако, к этому времени ее уже не существовало...

«Здесь же, — продолжает Р. Саренц, — было принято письмо в адрес ЦК партии и Государственного Комитета обороны. Партизаны заверяли партию и правительство в том, что они высоко будут держать знамя, которое пронесли через огонь гражданской войны сто тысяч ставропольских партизан, и превратят все Ставрополье в край всенародного партизанского движения»¹⁵.

Между тем, тогда же, 31 декабря 1942 г., было ясно, что немецко-фашистские войска начинают стратегическое отступление, чтобы избежать окружения на Северном Кавказе, что через день-два начнется масштабный натиск войск Красной Армии. Расчет, вероятно, был на то, что в центре не знали о реальном положении дел (в оккупированном крае фактически не оказалось ни одного партизанского отряда), и превращение Ставрополя «в край всенародного партизанского движения» сыграло роль боевого донесения, своеобразного отчета. Затем это же было подтверждено и в газете «Правда», в статье М. Сулова «В освобожденном крае».

С точки зрения объективности, данные, опубликованные Р. Саренцом, главным «летописцем» партизанской войны, можно было бы и не рассматривать. В самом деле, можно ли в серьез воспринимать «факт» рейда одного из отрядов в глубокий тыл врага: «Отряд Туркменского района, совершив глубокий рейд на расстояние более семисот километров (!?), неоднократно совершал налеты на транспортные средства противника». Имеется в виду в зимних условиях степей Ставрополя. Или аналогичный рейд отряда Ачикулакского района «из восемнадцати комсомольцев»: «отряд углубился в тыл немцев на четыреста километров, совершал хорошо продуманные диверсии»¹⁶.

Поскольку отправная точка выхода первого отряда нам неизвестна, ограничимся рассмотрением «действий» Ачикуланского отряда.

Во-первых, Ачикулак был оккупирован, и там не было никаких отрядов. Но даже если допустить существование указанного отряда, то направление действий, по прямой протяженностью в 400 километров приводило бы отряд к Сталинграду, в северо-западном направлении — к Краснодару, в западном — к Адлеру, ну а в Южном и вовсе вплотную к Еревану.

Во-вторых, даже если теоретически допустим такой рейд не по прямой, а по разработанному по немецким тылам маршруту, то как же быть с возвращением этого отряда? Это еще столько же, и без потерь? Нужна ли была партизану В. Пушкарному и его товарищам такая «слава»? Думается, нет. А вот руководство края этот фантастичекий факт не только приняло, но и обнародовало.

Что же было на самом деле? На самом деле, группа молодых людей из Ставрополя числом в 18 человек под руководством секретаря Ачикулакского районного комитета ВЛКСМ Г. Г. Пушкарного и М. Васильева, оказавшаяся в районе Астрахани, решила вернуться в край. Маршрут молодые партизаны определили по полупусты-

ням, не занятым немцами (как известно, здесь тоже не было сплошной линии фронта). Не была занята эта полоса и советскими войсками. Надо отдать должное молодым героям: вылавливая и расстреливая по пуги предателей (три предателя из русских и один немец, распространявший листовки), в декабрьскую стужу отряд вышел к Арзгиру, где к этому времени немецкого гарнизона не было. У Арзгира произошел бой юных партизан с казачьим карательным отрядом, в результате которого последний обратился в бегство, но на следующий день, с тыла, по отряду комсомольцев ударила вторая группа карателей 82-го казачьего эскадрона, и отряд, отстреливаясь, на захваченных повозках и верховых лошадях ушел в сторону Величаевского. В последнем бою погибли Н. М. Рыженков — пулеметчик, уничтоживший 15 карателей и юная Саша Волченкова, на счету которой было 7 полицаяев.

Если говорить о рейде отряда в потенциально опасной зоне, то это расстояние в 200 км в оба конца, но никак не «400 км по тылам врага», что на наш взгляд, умаляет подлинные дела и подвиг молодых партизан, влившихся на исходе декабря 1942 г. в Северную группу отрядов.

Работы Р. Саренца фальсифицированы. Несведущему человеку очень сложно отличить в них правду от вымысла, но мы цитируем его именно потому, что с Саренца началась легенда о выдающемся «руководителе партизанского движения на Ставрополье».

Другим популяризатором «партизанской славы» М. А. Сулова стал Т. Мищенко, работавший в 1942-1943 гг. заведующим военным отделом Ставропольского (Орджоникидзевского) крайкома ВКП(б). Именно ему принадлежит сообщение о роли М. Сулова в обороне перевалов Главного Кавказского хребта. «В начале августа 1942 года немецко-фашистские орды ворвались на Ставрополье и стали быстро продвигаться в горы, преследуя цель с ходу овладеть перевалами Кавказского хребта.

В этот критический момент на помощь войскам Закавказского фронта пришли ставропольские партизаны. По указанию первого секретаря краевого комитета партии М. А. Сулова на подступы к перевалам, в начале августа 1942 года, было направлено шестнадцать партизанских отрядов, в которых насчитывалось около тысячи человек, в том числе почти шестьсот коммунистов. Руководство всеми отрядами было поручено секретарю крайкома КПСС (так в тексте. — *авт.*) И. П. Храмову»¹⁷.

Между тем, нет никаких документальных сведений об указании М. Сулова о передвижении партизан к перевалам, ничего об этом не

сообщает и сам М. Суслов, нет упоминания об этом и у Г. Саренца. Кроме того, о намерении гитлеровцев выйти к перевалам до последнего момента не знало даже командование Закавказского фронта, о чем писал в своих мемуарах сам командующий И. В. Тюленев¹⁸.

Однако, эта легенда получила у Т. Мищенко дальнейшее развитие: «В середине августа в основных ущельях, идущих к перевалам, начались ожесточенные бои партизанских отрядов с передовыми фашистскими частями. В Тебердинском ущелье, у реки Гоначхир, в течение нескольких дней вел тяжелые бои с гитлеровцами, стремившимися занять Клухорский перевал, партизанский отряд «Мститель» ...Лишь ценой больших потерь немцам удалось потеснить партизан в Тебердинском и Марухском ущельях и выйти к перевалам, но здесь они встретили сокрушительный отпор советских воинов.

Благодаря стойкости и мужеству партизан фашистские войска вынуждены были почти две недели топтаться на одном месте, что дало возможность командованию Закавказского фронта выиграть драгоценное время, накопить резервы, подтянуть силы к перевалам, укрепить их оборону и окончательно остановить здесь врага»¹⁹.

Утверждения о нескольких днях не соответствуют действительности. Бой, длившийся — по свидетельству начальника штаба отряда В. М. Такмакова — пять часов, даже с большими натяжками нельзя назвать битвой. Фашисты, оставив здесь роту пулеметчиков, в тот же день вышли к Клухорскому перевалу и, уничтожив утром следующего дня стоявшую в обороне на перевальной седловине роту 815-го стрелкового полка, спустились на южные склоны Главного Кавказского хребта²⁰.

Однако, Т. Мищенко прав в одном — партизаны отряда «Мститель» показали здесь образцы стойкости и героизма.

Если учесть то, что большинство партизан отряда «Мститель» не имело вооружения вообще, то значимость этого боя становится весьма весомой и не требует дальнейшего развития в форме эпитетов «битва» и т. д., сделать более того, что он сделал на Гоначхирской поляне, «Мститель» не мог. И этого вполне достаточно для того, чтобы память о партизанах была вечной.

Так создавались легенды о «незримом партизанском фронте, раскинувшимся на сотни километров — от седоглавого Эльбруса до горы Загедан», о мудром и дальновидном партизанском вожаке-организаторе, спасшем ситуацию на высокогорном участке Закавказского фронта.

В 1943 году было не до легенд. «Весной 1943 года, — рассказывал автору этих строк бывший военюрист 3-го ранга следователь прокура-

туры Карачаевского областного суда А. Кубанов, — меня вызвал прокурор области С. И. Медведев и сообщил, что в области и в крае работает комиссия в составе двух генералов и нескольких офицеров. Она расследует причины неудачного партизанского движения. «Суслов, вероятно, будет арестован, — сказал Медведев, — так что нужно быть готовым ко всему»²¹.

Работу этой комиссии подтвердили бывший пулеметчик отряда «За Родину!» чекист Н. И. Баринов, работник органов госбезопасности А. С. Семенов, зам. прокурора области по надзору за органами НКВД-НКГБ по спецделам Ю. М. Байрамкулов, лично знавший М. Суслова.

Но ареста не произошло, хотя в докладных записках в оргинструкторский отдел ЦК ВКП(б) командиров и комиссаров партизанских отрядов в марте 1943 г. излагались реальные причины распада Западной группы партизанских отрядов Ставропольского края.

В числе этих причин — отсутствие руководства Западной группой отрядов со стороны ответственных лиц. Установлено, что начиная с 5 августа 1942 г. по февраль 1943 г. руководство края не имело с партизанами Западной и Южной групп никакой связи, следовательно, и никакого понятия о том, что творилось в лесах Карачаевской автономной области, где сосредоточились три отряда Ставропольского края, отряды Черкесской и Карачаевской автономных областей²².

Негативную оценку работе представителей крайкома ВКП(б) дал инструктор крайкома ВКП(б), назначенный в 1943 г. секретарем Черкесского обкома партии, Дзарагазов: «Между отрядами связи не было. Черкесский городской отряд был разбит на 6-ой день существования. Со второй половины августа (1942 г. — *авт.*) начались неудачи. Первым был разбит городской отряд, затем районный, Хабезский и Кувинский. Мелкими группами ходили по лесу. Искали друг друга. Связь между отрядами и штабом (Западной группы — *авт.*) полностью отсутствовала. Отыскать штаб не удалось...

В отрядах представители штаба чинили обезличку, подменяли командный состав, тем самым в отрядах была неразбериха и беспорядок»²³.

Очевидно, еще до начала боев, в августе 1942 г. состоялась встреча представителей края: секретаря крайкома ВКП(б) И. Храмкова, зав. военным отделом крайкома Т. Мищенко, зам. начальника НКВД края У. Кочкарова и других с секретарями Черкесского и Карачаевского обкомов Г. М. Воробьевым и М. Г. Романчуком. Встреча эта

закончилась разладом, в результате которого оба последних покинули штаб Западной группы. Прямое доказательство этому мы находим в кратком отчете комиссара Иконхалкско-Кувинского отряда А. М. Абанова: «Романчук появился в отряде 27 августа. Он случайно попал в отряд. Я с ним был знаком еще до войны по партийной работе, и в отряде он знал только меня. Он рассказал, как поговорил с начальником краевого штаба по партизанскому движению Южной группы и с другими членами штаба. Он оставил краевой штаб с целью присоединения к каким-нибудь партизанским отрядам. Он сообщил нам, что мы окружены, что перевал занят немцами, нет другого выхода, как идти хоть в штыки, но пробиваться к перевалу. По его предположению, на перевале должны были быть партизанские отряды и воинские части»²⁴.

Характерно, что А. М. Абанов не знал наименования организации, руководившей партизанами Западной группы, можно предположить, что не знал в точности организации и ее назначения и сам секретарь обкома М. Г. Романчук. Отсюда и ошибка с «краевым штабом по партизанскому движению Южной группы». Фактически речь идет о Западной группе отрядов, которую возглавлял И. П. Храмков, а что касается Южной группы, объединявшей отряды Кавминвод, то она существовала лишь на бумаге. Единственный отряд им. М. Ю. Лермонтова в августе 1942 года ушел в Кабардино-Балкарию и короткое время действовал там, о чем мы в свое время и сообщали²⁵.

О «роковой» для Иконхалкско-Кувинского отряда роли М. Г. Романчука повествовал и сам командир отряда Кисляков. Он прямо отмечал, что в разгроме отряда повинен секретарь Карачаевского обкома партии Романчук, хотя и признавал, что к моменту прихода последнего отряд был обнаружен врагом и находился в окружении²⁶.

Таким образом, решение М. Романчука пробиваться на соединение с частями Красной Армии в районе Марухского перевала являлось единственно верным выходом из создавшегося положения.

Сам секретарь обкома в ходе прорыва отряда из окружения 28 августа 1942 г. погиб.

Нам неизвестны причины ссоры другого секретаря обкома — Черкесского, Г. М. Воробьева. Но после ссоры в штабе И. П. Храмкова он с несколькими товарищами ушел из штаба и погиб в Приэльбрусье, в районе перевала Бурун-Таш, где «эдельвейсы» устраивали засаду особому отряду НКВД, шедшему в обход Эльбруса к аулу Хурзук. И Романчук М. Г., погибший с другими партизанами в

Марухском ущелье, и Г. М. Воробьев, погибший в урочище Мушт остались незахороненными.

Совершенно очевидно, что в числе «чинивших обезличку и подменявших командный состав» в докладной записке Дзарагазова и Кислякова имеются в виду М. Г. Романчук, Г. М. Воробьев, П. М. Мирошников и другие, сделавшие все, что было в их силах для спасения отрядов и испившие до дна горькую чашу самопожертвования во имя свободы и независимости Родины. Характерно, что после войны эти герои в отчетах почти не упоминались, а если и упоминались их дела, то весьма обобщенно, если не сказать поверхностно. Так, о Г. М. Воробьеве было сказано, что погиб в «лесях под Черкесском»²⁷.

В дальнейшем ни М. Суслов, ни И. Храмков, награжденный Указом Президиума Верховного Совета СССР от 10 мая 1965 г. орденом Красного Знамени за боевые партизанские дела, ни другие партийные функционеры ничуть не озаботились увековечением памяти погибших коллег. Лишь только в 1985 г. в канун 40-летия Великой Победы, уже после смерти М. Сусллова они были награждены орденами Отечественной войны. И это не случайно. Ибо секретари обкомов, ценою своей жизни, позволили спастись функционерам, непосредственно отвечавшим за организацию партизанской войны.

Долгое время были закрыты для исследователей отчеты других народных мстителей, написанные в ходе проверки в феврале-апреле 1943 года по требованию оргинструкторского отдела ЦК ВКП(б).

В объяснительной записке, подписанной совместно комиссаром Усть-Джегутинского отряда М. М. Чмыховым и Зеленчукского отряда Н. В. Сергеевым, есть объяснение неудачным действиям партизан Западной группы:

— «открытое формирование партизанских отрядов, равно как мест расположения и баз, поздняя выброска продуктов и других материалов; создание отрядов только из конников кавалерии (так в документе — *авт.*) Все это было обнародовано и дало немцам возможность быстрой расправы с отрядами и их базами;

— неправильные установки, чтобы отряды вступали в бой с передовыми немецкими частями, следовало бы укрыться, пока не прошли передовые немецкие части. *Неправильные ориентировки о том, что в Карачае к перевалу немцы не пойдут большими воинскими частями* (выделено мной — *авт.*).

— как областной, так и краевой штаб партизанского движения должен был повседневно руководить отрядами и ставить перед ними

задачи, чего не было в Карачаевской области, даже ни одного инструктивного совещания...

— связей между отрядами никаких установлено не было, и поэтому, если какой отряд попадал в тяжелое положение, то оказать ему помощь другой отряд не мог»²⁸.

Документ говорит сам за себя, мы лишь акцентируем внимание на том, что никто партизан не ориентировал на прикрытие перевалов до подхода частей Красной Армии.

Несколькими днями позже аналогичную картину обрисовал и Федор Павлович Соловьев, работавший до оккупации области вторым секретарем Черкесского обкома партии, комиссар Хабезского партизанского отряда, вынужденный в силу распада отряда в сентябре 1942 г. уйти в подполье²⁹. Из его докладной записки следует, что штаба Западной группы как такового не было, как и не было какого-либо руководства.

В другом документе — докладной записке Федора Григорьевича Махиненко, комиссара Кировского (Исправненского) партизанского отряда, дается совершенно уничтожающая характеристика И. П. Храмкову — секретарю Ставропольского крайкома, начальнику штаба Западной группы: «Он с первых же дней показал свою неспособность, безынициативность, безответственность в руководстве отрядами, что впоследствии трагически отразилось на деятельности отрядов и бойцов в них»³⁰.

Совершенно очевидно, что подобные документы, подписанные партийными работниками областных и районных комитетов, не отягощенных необходимостью создания партизанской славы секретарям крайкома, могли иметь для последних самые серьезные последствия.

Также очевидно, что М. А. Суслов, серьезно обеспокоенным своим будущим, потребовал объяснений у своего секретаря И. П. Храмова.

Храмков признал свои ошибки: «ошибок и недостатков в руководстве деятельностью партизанских отрядов со стороны сводного (так в документе — *авт.*) штаба немало, тем более я не обладаю необходимыми военными знаниями, без которых трудно руководить, чтобы не было ошибок, и в то же время при мне не было ни одного более или менее военного человека...»³¹.

Однако, автору этой объяснительной была уготовлена долгая партийная жизнь, в отличие от М. М. Чмыхова, Ф. П. Соловьева, Н. В. Сергеева и других, не обладавших необходимой изворотливостью.

С августа 1943 по сентябрь 1945 г. И. П. Храмов работал первым секретарем Пятигорского горкома партии, затем был направлен на учебу в Высшую Партийную Школу при ЦК ВКП(б). По окончании ВПШ он был направлен в Казахстан, где работал заведующим отдела агитации и пропаганды ЦК Компартии Казахстана, затем ему была поручена крупнейшая область республики – Кустанайская, деятельность его на посту первого секретаря обкома была связана с эпопеей освоения целины и увеличением производства зерна. С 1961 г. и до смерти в 1977 г. Храмов был членом Коллегии Министерства сельского хозяйства СССР, директором крупнейшего в Советском Союзе издательства «Колос», был депутатом Верховного Совета СССР и делегатом партийных съездов, то есть, входил в партийную элиту страны. Безусловно, все это было с подачи Суслова. В чем тут дело?

А дело в том, что И. П. Храмов совершенно иначе представил причины развала партизанского движения. «Отряды необходимой поддержки населения, по существу, не имели, в особенности со стороны карачаевского населения... Заигрывание врага с казаками, особенно с карачаевцами, создание карачаевского национального комитета самообороны и полиции, наличие нескольких сот дезертиров в горах, которые с момента оккупации пошли на службу к врагу и были использованы им в борьбе с партизанами. Помимо этого, враг сумел обманным путем заставить неустойчивые элементы работать на себя...»³².

В данном случае отсутствие поддержки, «особенно со стороны карачаевского населения», не только возвышало роль крайкома в организации партизанского движения в безнадежных условиях, но и придавало партизанским вожакам героический ореол с элементами трагизма. Так, с подачи Храмова, Дзарагазова, Симонишвили и других, с благословения «главного партизана края» начался фарс по шельмованию целого народа, перешедший в трагедию, начавшуюся с ноября 1943 года и продлившуюся без малого полвека.

В том же 1943 году 12 октября М. Калинин и А. Горкин подписали Указ Президиума Верховного Совета СССР «О ликвидации Карачаевской автономной области», где в констатирующей части был приведен слегка измененный, подогнанный под официоз, текст, весьма напояющий объяснительную И. П. Храмова. Что же касается отсутствия при Храмове «ни одного более или менее военного человека», то такой рядом с секретарем крайкома был. Звали его Унух Джумаевич Кочкаров – заместитель начальника краевого управления НКВД, подполковник.

В документальной повести ставропольских журналистов А. Попутко и В. Гнеушева «Партизанский заслон» Унуху Кочкарову посвящена глава «Цена предательства»¹. В ней выведен образ оборотня и националиста, сыгравшего роковую роль в разгроме партизанских отрядов Западной группы. Поскольку заинтересованный читатель найдет эту книгу без труда, мы не считаем нужным приводить содержание этой части, тем более, что в первой главе настоящей книги мы сообщали о фактах фальсификации.

В виду того, что далее речь пойдет о судьбах отрядов и роли У. Кочкарова, есть необходимость остановиться более подробно на личности подполковника и его роли как партизанского организатора, так и предателя, тем более, что имя этого человека встречается в ряде других изданий².

По их архивным данным, Унух Джумаевич Кочкаров родился в 1903 г. в ауле Даут Учкулановского района Карачаевской автономной области. Закончил Горский комвуз в Ростове-на-Дону. С 1928 г. — член ВКП(б). В органах НКВД — с 1936 г.³ Как видно, начало его чекистской деятельности пришлось на печальной памяти 30-е годы, время «чисток» и повальных репрессий.

В 1936 г. У. Кочкаров, спустя немного времени после поступления на службу, назначается временно исполняющим должность начальника Зеленчукского райотдела НКВД. Человек по натуре жесткий, властный, Кочкаров быстро привел дела в райотделе НКВД в надлежащий порядок. Уже тогда его боялись. В процессе выявления «врагов народа» он принял деятельное участие и в 1940 г. начальник УНКВД по Орджоникидзевскому (Ставропольскому) краю майор госбезопасности В. Панков ходатайствует о его переводе на должность начальника отделения УНКВД по Карачаевской автономной области в звании младшего лейтенанта⁴.

Бюро Орджоникидзевского (Ставропольского) крайкома ВКП(б) на заседании 20 апреля 1940 г. утвердило Кочкарова в этой должности⁵.

В марте 1941 г. младший лейтенант госбезопасности назначается начальником Зеленчукского межрайонного отделения НКВД, а в марте 1942 г. — начальником отделения по борьбе с бандитизмом УНКВД по Карачаевской автономной области.

26 июня 1942 г. Унух Кочкаров был освобожден от обязанностей начальника отделения по борьбе с бандитизмом УНКВД по Карачаевской автономной области и утвержден в должности заместителя начальника краевого управления НКВД уже в чине подполковника⁶.

Едва ли кому в то время удавался столь стремительный взлет по служебной лестнице. Это был редчайший случай, когда младший лейтенант госбезопасности за неполные шестнадцать месяцев дослужился до подполковника.

Сам по себе этот факт свидетельствует о том, насколько У. Кочкаров был угоден краевому начальству. Очевидцы вспоминают, что этот чекист буквально стелился перед вышестоящим руководством и для продвижения по службе мог шагать через трупы людей, зачастую безвинных.

Кроме личных качеств (жестокость, циничность, стремление добиваться своей цели, порой корыстной, любой ценой), он был еще выгоден своей управляемостью, абсолютным послушанием перед начальством и прекрасным знанием условий горно-лесистой местности на юге края.

Такой человек был необходим краевому руководству в виду создавшихся военных условий: стремительного продвижения противника на юг и неизбежной оккупации Ставропольского края.

В крае всерьез рассчитывали на то, что немцы, сосредоточив основные силы на направлении Нальчик — Владикавказ — Грозный, вряд ли пойдут в глухие горные ущелья, что отражено в объяснительной записке Н. В. Сергеева и М. М. Чмыхова (см. выше, гл. II). поэтому горно-лесистая местность на юге Ставропольского края в Карачаевской автономной области и рассматривалась в качестве базовой для будущих партизанских отрядов. Разумеется, в работе с этими отрядами У. Кочкарову отводилась одна из ведущих ролей.

В первых числах августа 1942 г. группа работников аппарата крайкома ВКП(б) из Ставрополя отправилась на юг, а секретариат во главе с М. А. Сусловым — на восток. С этого момента связь между

ними оборвалась в силу того, что заблуждение руководства края относительно немецких планов оказалось для Южной и Западной групп партизанских отрядов роковым.

Деятельность У. Кочкарова в организации как отрядов, так и функционирования самого штаба была весьма активной. Другое дело, что позже она получила в литературе негативную оценку. Он пытался наладить разведку, организация которой ему была поручена, собирал продовольствие и пытался снабдить всем необходимым как штаб, так и регулярные части на перевалах.

Так, перед выходом немцев, к Марухскому перевалу в распоряжение 810-го полка 394-й стрелковой дивизии «пришли секретарь крайкома ВКП(б) Хромкин и Кочарав (так в документе, имеюся в виду Храмков и Кочкаров — *авт.*). они сообщили, что отряды будут нам помогать, при этом Кочарава передал нам 60 овец», — сообщается в архивных документах 394-й стрелковой дивизии⁷.

Это был момент, когда происходила концентрация частей 394-й дивизии на Марухском перевале для захода в тыл немцев, уже взявших Клухорский перевал, т. е. 15-16 августа 1942 г. Однако, 16 августа подразделения немецкой 4-й горнострелковой дивизии занимали уже Архызское ущелье, где и произошел бой Черкесского городского и районного отряда. Отряд в этом бою был разбит⁸.

С этого момента обрываются все связи штаба Западной группы с отрядами других районов. Примерно на это же время приходится и разлад в штабе, в результате которого М. Г. Романчук, И. Т. Пшеничный и другие покинули его и позже погибли в бою в Марухском ущелье. Характерно, что в дневнике боевых действий командира Иконхалкско-Кувинского отряда не сообщается о контактах с Храмовым и его группой.

Штаб в составе семи-восьми человек, в том числе и Кочкарова, из Марухского ущелья ушел в Архыз и далее — на Уруп.

Отсюда, по данным Главной Военной Прокуратуры, 9 октября 1942 года Унух Кочкаров вместе с чекистами И. Глоовым и Н. Газизовым ушел устанавливать связь с партизанскими отрядами⁹.

Предпринималась попытка выяснить судьбу Зеленчукского, Усть-Джегутинского, Иконхалкского-Кувинского, Учкуланского и других отрядов и наладить с ними связь.

Кочкарову удалось дойти до Учкулана. Никаких отрядов он на протяжении всего маршрута не нашел. 23 октября 1942 г. он направлялся обратно, на Уруп. В метель все трое всадников добрались до Верхней Ермоловки. Здесь И. Глоов и Н. Газизов остались на

краю села, а Кочкаров зашел в один из домов, поскольку разведчики промокли и были голодны. Здесь, в помещении он и был схвачен.

Разведчиков Глоова и Газизова Кочкаров, вопреки утверждениям ставропольских авторов, не выдавал и в дальнейшем в этом не обвинялся¹⁰.

Обстоятельства пленения Кочкарова довольно подробно изложил Х. Х. Коркмазов, служивший в 1942 г. в Даусузской полиции и отсидевший за это 10 лет. (Здесь и далее цитируется в переводе с карачаевского языка статья Токова Аскера в республиканской газете «Карачай».) Он был не только свидетелем но и участником ареста подполковника. «Какой это был день, сейчас не помню. Времени много прошло... Но точно помню, был то ли конец октября, то ли начало ноября 1942 года. Нам было известно, что Кочкаров Унух с двумя товарищами ранее ушел из Верхней Ермоловки в Красный Карачай. Также мы знали о том, что возвращаться они будут обратно этим же путем. Поэтому мы контролировали дороги в районе этого села. Так было легче, поскольку село было маленькое. Как-то вечером дозорные донесли, что в село вошли трое верховых. Мы быстро окружили дом и подворье, где они остановились. Газизов и Глоов возились около коней, и опасности никакой не ждали. Тут же оба были схвачены. Кочкаров в это время находился в доме. Нас было около 18 полицейских. В окно было видно, как Кочкаров сидел за столом, и на столе же лежал его автомат. Хозяйка дома накрывала на стол. Тут мы вошли в дом и наставили оружие на подполковника, объяснив ему, что дом окружен, сопротивление бесполезно, и товарищи его схвачены. Кочкарова предупредили, что как только он прикоснется к автомату, будет убит.

Это был широкоплечий, высокий и очень сильный человек. Безвыходность положения он осознал и сопротивления не оказывал. Кто хочет умирать понапрасну? Видимо, он на что-то рассчитывал. Утром всех троих мы отвезли на тачанке в Зеленчукскую и сдали немцам»¹¹.

Другое интересное свидетельство: «Я, Андрей Иванович Савин, родился в 1927 году в Верхней Ермоловке, в настоящее время проживаю в Ермоловке Зеленчукского района, свидетельствую: в 1942 году на исходе осени, по-моему, в ноябре, когда у нас, в Верхней Ермоловке уже лежал снег, вечером трое всадников с лошадей спустились в село и подъехали к дому неподалеку от нашего.

Там жила одинокая женщина, имени ее не помню, но она была из Марухи. Это я знаю точно, потому что женщина была в близких отношениях с начальником полиции Соловьем – Соловьевым – *авт*).

Наутро во дворе ее дома я увидел троих пленных: Кочкарова, Газизова и еще одного (он мне не был знаком). Во дворе толпились полицаи из Зеленчукской, Даусуза, Нижней Ермоловки, Лесо-Кяфарского хутора. Их было много. Партизан поймали ночью. К изложенному мне трудно что-нибудь добавить, только одно было ясно: Кочкарова и его товарищей выследили, полицаи знали, что он придет в этот дом, и ждали его прихода, спрятавшись неподалеку. Так что он попал в засаду. Почему я это утверждаю? Если бы это было не так, то почему полицаи из Зеленчукской и из других мест собрались в этот день в Верхней Ермоловке?

Кроме того, я был очевидцем того, как допрашивали Кочкарова и его товарищей во дворе, а полицаи делили патроны. Вероятно, эти патроны принадлежали партизанам. Вскоре их посадили на тачанку и повезли в Зеленчукскую. Отряд конвоиров возглавлял заместитель начальника Зеленчукской полиции Павел Сибирцев. В то утро начальника полиции Верхней Ермоловки Соловьева не было. Пленением Кочкарова и его товарищей, по-видимому, руководил Сибирцев, потому что среди собравшихся полицаев главнее его не было.

Никак не могу забыть, как усаживали плененных на тачанку и увозили их. Было так: лошадей Кочкарова, Газизова и третьего партизана вывели из сарая. Сибирцев сразу заметил коня Кочкарова. Как только Сибирцев вскочил на коня, конь сбросил его и помчался к тачанке, где сидел Кочкаров. Потом видевшие люди рассказывали, что коня так и не могли поймать до станицы Зеленчукской, хотя он и бежал рядом с тачанкой, где сидел его хозяин...»¹²

Эти и ряд других свидетельских показаний сотрудников НКВД не устраивали. Им нужен был «факт» добровольного предательства Кочкарова. И они его нашли. Свидетельствует бывший шофером Унуха Кочкарова в 1936 г. Кравченко Иван Лукич, уроженец станицы Зеленчукской, 1910 г. рождения. Он сообщает о том, что новый начальник Зеленчукского РО НКВД Чуваев Павел Федорович (в июне 1943 г. поменяли руководство НКВД области полностью: начальником областного управления НКВД по Карачаевской автономной области был назначен Рыжков Павел Игнатьевич; по районам – Малокарачаевскому – Булавин, Преграденскому – Черкизов, Усть-Джегутинскому – Жосан, Микояновскому – Колотилин,

Зеленчукскому — Чуваев, Учкуланскому — Аслаев)¹³, ездил в село Маруха. Там он при И. Л. Кравченко допрашивал Юрченко Марию Савельевну. Та сообщила, что в начале ноября 1942 г. вечером в ее дом пришел Кочкаров Унух. В доме в это время сидели немцы и ужинали. Она испугалась, что начнется перестрелка, но этого не произошло. Кочкаров сложил на стол автомат и маузер и назвал свое имя. Немцы потеснились и освободили ему место. Он поужинал вместе с ними, а затем с ними и ушел¹⁴. Именно эта лживая версия была впоследствии растиражирована.

Информация о положении на фронтах и состоянии партизанских отрядов была неутешительной: немцы вышли к Волге, подошли вплотную к Орджоникидзе (Владикавказ) и Грозному, партизанские отряды Карачая и Черкесии разгромлены. Вероятно, Кочкаров посчитал, что смысла продолжать борьбу нет, ни за что геройски отдавать свою жизнь неоправданно.

25 октября 1942 г. он был доставлен в Микоян-Шахар (Карачаевск), где и согласился после продолжительной беседы с гестаповцем Отто Вебером на сотрудничество с немцами.

Почти вся агентура НКВД, оставленная для подпольной работы, им была выдана немцам. С его подачи были схвачены подпольщики Джаубаев, Лепшоков и др., около 20 человек¹⁵. Правда, в дальнейшем одним (Али-Солтан Джаубаев) удалось бежать, другие, в том числе и З. Лепшоков, были казнены. Кроме этого, пленный подполковник днем, разъезжая в машине с Вебером, участвовал в агитационной работе оккупационных властей, ночи же проводил в Микоян-Шахарской тюрьме.

10 января 1943 г. Кочкаров, в соответствии с выпиской из книги учета арестованных Микоян-Шахарской тюрьмы гестапо, подлежал освобождению.

Очевидно, что отступавшие гестаповцы взяли его с собой, но по пути Кочкаров спрыгнул с повозки и бежал, и в этой связи является спорным утверждение о том, что он «был освобожден из тюрьмы с заданием связаться с оставленным на территории области подпольем для борьбы с Советской властью»¹⁶, ибо агитационная деятельность подполковника, его выступления перед жителями не оставляли ему никаких шансов. Да и о существовании подполья едва ли он знал, ибо в дальнейшем не предпринял никаких попыток связаться с ним. К тому же подполья как такового, не существовало.

Сознавая свою вину и рассчитывая в дальнейшем искупить ее, он, после освобождения Микоян-Шахара, добровольно пришел в органы НКВД, где обо всем, что с ним произошло, и поведал. Здесь он был арестован, а после следствия — расстрелян.

Однако, и в этом периоде жизни Кочкарова есть моменты, мимо которых нельзя пройти. Касается это свидетельских показаний человека, находившегося в период следствия в одной камере с Кочкаровым, и этим показаниям не верить нельзя, так как проверкой установлено, что этот человек действительно сидел в одной камере с Кочкаровым, был незаконно осужден на 7 лет и впоследствии реабилитирован. Кроме того, именно с его воспоминаний начинается книга В. Гнеушева и А. Попутько «Партизанский заслон», полная измышлений и фантастических фактов, и о судьбе самого Николая Никифоровича там сказано очень мало.

«Я, Андрианов Николай Никифорович, 1905 года рождения, грек, проживаю в селе Хасаут-Греческое Зеленчукского района, очень хорошо знал Кочкарова Унуха. Мы часто с ним встречались. Дело в том, что с 1926 по 1944 г. я работал на Аксаутском лесопильном заводе. Унух сначала работал в районном, потом областном, краевом НКВД. Когда он наведывался в свой аул Красный Карачай, то по пути часто останавливался у меня пообедать или поужинать.

В Ставропольской тюрьме в одной камере я просидел с ним один месяц и 24 дня, то есть с конца февраля по 25 апреля 1944 г. Поэтому я достаточно хорошо знаю, как он попал к немцам, а потом был арестован органами НКВД.

Спустя два месяца после оккупации немцами Карачаевской автономной области Унух Кочкаров, Нукмен Газизов с третьим товарищем (уточню сразу: Газизова я знал хорошо, он прибыл из Уфы и работал директором леспромхоза; третьего я не знал, не был знаком, поэтому его имя в памяти не сохранилось) спустились в Верхнюю Ермоловку. Полиция выследила их, схватила и доставила в Зеленчукскую, где передала их немцам, а затем их отправили в Микоян-Шахар.

В конце декабря, когда его перевозили из Микоян-Шахара в Черкесск, Кочкаров бежал... До ухода немцев он находился в районе Марухи и Красного Карачая. Сразу после того, как оккупанты покинули пределы области, он занялся восстановлением Советской власти. 10 января 1943 г. объявил о восстановлении Советской власти у нас, в Хасаут-Греческом, провел собрание с назначением пред-

седателя колхоза. 18 января объявил о восстановлении власти в ауле Красный Карачай, исполнял обязанности начальника Зеленчукского РО НКВД. Там он работал до июня 1943 г., в июне же под предлогом возвращения в краевое управление НКВД он был отозван и арестован.

Как я сообщал выше, мы провели в одной камере месяц и 24 дня. Меня обвиняли по статье 58-1-а, Унуха же по 58-1-б. Будучи в камере, я спросил его том, в чем меня обвиняют. Он ответил, что речь идет об измене Родине, о борьбе против Советской власти с оружием в руках. Когда за ним приходили, то по фамилии не называли, выкрикивали «заключенный «К» — на выход». Большею частью возвращался страшно избитым и окровавленным. Помню, что через некоторое время, он сообщил, что могут статью 58-1-б поменять на другую — 7-35. Я не знаю, что это за статья. Было похоже на то, что если Кочкаров примет на себя то, что ему навязывали, ему поменяют статью...».

Поясним, что статья 58-1-а в Уголовном кодексе РСФСР, действовавшем в то время заключала в себе следующее: «Измена родине, т. е. действия, совершенные гражданами СССР в ущерб военной мощи СССР, его государственной независимости или неприкосновенности его территории, как — то: шпионаж, выдача военной или государственной тайны, переход на сторону врага, бегство или перелет за границу караются — высшей мерой уголовного наказания — расстрелом с конфискацией всего имущества, а при смягчающих обстоятельствах — лишением свободы на срок десять лет с конфискацией всего имущества». Эта статья инкриминировалась Андрианову. Статья 58-1-б: «Те же преступления, совершенные военнослужащим, караются высшей мерой уголовного наказания — расстрелом с конфискацией всего имущества». Это — Кочкарову. Статья же 7-35 предусматривала меры социальной защиты судебно-исправительного, медицинского или медико-педагогического характера в отношении лиц, совершивших общественно-опасные действия или представляющих опасность по своей связи с преступной средой или по своей прошлой деятельности. Из изложенного ясно, что у Унуха Кочкаровы был выбор: либо расстрел, либо «удаление из пределов РСФСР или из пределов отдельной местности с обязательным поселением в других местностях в соединении с исправительно-трудовыми работами на срок от одного года до десяти лет». Для того, чтобы остаться в

живых ему нужно было что-то подписать. Он не подписал. Или подписал, но его обманули.

— Что?

Очевидно, ответа на этот вопрос не будет.

Интересно, что почти одновременно шло следствие по делу другого партизана — разведчика Мудалифа Каракезовича Батчаева. Он тоже обвинялся в измене родине и подлежал расстрелу, но у него были смягчающие обстоятельства, и 15 апреля 1944 г. он был осужден на 8 лет. Свидетельство Н. Н. Андрианова о ходе следствия по делу Кочкарова вполне применимо и к делу Батчаева. «Мое дело, — продолжает Н. Н. Андрианов, — если не изменяет память, вел следователь по фамилии Левин, дело Кочкарова вел он же. Позже меня перевели в Черкесск, и, хотя моя вина была не доказана, дали 7 лет тюрьмы. Не потому, что это было законно, а просто им надо было обелить себя.

Все, что я здесь излагаю, сушая правда, и я готов ее подтвердить где угодно. *А Унуха взяли и расстреляли. Безусловно, кто-то из большого начальства, прежде всего Суслов страшно боялся Кочкарова. Он какие-то истории рассказывал. Кочкаров очень много знал о партизанах*¹⁷. (Выделено мной — авт.).

Совершенно очевидно, что живой Кочкаров, как бы он не был предан руководству края, являлся потенциально опасным человеком прежде всего для Суслова, и для Храмкова и для прочих, связанных с организацией партизанского движения. И есть закономерность в полной изоляции (одного посредством расстрела, другого — тюремным заключением) двух наиболее осведомленных о судьбах партизанских отрядов и их руководителей людей — Кочкарова и Батчаева.

В этой связи, вызывает сомнение также и факт выдачи У. Кочкаровым всей агентуры НКВД и людей, оставленных для подпольной работы.

Такова судьба одного из опричников партийной элиты. Кочкаров был, что называется плоть от плоти существовавшего тогдашнего режима и, в конце концов, стал его закономерной жертвой. И дело тут даже не в его малодушии и последующей измене. Дело в том, что к главному обвинению — разгрому партизанских отрядов этот человек фактически непричастен, и даже если бы он не сообщил гестапо о местонахождении штаба Храмкова, участь партизан была предreshена. Кочкаров стал тем, на

кого были списаны все провалы партизанского движения на юге Ставропольского края.

По данным Главной Военной Прокуратуры, Унух Кочкаров обвинялся в том, что:

— сообщил полиции, а затем гестапо сведения о партизанских отрядах. Но к этому времени отрядов, кроме Преградненского, Кировского, Ново-Александровского и штаба И. Храмкова в верховьях реки Уруп, не было. О местонахождении этой группы, после налета на хутор Круглый 3 сентября 1942 г., немцы знали как от некоторых партизан, сбежавших к немцам, так и от местных жителей. К примеру, бывший партизан И. Бойко дезертировал из Преградненского отряда и служил в полиции¹⁸, сообщив немцам все, что видел и знал;

— сообщил гестапо о штабе партизанского движения и базах их снабжения. Но между тем, местонахождения как указанных отрядов, так и самого штаба, как указывалось выше, было известно немцам и ранее. Что касается баз снабжения, то по свидетельству тех же партизан, таковых не было, а заложенные заблаговременно были полностью утрачены в августе-сентябре 1942 г.;

— сообщил о структуре органов НКВД на территории области. Но к этому времени сами сведения о «структуре НКВД» никакой роли не играли, ибо ее в условиях оккупации не было по большому счету. Первый секретарь крайкома ВКП(б) М. Сулов сам докладывал в ЦК ВКП(б), что «как только определилась угроза оккупации, они (сотрудники НКВД — *авт.*) были отозваны за пределы края заместителем народного комиссара внутренних дел Кобуловым¹⁹. Кроме того, весьма сомнительно, что Кочкаров, сообщив о структуре НКВД области, открыл немцам Америку. Об этом оккупанты могли знать, к примеру, от оперуполномоченных НКВД Нетребко и Смолянко, перешедших к немцам еще в сентябре 1942 г.²⁰;

— выдал известных ему жителей, сотрудничавших с органами НКВД. Но об этом указывалось выше.

Особо подчеркнем, что Кочкаров, Газизов и Глоов не могли «посетить места нахождения Микоян-Шахарского, Усть-Джегутинского, Учкуланского и Зеленчукского партизанских отрядов» по той причине, что к этому времени эти отряды не существовали.

Подтекст обвинения очевиден: посетил места нахождения — значит выдал. Соответственно, это привело к разгрому Западной группы

отрядов. Именно поэтому мы говорим, что подполковник Унух Джумаевич Кочкаров стал жертвой того режима и тех людей, которым он служил верой и правдой.

Те же, кто действительно служили Родине, были истинными патриотами — Идрис Глоов и Нукмен Газизов, — приняли мученическую смерть в застенках гестапо.

В целом, если говорить о Западной группе партизанских отрядов, необходимо отметить, что случаи предательства имелись во всех почти отрядах. Так, Учкуланский отряд разложил и перешел к немцам секретарь райкома Х. Хубиев²¹.

Бывший председатель одного из колхозов Т. Мисюра вместе с партизанами Чумаковым и Черновым сдались немцам и рассказали о Зеленчукском отряде в первых числах сентября 1942 г. Отряд, фактически не участвуя в боях, распался²².

Помощник уполномоченного милиции Преградненского района Г. Соколенко ушел из Преградненского отряда и выдал местонахождение 12 партизан и был расстрелян вместе с ними²³.

Предали Хабезский отряд Ф. Пасютин и С. Тхохов²⁴. 7 партизан из этого же отряда предал М. Хакиров²⁵. И т. д.

Все это не имело никакого отношения к Кочкарову, равно как и он об этом не знал.

На самом деле разгром партизан в верховьях реки Уруп был связан не столько с предательством Кочкарова (предавали и другие и до Кочкарова, и позже), сколько с обстоятельствами, связанными с ходом боевых действий на перевалах Главного Кавказского хребта. Вторую половину августа и весь сентябрь 1942 г. подразделения 1-й и 4-й горнострелковых дивизий немцев провели в яростных боях, пытаясь пробиться к Черноморскому побережью. В октябре, ввиду климатических условий бои как таковые прекратились.

В промежутках между снегопадами и метелями слышались короткие перестрелки. Войскам как с одной, так и с другой стороны надлежало готовиться к условиям надвигающейся зимы.

Для обсуждения этого вопроса 10 октября 1942 г. начальник штаба группы армий «А» генерал Г. фон Грайффенберг прибыл в Микоян-Шахар (Карачаевск)²⁶. Сюда же были вызваны командиры 1-й и 4-й горнострелковых дивизий Ланц и Эгельзеер, а из Черкесска — командир 49-го корпуса генерал Конрад. Обсуждались вопросы перехода к зимним условиям и возобновления наступа-

тельных действий весной. Формировалась и перебрасывалась из высокогорной области в район Туапсе из «Эдельвейсов» группа «Ланц», обсуждались другие вопросы. Снятые с перевалов подразделения 4-й дивизии Эгельзеера в ходе зимовки должны были заняться, совместно с частями 97-й и 101-й легкопехотных дивизий, ликвидацией партизанских групп там, где они наблюдались. В тот же день генерал уехал в Пятигорск²⁷.

Именно это обстоятельство привело к тому, что группа Храмова была окружена. К ликвидации группы привлекались казачьи карательные подразделения Преградной (атаман Литвинов, начальник полиции Рыбников) числом в 150 человек, казачий карательный отряд Курджиново в 40 человек²⁸. Не могли не учитывать немцы и Зеленчукский резерв. Там, в казачьей жандармерии, служило около 300 человек, начальником был Рязанов²⁹.

Вдобавок к этому, к немцам перебежали бывший директор Бескесского лесхоза Урусов и управляющий Преградненским отделением госбанка Гаджиев, тоже ставшие проводниками³⁰.

В штабе Храмова понимали, что их местонахождение известно немцам и полициям. Однако мер для того, чтобы изменить дислокацию не приняли никаких.

Вместе с тем, в ближайших населенных пунктах немецких гарнизонов как таковых, в период с августа по октябрь включительно, не было. Оккупационный режим обеспечивали немногочисленные румынские подразделения 2-й румынской горнопехотной дивизии и местные каратели во главе с Пономаренко.

Части же 4-й горнострелковой дивизии Эгельзеера были связаны боями на Санчарском направлении, и отвлекаться на проведение «зачисток» в ущельях и населенных пунктах им было некогда. Да и сил, после того, как части дивизии вышли к перевалам Доу и Гудатский, было недостаточно, ибо егерям пришлось вести бои и на боковых перевалах, чтобы предотвратить заход подразделений Красной Армии в свой тыл.

Очевидно, что там партизаны особой опасности для немцев не представляли. Конечно, захват агитационной машины с отснятыми киноплёнками и ликвидация группы сопровождения этой машины были фактами малоприятными, но тем не менее на разгром партизанской группы немцы отвлекаться не стали.

Бездействие карателей и оккупационных властей между тем оказалось мнимым.

Представляется, что в этой ситуации лучшим вариантом для группы И. Храмкова был уход на запад. Шанс сохранить личный состав Кировского, Ново-Александровского и Преградненского отрядов в сентябре, да и в начале октября, был, для этого надо было уходить на запад, в направлении ст. Хамышки, где действовали отряды Краснодарского края, с успехом пользовавшиеся отсутствием сплошной линии фронта.

Там же действовала армейская группа Гамзина. Подполковник Гамзин, создав из разрозненных армейских групп сильный отряд, вышел в сентябре 1942 г., в верховья Лабы, совершил дерзкий налет на населенный пункт Бахмут, укрепив свою часть немногочисленными, но мобильными отрядами из Армавира, Отрадного, Удобной, Крымской. Ими же были взорваны возведенные немцами переправы через реки Лаба и Уруп.

По непроверенным данным, подполковник Гамзин предлагал штабу Западной группы уйти с ними в район Красной Поляны, ближе к линии фронта с тем, чтобы оттуда совершать рейды для уничтожения коммуникаций, живой силы и техники 4-й горнострелковой и 2-й румынской дивизий. То есть, к той тактике, к которой прибегли партизаны Северной и Восточной групп в районе Кизляра, о чем говорилось выше. Но тогда группа Храмкова автоматически входила бы в сферу действия Южного штаба партизанского движения, которым руководил первый секретарь Краснодарского крайкома П. И. Селезнев.

Очевидно, опасаясь выяснений отношений с Сусловым, И. Храмков отказался.

Шанс уйти в более выгодные для сохранения состава отрядов и дальнейшего развития партизанской борьбы был упущен.

Совершено иной взгляд на сложившуюся тогда ситуацию у ставропольских авторов: «Партизаны Западной группы часто меняли место дислокации, в зависимости от боевых обстоятельств и преследований врага. Но в октябре сводный штаб вместе с Преградненским, Ново-alexандровским и Кировским отрядами обосновались на горе Лысой, на водоразделе рек Уруп и Черемуха в 28 километрах юго-западнее станицы Преградной. Это место было избрано не случайно. Густой лес был с трех сторон окаймлен крутыми каменистыми обрывами, по которым враг практически не мог проникнуть в лагерь. Партизаны имели возможность осуществлять круговой осмотр с высоты, а в случае опасности — лесом, незаметно уйти дальше, в горы.

По ночам здесь горели костры. Партизаны чувствовали себя уверенно, а немцам Лысая гора внушала смертельный страх»³¹.

Осознание гибельности положения привело к решению, казалось бы, на первый взгляд, рациональному: рассредоточению. Ослабленные, раненые и больные партизаны отправлялись к родным и близким в близлежащих населенных пунктах.

Это привело к тому, что каратели выдавливали партизан и расстреливали. Именно поэтому мученическую смерть приняли Аня Голоколосова, Наташа Василенко, Анна Сомова, Федор Забродский, Михаил Зиберов, Николай Шаганов, Константин Евтушенко и многие другие патриоты.

После боя 14 ноября 1942 г. штаб И. Храмкова перешел через Лабу и ушел туда, куда им предлагали еще в сентябре-октябре, — в Хамышки, в Краснодарский край.

Что касается Преградненского, Кировского и Ново-Александровского отрядов, то они теперь были предоставлены сами себе.

Участь их была печальной.

Картина партизанской борьбы против немецко-фашистских оккупантов на Северном Кавказе будет неполной без учета деятельности специальных групп, направленных Южным штабом партизанского движения в автономные области и республики.

Как сообщалось выше, Южный штаб партизанского движения (ЮШПД) был создан Постановлением Государственного Комитета Обороны от 3 августа 1942 г. при Военном Совете Северо-Кавказского фронта для координации действий партизанских отрядов Северного Кавказа и Крыма¹. Возглавил этот штаб ветеран войны в Испании полковник Хаджи-Умар Джиевич Мамсуров. В связи с преобразованием Северо-Кавказского фронта в Северную группу войск Закавказского фронта, в дальнейшем ЮШПД находился в подчинении Центрального штаба партизанского движения, куда в конце августа 1942 г. был отозван Х. Мамсуров.

Однако, комплектование разведывательно-диверсионных групп проходило по инициативе и под контролем полковника, проявившего себя в Испании, — опытного диверсанта и разведчика. Доказано, что Х. Мамсуров послужил прототипом главного героя романа Э. Хемингуэя «По ком звонит колокол». Х. Мамсуровым было подготовлено и направлено в тыл врага, в Крым и на Северный Кавказ 16 групп, общей численностью в 118 человек². В том числе в Чечено-Ингушскую АССР была направлена группа капитана С. Котиева, в Северную Осетию — группа военинженера второго ранга (лейтенанта госбезопасности) С. Корнаева, в Кабардино-Балкарию — группа старшего лейтенанта А. Кожева. В Карачаевскую автономную область была направлена группа политрука М. К. Батчаева.

Все группы провели большую работу по организации населения на борьбу с оккупантами, по срыву экономических мероприятий, по снабжению населения на оккупированной территории инфомацией о положении на фронтах, передавали в ЮШПД и штаб 37 армии Северной группы войск Закавказского фронта разведанные о дислокации и передвижениях врага.

Деятельность этих групп в отечественной исторической науке мало исследована, хотя представляется, что она была равнозначна подвигу и тогда же была соответственно оценена как армейским руководством, так и партийными функционерами.

Но Постановлением Особого совещания при НКВД СССР от 15 апреля 1944 г. командир группы, направленной в Карачаевскую автономную область, Мудалиф Каракезович Батчаев и его брат Рамазан были обвинены в измене Советской Родине и осуждены³.

В виду того, что эта проблема непосредственно связана с темой настоящего исследования, мы посчитали необходимым подробно остановиться на работе этой группы и судьбе политрука Мудалифа Батчаева.

Батчаев Мудалиф Каракезович, 1909 года рождения, уроженец аула Верхняя Теберда Карачаевской автономной области, образование – высшее, член ВКП(б), был отозван из действующей армии в распоряжение Южного штаба партизанского движения в г. Сочи для выполнения специального задания. В Сочи цели и задачи перед политруком ставил лично Х. Мамсуров. Там же, в распоряжение Батчаева, там же, был передан выпускник спецшколы № 3 при ЦК ВКП(б), готовившей радистов тыловой разведки, радист – разведчик Дмитрий Федорович Забегалов, уроженец г. Шуи Ивановской области. В сентябре 1942 г. оба прибыли в г. Орджоникидзе (Владикавказ) в распоряжение штаба 37-й армии. Оттуда были направлены в Кабардино-Балкарию, в Баксанское ущелье.

Положение на этом участке было сложным: в низовьях Баксана шли упорные бои советских войск с немцами, стремившимися занять ущелье, прежде всего из-за Тырнаузского комбината. С целью отсечения частей Красной Армии в верховьях ущелья от путей эваку-

ации через перевалы Бечо и Донгуз-Орун на Эльбрус вышли подразделения немецкой 1-й горнострелковой дивизии «Эдельвейс», захватили перевалы Хотю-Тау, Чипер и Басса. С большим трудом частям 214-го кавалерийского полка совместно с 8-м отрядом НКВД удалось задержать альпийцев. Стало очевидно, что Баксанское ущелье имевшимися силами не удержать.

В Тырнаузе в распоряжение М. Батчаева были переданы сотрудники госбезопасности А. Семенов, И. Лубенцов и М. Хутов⁴. С ними Батчаев приступил к выполнению задания по подготовке уничтожения Тырнаузского вольфрамово-молибденового комбината. По воспоминаниям М. Батчаева, А. Семенова и Д. Забегалова, группа взорвала комбинат, чтобы он не достался врагу⁵. Был ли взорван целиком комбинат или одна из его очередей в данном случае не столь важно. Важно, что эту задачу за день до прихода немцев разведчики выполнили. В условиях оккупации комбинат не работал.

Из Баксанского ущелья группа через Бийчесын направилась в Карачаевскую автономную область. Переход оказался трудным, поскольку все шли пешком, пересекая глубокие ущелья с их крутыми спусками и не менее крутыми подъемами. Все вещи, оружие и боеприпасы, рацию и питание к ней несли на себе. В горах хозяйничали немцы и риск быть схваченными, да еще и с рацией, сопровождал разведчиков на каждом шагу. Кроме того, скоро закончились продукты, и группа в сущности голодала. Идти приходилось по ночам.

В Малокарачаевском районе М. Батчаев принял решение рассредоточить группу. Илья Лубенцов был направлен в село Первомайское, так как он ранее там работал, знал хорошо людей и местность. Мурат Хутов ушел в аул Красный Восток. Предполагалось, что оба найдут связных и будут передавать информацию Батчаеву в Микоян-Шахар (Карачаевск).

Илье Лубенцову поработать в Первомайском не удалось. Он был опознан неким Семиным (?), бывшим сотрудником НКВД, перешедшим на службу к немцам. Дом, где скрывался Лубенцов, был окружен, и чекист отстреливался до последнего патрона. Не желая сдаться врагам, он застрелился. По другой версии, отстреляв всю обойму, он взорвал себя и вбежавших в дом немцев гранатой⁶. О героической гибели своего товарища М. Батчаев узнал только в декабре 1942 г.

Мурат Хутов завербовал в Красном Востоке нескольких жителей, и его информацию командир группы получал в Микоян-Шахаре на рынке.

Младший лейтенант госбезопасности Ахмат Семенов был надежно спрятан в ауле Новый Карачай у родственников. Он следил за передвижением немцев по единственной тогда дороге, связывавшей районы высокогорных боев и областной центр с Черкесском и узловыми станциями Армавир, Невинномысск, Минеральные Воды.

М. Батчаев и Д. Забегалов прибыли в Микоян-Шахар. Здесь Батчаев связался с главврачом областной больницы Баскаевым Петром Михайловичем, тоже оставленным на оккупированной территории для подпольной деятельности. Кроме него Батчаев привлек к выполнению задания своего брата Рамазана Каракезовича, работавшего до оккупации заведующим облздравотделом. Оба они приняли активное участие в работе группы. П. М. Баскаев свидетельствовал: «мне лично от М. К. Батчаева стало известно, что он пришел в тыл немцев со спецзаданием от советских войск вместе с радистом по имени Митя. По просьбе Батчаева Митя был помещен в больницу под видом больного, оба они периодически встречались и уходили в лес, где была спрятана рация». Кроме того, сам главврач узнавал в Микоян-Шахаре и в Теберде места расположения складов боеприпасов немецких войск и передавал эти сведения разведчикам⁷, поскольку пользовался свободой передвижений.

Относительно свободно на оккупированной территории чувствовал себя и сам М. К. Батчаев, объявив себя дезертиром. По его сводкам подверглась авиационному налету автоколонна для вывоза угля на Маринских шахтах, а затем и скопление техники близ моста через Кубань⁸. По его же сводкам советские летчики сбросили бомбы на лагеря немцев в Теберде, Учкулане, а также уничтожена метеостанция на седловине Эльбруса.

Активизация советских летчиков навела немцев на мысль о существовании в Микоян-Шахаре и радиции разведчиков. Из Черкесска была доставлена машина с пеленгатором. Поэтому обоим разведчикам пришлось перебазироваться в Верхнюю Теберду⁹. В ауле Верхняя Теберда радиста пришлось пристроить в школу в качестве истопника, а рацию спрятать на чердаке школы. Впоследствии Х. А. Макоев, бывший тогда директором школы, сообщал: «во

второй половине ноября 1942 года Батчаев Мудалиф Каракезович во главе разведгруппы прибыл в Карачаевскую автономную область. На второй день после прибытия разведгруппы я был извещен Батчаевым Рамазаном о целях и задачах разведгруппы, возглавляемой Батчаевым Мудалифом. Мне было поручено Батчаевым Мудалифом перебросить радиста Забегалова из города Микоян-Шахара в а. Верхняя Теберда. Забегалова я перебросил в аул В. Теберда с питанием для рации. Часть питания из Микоян-Шахара была переброшена Батчаевым Рамазаном верхом на лошади. Радист находился у меня в школе, работал на чердаке с рацией и передавал тексты, написанные Батчаевым Мудалифом, и одновременно принимал последние известия и сообщения Информбюро»¹⁰.

Сводки Совинформбюро печатала на машинке сестра Батчаева – Болду, она же занималась их распространением¹¹. По существу это была единственная группа в Карачае и Черкесии, обеспечивавшая население автономных областей информацией о реальном положении на фронтах. От них жители узнали о разгроме немецких войск под Сталинградом.

После ухода немцев 11 января 1943 г. из пределов Карачаевской автономной области штабом 37-й армии Мудалиф Батчаев был назначен особо уполномоченным по восстановлению органов Советской власти в области.¹² На митинге в областном центре Микоян-Шахар (Карачаевск) была провозглашена Советская власть. 16 января в областной центр вошли подразделения Советской Армии.

В целом ситуация в Карачае была спокойной. Было известно о наличии трех банд: Хетагурова, на междуречье Теберды и Аксаута, Дудова, в Учкуланском районе, и еще одной – на границе с Кабардино-Балкарией. Банды пока себя никак не проявляли, хотя немцы, уходя, снабдили их большим количеством оружия и боеприпасов. Первая банда из жителей села Коста Хетагурова коротала дни и ночи на далеких от населенных пунктов кошарах, а третья – из русских, кабардинцев, карачаевцев, балкарцев и др. – в пещерах и заброшенных фермах в верховьях Малки в условиях зимы, (обе банды ликвидированы без потерь для частей НКВД в 1943 г.). Группа Дудова находилась непосредственно в древних карачаевских аулах. Поэтому она была потенциально опасна.

Поскольку в исторической литературе именно эта банда и ее главарь явились объектом пристального внимания и, соответственно,

всевозможных инсинуаций, о чем говорилось выше, в 1-й главе, есть резон подробнее остановиться на ее действиях и личности самого Дудова.

Хаджи-Ислам Дудов не имел никаких оснований испытывать симпатии к Советской власти. Родители его были репрессированы только из-за принадлежности к княжескому роду. Несмотря на то, что семья не имела никаких особых богатств, какие обычно водились у традиционных в нашем понимании князей, она была раскулачена. У Дудовых отняли все. В одночасье люди лишились всего, что имели. А имели они не более того, что имели обычные крестьяне — середняки. Хаджи-Ислам Дудов и его брат Хаджи-Исмаил к тому же лишились родителей. Страх за свою жизнь вынудил братьев податься в леса. Будучи людьми фактически безграмотными (Советская власть не дала им возможности учиться, превратив их в изгоев), оба они плохо ориентировались в политической ситуации и будущее не представляло никаких перспектив. Легализация для них была равносильна смерти. Именно поэтому они, по данным НКВД, значились людьми, ведущими нелегальный образ жизни, именно поэтому их преследовали, хотя за ними не было ни убийств, ни разбоя. В феврале 1942 г. Хаджи-Исмаил Дудов был убит чекистами. Исламу и его товарищу Япону Магояеву удалось бежать. Разумеется, что приход немцев ими был расценен как освобождение от угрожавшего им режима. Дудов был назначен оккупационными властями старшиной Учкуланского района. К слову сказать, Дудов не стал заниматься сведением личных счетов со своими обидчиками.

К расстрелу секретаря Учкуланского райкома партии Дмитрия Попова, работников органов НКВД района Матвея Захарова, Ахмата Кубанова, Ивана Емельянова, спустившихся в Учкулан после распада партизанского отряда, непосредственного отношения не имел, а если и имел, то скорее всего, косвенное. Во всяком случае, четверо партизан и Касым Алиев были расстреляны немцами. Вопреки данным в отечественной литературе, посвященным августовским — сентябрьским событиям 1942 г. в Учкулане, не были «участниками расстрела начальник Учкуланской полиции Амыр Тебуев., Магомед Борлаков и Хусейн Коркмазов».¹³ Участие этих людей в расстрелах никакими документами не подтверждается.

Как отмечалось выше, Хаджи-Ислам Дудов, будучи человеком религиозным и малограмотным, кроме ненависти к советской власти, политических ориентиров не имел. Он не понимал, да и не мог

понять того, что за годы советской власти изменилась психология людей, что для основной массы населения немцы были не освободителями, а оккупантами, и что сам он, вчерашний изгой, вызывал у окружающих чувство страха и неприятия. Поэтому единственным человеком, к которому он приходил со своими проблемами, была Байдымат Узденова (Хубиева), более известная в народе как Бушай.

Необходимо отметить, что у Бушай Узденовой не было, так же как у Ислама Дудова, никакого политического кругозора. Ко времени оккупации ей было около восьмидесяти лет, а по некоторым данным, — более того. По свидетельствам очевидцев, она никогда не считала немцев постоянной и долговременной силой, более того, она предостерегала население от каких бы то ни было контактов с оккупантами, не говоря уже о реальной помощи им. Это потом уже сотрудники НКВД сделают ее руководителем «штаба политического и религиозного», как отмечалось выше. Тогда чем объяснить ее популярность в народе, пристальное внимание к ней чекистов, закончившееся ее арестом, пытками и смертью в тюрьме Микоян-Шахара?

Дело в том, что Бушай Узденова обладала качеством, которое сейчас именуется экстрасенсорностью. С какого времени у нее стал проявляться дар предвидения и экстрасенсорного лечения людей, она не могла сказать и сама. Однако, она лечила людей от различных недугов, имела дар предвидения — все это, разумеется, облекалось в религиозную оболочку, что снискало ей в Карачае огромный авторитет.

На подворье Узденовых в период оккупации и после ухода немцев, которые, кстати, не проявляли к этой старой женщине никакого интереса, постоянно находились люди: десятка полтора вооруженных человек, сподвижников того же Дудова, проводивших время в зикрах (религиозных песнопениях) и молитвах. Известно, что Бушай Узденова умоляла их разойтись, предупреждая о бессмысленности этих мероприятий. «Не этих надо опасаться, — утверждала она, имея в виду немцев, — а тех, кто придет за ними. Уходите все, видит Аллах, накликаете большую беду на себя и на народ». При этом она несколько раз упоминала о распаде Советского государства, правда оговаривала, что вряд ли кто из собравшихся до этого доживет. Впоследствии, в 80-е годы XX века, все это было представлено следующим образом:

«...идейным вдохновителем (бандитизма – *авт.*) была глава мюридской секты Бушай Узденова, которая пророчествовала неминуемую гибель Советской власти, возвращение немцев, призывала к вооруженной «священной» войне против русских, против неверных, против Советской власти».¹⁴ Уместно отметить, что со времени опубликования этой нелепицы Советский Союз не просуществовал и десяти лет, а человек, инициировавший фальсификацию исторических фактов, имел к распаду государства самое непосредственное отношение.

К изложенному остается добавить, что Бушай Узденова, будучи женщиной исключительно набожной, никогда не призывала к войне: ни к «священной», ни к какой другой.

В личной беседе Мудалиф Батчаев говорил мне о том, что в конце января – начале февраля 1943 г. встречался с Бушай Узденовой дважды, причем, приходил к ней совершенно открыто. Старуха сама просила, чтобы Батчаев посодержал ей избавиться от непрошенных гостей.

Наличие вооруженных людей в верховьях Кубани не могло не вызывать беспокойства у краевого руководства. По его инициативе туда направлялся наспех сформированный из работников НКВД и курсантов Орджоникидзевского военно-пехотного училища, отряд численностью около 120 человек¹⁵. Поскольку Батчаев был против этого мероприятия, всерьез и не без основания считая, что ему удастся разложить эту группу и без вооруженного вторжения, его вызвали в крайком. В Ставрополе он узнал, что отряд особого назначения ушел вверх по Кубани и, бросив все дела, вернулся в Микоян-Шахар. Но было уже поздно.

Как показывают очевидцы этого рейда, отряд был плохо организован.¹⁶ Разведки не высылались, просьбы и советы местных жителей в расчет не брались. 11 февраля 1943 г. отряд расположился на отдых в пойме р. Кубани прямо на виду у бандитов, сложив ружья, без устройства огневых точек и т. д. с двух сторон он был обстрелян перекрестным огнем. Началась паника.

Бойцы, бросив все, разбежались по пойме реки, густо поросшей кустарником. На месте привала осталось по разным данным несколько десятков трупов. В 1977 г. в г. Черкесске состоялась научно-теоретическая конференция «Карачаево-Черкесия в годы Великой Отечественной войны» в развитие решений IV пленума обкома КПСС (1974 г.), обозначившего «неблагонадежность» карачаевского

народа. На конференции приводится число погибших в этом бою — 115 человек¹⁷. Это утверждение абсурдно.

Во-первых, посписочного состава жертв не было ни в 1977 г., нет его и поныне. Во-вторых, сам отряд состоял из 120 человек, но нет никаких фактов, свидетельствующих о полном разгроме отряда. В-третьих, нигде в Карачае нет могил, где были бы захоронены эти жертвы. Очевидно, партийные функционеры и их подпевалы никогда не гнушались приписками жертв, увеличивая их число на сотни и нисколько не заботясь о том, что за каждой жертвой должны быть фамилия, имя, отчество, адрес, и родные, пославшие своего сына или брата на войну. Думаю, комментарии к нравственной стороне этого вопроса излишни.

Н.А. Баринов, участник этого боя, назвал количество убитых весьма приблизительно — 30 или 38 человек. Жительница аула Карт-Джурт Патия Аджиева, спасшая от смерти семерых из офицерского состава, а курсанта Петра Зинченко спрятавшая у себя дома и лечившая его раны (в свое время мы сообщали об этом в периодической печати)¹⁸, называла цифру 18 человек.

Мудалиф Батчаев, как указывалось выше, к месту боя прибыл поздно, когда все уже было кончено. Ночью он случайно нашел в кустах спрятавшегося начальника УНКВД по Черкесской АО Петра Глаголева и вывел его в Микоян-Шахар¹⁹.

Скорее всего, убитых было 18 человек, т. е. столько, сколько насчитала Патия Аджиева. Эта цифра не противоречит и списку погибших на стелле над братской могилой в г. Карачаевске, поскольку документально известно, сколько там захоронено жертв эсэсовского террора и армейцев из группы Гургена Григорянца, плененных «эдельвейсами» в «Приюте одиннадцати» на Эльбрусе 24–28 августа 1942 г.

После разгрома отряда особого назначения, по многочисленным свидетельствам очевидцев, банда стала распадаться. «За короткое время, — сообщает источник, — рядовые участники бросали винтовки и покидали банду, работали в качестве чабанов, табунщиков. Они поняли, что инициатива находится в руках Советских войск»²⁰.

К исходу февраля банда фактически разложилась. Во многом благодаря усилиям Батчаева.

Но краевое руководство имело свою точку зрения на положение в Карачае. Было принято решение о проведении войсковой операции. Батчаев настаивал на том, чтобы не посылать войска в Кара-

чай. Огласку этот факт получил на XI пленуме крайкома ВКП(б) в начале сентября 1943 г., но об этом позже, а пока же отметим, что отношения Сулова и Батчаева изначально не были идиллическими в силу того, что последний о партизанах и партизанском движении знал неизмеримо больше, чем следовало, и представлял серьезную угрозу для партизанского авторитета секретаря крайкома. Батчаева не послушали и на этот раз.

В Мокоян-Шахар, накануне отправки войск, прибыли заместитель Генерального комиссара госбезопасности Иван Серов, комиссар госбезопасности 3-го ранга, нарком внутренних дел Грузии Шалва Церетели, комиссар госбезопасности Иван Ткаченко, командир дивизии генерал-майор Василий Киселев.

Совещание проводил исполняющий обязанности секретаря оргбюро Карачаевского обкома партии известный нам уже Иван Храмов.²¹ Дивизия Киселева по трем направлениям должна была выйти в Учкулан и разгромить «полчища» бандитов.

В первой половине марта 1943 г. дивизия по трем направлениям вышла в Учкулан.

При виде полков, спускавшихся по горным склонам, жители попрятались по домам. Никто солдатам сопротивления не оказывал. В Нижний Учкулан и Карт-Джурт полки вошли без единого выстрела²². Лишь в Верхнем Учкулане прозвучала вялая перестрелка, но и здесь обошлось без каких бы то ни было жертв. Несмотря на это, солдатами было расстреляно 6 совершенно неповинных, человек в том числе и стариков: Джанибеков Сума, Бостанов Батд.л, Урусов Таубий, Урусова (86 лет), Урусов Паго, Урусов Дыдыш. Последний был инвалидом. Лишь вмешательство местных советских работников предотвратило дальнейшее истребление людей. Характерно, что эти безвинные жертвы ни в какие списки не были внесены, хотя, казалось бы логично было внести их в список бандитов. Что ж, среди чекистов были и порядочные люди.

На подходе к Хурзуку были убиты офицер и солдат. В ходе перестрелки четыре человека, подозреваемых в бандитизме, были убиты. Имена их восстановить сложно, так как они были из других аулов и в Хурзуке их никто не знал. Семь человек без оружия сдались в плен. Дом Узденовой Бушай был обложен. В соответствии с предъявленным ультиматумом несчастная старуха и ее муж вышли из дома с поднятыми руками. Они тут же были связаны и увезены в областной центр. Дом их подожгли, и чтобы пламя не перекинулось

на соседний дом, натянули между ними кошму и поливали его водой.

Для уничтожения Ислама Дудова был завербован Хусей Коркмазов, бывший в хороших отношениях с Дудовым. В скором времени Коркмазов убил Ислама Дудова и Япона Магояева, и принес их головы чекистам, за что был награжден именованным оружием и часами. В годы депортации и затем в Средней Азии Коркмазов пользовался и свободой передвижения и широкими правами в отличие от остальных своих земляков.

Что касается Бушай Узденовой, то, по рассказам очевидцев, ее жестоко пытали в тюрьме. Поскольку от побоев ходить она не могла, ее приносили и уносили на руках. От пыток в тюрьме она и умерла. Похоронили ее тайком от людей на кладбище в областном центре, и, чтобы никто не нашел, могилу сравнивали с землей. (В 90-е годы Байдымат Узденова реабилитирована).

Чекистско-войсковая операция закончилась. В сущности, это был залп из пушек по воробьям. Но характерная черта – все участники этой «операции» по совокупности с дальнейшими «заслугами» перед Отечеством в период депортации были отмечены высокими правительственными наградами: генерал-майор Василий Иванович Киселев – орденом Кутузова 2-й степени, комиссар госбезопасности Шалва Отарович Церетели – орденом Суворова 2-й степени и т. д., ну, а комиссар госбезопасности Иван Александрович Серов, как известно, – орденом Суворова 1-й степени. Наравне с Берия. При Н. С. Хрущеве все они были лишены наград, а многие осуждены.

Рейд дивизии Киселева против нескольких, пусть даже десятков человек, вызвал у населения в основном женщин, детей и стариков недоумение и страх. Это и было изложено Мудалифом Батчаевым на сентябрьском пленуме крайкома ВКП(б) в 1943 г. До этого пленума постановлением бюро Карачаевского обкома ВКП(б) от 17 марта 1943 г. Батчаев был утвержден первым секретарем Учкуланского райкома партии. Секретарь крайкома М. Суслов 24 июня 1943 г. данное решение утвердил²³. Но Батчаеву не пришлось долго поработать в этой должности.

На сентябрьском пленуме крайкома партии М. Суслов остро критиковал работу Учкуланского райкома. Выступивший М. Батчаев отметил, что базы для эффективной работы там не было: «...Был организован партизанский отряд из коммунистов Учкуланского рай-

она. Отряд был вооружен, природные условия для партизанской борьбы богатые... Однако, этот отряд не сделал ни одного выстрела по врагу, сдался, свое оружие передал врагу. Люди, находившиеся в нем, оказались предателями, а не партизанами.

В состав отряда входили три секретаря райкома, председатель райсовета и другие руководящие ответственные работники. И после того, как верхушка сдалась, конечно, и вся остальная масса коммунистов пошла за ними, и вся парторганизация района перешла на легальное положение. 15 человек оказались открытыми предателями»²⁴.

Разумеется, таких вещей партизанскому вожаку говорить было нельзя. Но на этом не кончилось. «Я присутствовал на этом пленуме, — вспоминал С. Б. Токаев, работавший тогда первым секретарем Карачаевского обкома ВКП(б), — и хорошо помню содержание выступления тов. Батчаева. Когда первый секретарь крайкома ВКП(б) Михаил Андреевич Суслов сказал в своем докладе, что Учкуланский райком партии и его первый секретарь слабо ведут борьбу с дезертирством, М. К. Батчаев взял слово и сказал примерно следующее: «В период борьбы за восстановление Советской власти в Учкуланском районе я был против посылки войск в Учкулан. В феврале 1943 года, Михаил Андреевич, я сказал Вам, что мы сами уладим все, восстановим власть мирным путем, а Вы оторвали от фронта и послали против кучки бандитов целую дивизию. Многие мирные жители, испугавшись солдат, стали скрываться». М. К. Батчаев в своем выступлении открыто обвинил М.А. Сулова в том, что из-за его неправильных действий в районе появились скрывающиеся люди»²⁵.

Секретарь крайкома не мог допустить ни покушения на свою партизанскую славу, ни обвинения в свой адрес, поэтому реакция его была исключительно эмоциональной: «...Товарищ Батчаев в своем выступлении нарисовал неправильную картину, дал неправильную оценку Учкуланской районной парторганизации....

Совершенно неправильно, что все коммунисты Учкуланского района плохие коммунисты. Вздор! И еще раз вздор!

Неправильно, что партизаны, колхозники, трудящиеся Учкуланского района — все превратились в бандитов, и чепуха, и подлая клевета... Мы товарища Батчаева знаем по работе, он неплохой работник, но он должен сделать вывод для себя, должен понять, проанализировать свою ошибку...»²⁶. М. Сулов потребовал от

М. Батчаева извиниться на пленуме за свое выступление. Извиняться Батчаев не стал.

3 сентября 1943 г., сразу после этого пленума, состоялось заседание бюро крайкома ВКП(б). Выписка из протокола заседания — с грифом «строго секретно». В графе «постановили» читаем:

1. Признать объяснение Батчаева о пребывании и деятельности его в течение ноября 1942 — января 1943 г. на территории, оккупированной немцами, неудовлетворительным и неискренним.

2. За невыполнение заданий командования Красной Армии и проявление бездеятельности, а также обман краевого комитета партии — Батчаева с работы первого секретаря Учкуланского райкома ВКП(б) снять.

Секретарь Ставропольского крайкома ВКП(б) М. Суслов». ²⁷

Как видно из приведенного документа, М. К. Батчаев изгонялся с работы не за выступление на пленуме, а за работу на оккупированной территории, за «бездеятельность», «обман краевого комитета партии», что в принципе абсурдно. Члены бюро тем не менее прекрасно понимали, что отпусти Батчаева на волю, он тут же восстановит полную ясность в этих вопросах, так как и в Южном Штабе Партизанского Движения, и в части, из которой он был отозван, о Батчаеве были противоположного мнения. Поэтому сразу после обсуждения вопроса о Батчаеве он был арестован и изолирован.

Характерно, что следствие по делу Батчаева началось не сразу после ареста, как считают многие, а до того! Так, свидетель по делу Батчаева Урусова допрашивали 28 июля 1943 г., Боташев — 1 августа. Остальных же на второй-третий день после ареста Батчаева: 5 сентября — одного, 7 сентября — второго и т. д. Таким образом, если верить судебным материалам, предварительное следствие по делу Мудалифа Батчаева началось до его выступления на пленуме крайкома в сентябре 1943 г. ²⁸ Поэтому логично считать, что М. К. Батчаев представлял потенциальную угрозу как карьере, так и жизни М. А. Сулова. В силу этого он был арестован и постановлением Особого Сопещения при НКВД СССР осужден вместе с братом Рамазаном на 8 лет за измену Советской Родине (!?).

Что же происходило на самом деле? Насколько соответствовала картина, нарисованная М. Батчаевым реалиям?

Действительно, первый секретарь Учкуланского райкома партии Хубиев в конце августа 1942 г. сдался немцам. Он ушел с немца-

ми, в дальнейшем был репатрирован и расстрелян. Районный прокурор С. Эбзеев немцам не сдавался, в ходе следствия в 1943 г. оправдан, восстановлен в партии и на работе. Второй секретарь райкома партии Дмитрий Попов, а также работники органов Матвей Захаров, Иван Емельянов, Ахмат Кубанов фактически сдались немцам, и ими же были расстреляны. Следствие по делу тех, кого назвал Батчаев к этому времени было в производстве, и естественно, о результатах его Мудалиф Каракезович не знал, да и знать не мог. Большинство из подследственных было оправдано, когда Батчаев был арестован. Представляется, что по состоянию на тот момент, в пределах информированности, он говорил правду. Но главное не в этом. Главная «вина» Мудалифа Батчаева была в прямом покушении на партизанскую славу и на партизанский авторитет М. Сулова. Батчаев фактически подтвердил отсутствие партизанского движения на юге Ставропольского края. За что был схвачен и осужден.

19 августа 1958 г. Президиум Карачаево-Черкесского областного суда рассмотрел протест Прокурора Карачаево-Черкесской автономной области Азарова по отмене Постановления Особого Совещания при НКВД СССР от 15 апреля 1944 г. и прекращении дела в отношении Батчаева Мудалифа Каракезовича и Батчаева Рамазана Каракезовича. В постановлении президиума областного суда ясно и недвусмысленно говорится: «Постановление Особого Совещания при НКВД СССР от 15 апреля 1944 г. в отношении Батчаева Мудалифа Каракезовича и Батчаева Рамазана Каракезовича отменить, а дело производством прекратить за отсутствием в их действиях состава преступления»²⁹. На этом, пожалуй, можно было поставить точку в этой истории. Но у читателя возникнет вопрос: а как же партийная карьера человека, добросовестно служившего делу коммунистической партии?

Разумеется, после отбытия наказания (Батчаев Рамазан умер в заключении), в условиях спецпоселенцев, речи о восстановлении в партии быть не могло. В 60-70-е гг. Мудалиф Каракезович неоднократно обращался в обком КПСС с просьбой восстановить его в партии. С аналогичной просьбой к партийным функционерам обращались и его друзья. Дмитрий Забегалов в письме на имя первого

секретаря Карачаево-Черкесского обкома КПСС В. Мураховского, в частности, писал: «...до недавнего времени я думал, что мой бывший командир Батчаев М. К. погиб (так мне передали в Южном Штабе партизанского движения). Лишь в 1975 году мне стало известно, что он жив, и в октябре 1976 года я с семьей приехал к нему в гости. Здесь я узнал, что он в сентябре 1943 года был необоснованно репрессирован. Впоследствии он полностью реабилитирован, но, к сожалению, в партии не восстановлен до сих пор.

Я, как коммунист и человек, проработавший под руководством Батчаева М. К. в течение полугода в тяжелейших условиях подполья, считаю своим долгом сказать, что тов. Батчаев был подлинным патриотом своей Родины, в те тяжелые дни проявил себя смелым и умелым руководителем, образцово выполнял боевые задания, за что был награжден медалью «Партизану Великой Отечественной войны» I степени. Уверен, что он всегда был предан делу нашей партии и вполне достоин быть в рядах КПСС. Обращаюсь к Вам с убедительной просьбой восстановить Батчаева М. К. членом КПСС»³⁰.

Однако, у руководства крайкома и обкома КПСС, работавших под бдительным надзором секретаря ЦК КПСС М. Сулова? были другие взгляды на «подлинного патриота своей Родины, преданного делу нашей партии». Перед нами образчик цинизма и лицемерия, характерного для эпохи «сусловщины»:

СЕКРЕТНО

СПРАВКА ПО ДЕЛУ БАТЧАЕВА МУДАЛИФА КАРАКЕЗОВИЧА

По поручению партийной комиссии Ставропольского крайкома КПСС и Карачаево-Черкесского обкома КПСС 26 января 1977 года мною в присутствии заведующего отделом агитации и пропаганды Карачаевского горкома КПСС Темирова С. С. проведена беседа с Батчаевым М. К. по его заявлению о восстановлении в рядах КПСС.

В ходе беседы т. Батчаеву М. К. разъяснено, что оснований для восстановления его членом КПСС не имеется, так как в рядах партии

он состоял с 1941 по 1943 год, а вне партии находился более 30 лет. Кроме того, после пересмотра его уголовного дела с 1958 года он также своевременно не обращался в партийные органы по вопросу восстановления или вступления в ряды КПСС.

Личные документы т. Батчаева М. К. подлежат возврату.

Председатель парткомиссии при Карачаево-Черкесском обкоме КПСС Г. Фатин.

26 января 1977 г.³¹

Рассмотрение нравственной стороны этого дела Батчаева выходит за рамки настоящего исследования. Читатель сам разберется в том, по чьей вине опальный коммунист находился вне партии более 30 лет и т. д. Ясно одно, что в обкоме, крайкоме, да и в ЦК КПСС посчитали, что бывший политрук партии больше не нужен.

В 1978 году Батчаев Мудалиф Каракезович умер.

О судьбах партизанских отрядов Юга России в настоящей работе упоминалось. Но, тем не менее, представляется необходимым дать краткую характеристику организации и деятельности отрядов, действовавших в горно-лесистой области региона. Диктуется это необходимостью восстановления исторической справедливости по отношению к партизанам. В этой связи необходимо помнить, что даже само зачисление в отряд того или иного лица стоило им жизни. Необходимо помнить и о том, что здесь не было и не могло быть, в силу ранее изложенных обстоятельств, партизанской вольницы и, в условиях оккупационного режима, само по себе вступление в ряды народных мстителей было поступком, за который немедленно карали смертью. Подавляющее большинство этих людей осознавало нависшую над народами опасность и было одержимо стремлением к беспощадной борьбе с оккупантами.

Кроме того, характеристика отрядов избавит как историческую науку, так и исследователей от необходимости использовать заведомо ложные данные, вызывающие у специалистов недоумение и усмешку.

В самом деле, как расценивать данные руководства Ставропольского края о том, что «почти месяц с регулярными частями Красной Армии партизаны Карачая и Черкесии обороняли Марухский перевал, который был превращен в неприступную ледяную крепость»¹, тогда как на Марухском участке бои начались 5 сентября 1942 года, а после 7 сентября не было ни одного партизанского отряда. Потери немцев в боях с партизанами исчисляются тысячами (к примеру, говоря о потерях врага на Клухорском и Марухском направлениях, сообщают о 1000 убитых), тогда как по дневниковым данным самих немцев в боях за Марухский перевал их было убито всего 14 человек при 150 мертвых и 450 плененных красноармейцах.² Как партизаны

подсчитывали потери врага, если после отхода с мест боев они туда не возвращались ни в 42-м, ни в 43 годах? Какие отряды вели бои с немецкими подразделениями, а какие нет? Попытаемся разобраться беспристрастно и восстановить по возможности реальное положение дел.

1. УЧКУЛАНСКИЙ партизанский отряд. Создан в первой декаде августа 1942 г. Командир – Х. Хубиев, комиссар – Х. Касаев. По списочному составу – 28 человек³. В боях не участвовал. К исходу августа легализовался. Не пожелавшие выйти к немцам Х. Кагиев, Х. Касаев в стычке с немцами убиты, И. Бердиев получил ранения, казнен. Х. Хубиев, ушедший с немцами, впоследствии репатриирован, осужден трибуналом и расстрелян.

2. КАРАЧАЕВСКИЙ областной партизанский отряд «За Родину!» Создан 8 августа 1942 г., первый сбор – 12 августа. Командир – М. Исаков, комиссар – З. Эркенов. Оказывал содействие отступавшим частям 242-й стрелковой дивизии. Отрядом взорван мост через р. Кубань в районе сел Коста Хетагурова и Новый Карачай. В тот же день отряд вступил в стычку с 1-м батальоном 98-го полка 1-й горнострелковой дивизии «Эдельвейс»⁴. В результате перестрелки разбита штабная машина партизан, убиты четыре лошади, людских потерь в отряде не было.

На следующий день десять бойцов из отряда обстреляли колонну «эдельвейсов» в долине Теберды, после чего возникла необходимость отхода в направлении Аксаутского ущелья, к селу Хасаут – Греческий. Отряд шел по ночам, что очень замедлило их передвижение. Разведка в составе Булавина, Колотилина, Баринаова, Счетчикова, Алтуфьева и др. – всего десять человек⁵, установила, что село занято немцами.

Близ переправы через Аксаут между Хасаут-Греческим и Красным Карачаем немцам удалось захватить обоз отряда. При этом погиб, взорвав себя и подошедших немцев гранатой, шестнадцатилетний боец Дима Юрченко. Поскольку разведка докладывала о том, что и в районе Красного Карачая находятся немцы, отряд стал уходить безлюдными ущельями в сторону Микоян-Шахара. Это было обусловлено тем, что отряд был лишен связи с группой И. Храмкова, а случайно встретившиеся партизанам бойцы из Преградненского отряда сообщили, что в Архызском ущелье отряды разбиты 16-17 августа и что штаб партизанских отрядов разгромлен.

К началу сентября партизаны вышли на плато Бийчесын. Здесь отряд разделился⁶. Каковы были истинные причины разделения отряда и по какому принципу произошло это разделение остается неясным. Факт, что большая часть бойцов ушла в Баксанское ущелье и соединилась с частями Красной Армии⁷. Другая же часть в составе командира М. Исакова, комиссара З. Эркенова и других оказалась в районе Большого перевала на Скалистом хребте выше аула Новый Карачай. 5 сентября 1942 г. группа из шести человек здесь была окружена немцами и полициями. Попытавшийся прорваться партизан Исмаил Акбаев был убит на перевальной седловине. Командир отряда Михаил Исаков и комиссар Зекерья Эркенов были отправлены в Новый Карачай и там, на берегу Кубани, были расстреляны. Расстрелом руководили немецкий офицер-комендант и Дадык Лайпанов. Последний свел таким образом личные счеты с Михаилом Исаковым, репрессировавшим ранее его брата. Репрессированный ко времени расстрела Исакова находился в трудармии, а второй брат Лайпанова служил в Красной Армии и воевал на фронтах против немцев в звании старшего лейтенанта. Уточним также и то, что, вопреки различным сообщениям, Дадык Лайпанов с немцами не уходил, в 1944 г. на территорию бывшей Карачаевской автономной области не забрасывался. Перед приходом советских войск он отправился в леса, где и умер, скорее всего, от голода. Его останки и дневник были обнаружены в 1946 г.

3. МИКОЯН-ШАХАРСКИЙ партизанский отряд «Мститель». Образован 11 августа 1942 г. Командир отряда — военком В. Подосиновский, комиссар — А. Азизов, начальник штаба — В. Такмаков. Численность отряда — 98 человек. Первоначально задачи перед отрядом были поставлены И. Храмковым и М. Романчуком. Отряду предписывалось заминировать и взорвать угольные шахты и переправы через Кубань и Теберду, «поджечь промышленные объекты и завалить взорванными скалами проходы к городу со стороны станиц Усть-Джегутинской и Зеленчукской»⁸. Отход отряда по времени совпал с отступлением частей 242-й стрелковой дивизии из 9-й армии. Поэтому мосты в ауле Каменномост и курорте Теберде в заминированном виде сданы были армейцам. В ночь на 13 августа 1942 г. отряд стал уходить совместно с отступавшими армейскими частями в сторону Теберды. В Верхней Теберде отрядом было мобилизовано население на обеспечение армейских частей продовольствием⁹.

Ввиду того, что партизанские базы были заложены в Гоначхирском ущелье и в Домбае, командование остатками армейских частей предложило «Мстителю» попытаться задержать продвижение «эдельвейсов» к Клухорскому перевалу с тем, чтобы солдаты ушли через перевал в Закавказье. Отряд предложение принял. Вместе с армейцами через перевал ушла и большая, невооруженная часть партизан.

Майор В. Подосиновский тоже покинул отряд.

В три часа утра 15 августа в курорт Теберду была направлена конная разведка (группа Резниченко). Но она не вернулась. В тот же день после полудня показались немцы.

К Клухорскому перевалу направлялся батальон 98-го полка 1-й горнострелковой дивизии «Эдельвейс» под командованием альпиниста капитана Харальда фон Хиршфельда¹⁰. Это был тот самый полк, который накануне обстреляли партизаны отряда «За Родину!». Было три часа пополудни, когда завязался бой. Альпинисты заняли позиции на скалах, нависавших над дорогой у впадения реки Гоначхир в Теберду. Партизаны же укрывались за валунами и кустарником, густо покрывавшим Гоначхирскую поляну, и вели оттуда огонь. В результате пятичасового боя погибли трое партизан: Симоненко, Поповский и Сухоробрый. Пятеро получили ранения. Немцы потеряли в этом бою семь человек¹¹, но не пятьдесят, как сообщается в литературе. Ночью бой прекратился. Для партизан возникла опасность перехода альпийцев через реку Гоначхир и внезапной атаки, поэтому «Мститель» отошел в Домбай.

Необходимо отметить, что ко времени этого боя отступавшие солдаты указанной выше 242-й стрелковой дивизии уже перешли совместно с большей частью партизан через Клухорский перевал в Грузию, а 16 августа на перевальную седловину выдвинулись подразделения советских солдат из 815-го стрелкового полка 394-й дивизии. Но к этому времени горные стрелки заняли Северную палатку (впоследствии база Северный Приют). Немцы и не собирались преследовать немногочисленный и плохо вооруженный отряд, встретившийся им на пути. Ввязавшись с ним в бой, они оставили на Гоначхирской развилке не более роты, а высокогорный батальон ушел к Клухорскому перевалу. Таким образом, утверждения о том, что партизаны здесь задержали продвижение врага и дали возможность советским армейским частям укрепиться на перевалах, не соответствуют действительности.

В Домбае «Мститель» провел два дня. Немцы активности здесь на проявляли, и в сущности Домбай их почти не интересовал. Им было известно, что перевалы здесь сложные, поэтому все внимание они уделили Клухорскому направлению. Для партизан же Домбайская поляна могла оказаться ловушкой, поэтому отряд через перевал Алибек вышел в верховья Аксаута в расчете на дальнейшее продвижение к Марухскому перевалу. На исходе августа «Мститель» соединился, в районе Марухского перевала с 810-м стрелковым полком 394-й стрелковой дивизии. После открытого партийного собрания двенадцать партизан остались в полку в качестве проводников, а остальные были отправлены в Грузию.

Перед 810-м стрелковым полком ставилась цель пересечь Северо-Марухский ледник, Аксаутское ущелье, ударить в тыл «эдельвейсов» и уничтожить их в Гоначхирском ущелье. На это давалось три дня. Подробный анализ действий армейских частей не входит в задачу настоящей работы, но совершенно очевидно, что план этот был абсурдным. 810-й стрелковый полк шел фактически на гибель.

Двенадцать партизан-проводников об этом не знали, они мужественно сражались с немецкими альпинистами и горными стрелками. Вот их имена: Виктор Панаев, Аркадий Дятлов, Харун и Сеид Глоовы, Геннадий Томилов, Магомет Чагаров, Эльза Андрусова, Ольга Короткевич, Петр и Валентина Доценко, Владимир Жаров, Хамид Лайпанов. В яростных ожесточенных боях погибли Виктор Панаев, Аркадий Дятлов и Владимир Жаров.

810-й полк был разгромлен, остаткам его удалось уйти вместе с оставшимися партизанами за перевал. 12 сентября 1942 г. партизанский отряд «Мститель» был расформирован.¹²

4. ИЗОБИЛЬНЕНСКИЙ партизанский отряд, Либкнехтовский (Кочубеевский) партизанский отряд. Сведений о времени и месте организаций этих отрядов у нас нет. Однако известно, что эти два ставропольских отряда отходили вместе с частями 242-й стрелковой дивизии в направлении Микоян – Шахара (Карачаевска). Еще до подхода Изобильненского отряда к горам комиссар отряда сбежал к немцам и выдал месторасположение его. Отряд был разбит. В перестрелке погиб командир отряда М. И. Чвикалов. В дальнейшем в боях участвовали отдельные бойцы, по тем или иным причинам оставшие от отрядов различных партизанских групп. Так, в бою на Гоначхирской поляне 15 августа, проведенном Микоян-Шахарским

отрядом «Мститель», погибли три бойца из Либкнехтовского отряда и один из Изобильненского. Их имена не установлены, поскольку отсутствуют списочный состав и сведения по учету потерь. С 14 по 15 августа Изобильненский и Либкнехтовский отряды почти в полном составе, совместно с армейцами, через Клухорский перевал ушли в Закавказье.

5. ЗЕЛЕНЧУКСКИЙ партизанский отряд. Сформирован 5 августа 1942 г. в составе 30 человек. После первой стычки с немцами 16 августа севернее села Маруха, спровоцированной предательством, разгромлен. Отряд предал начальник 2-й части райвоенкомата Буряк (вывезен немцами в Пятигорск и там расстрелян). Всего гестаповцами схвачено и расстреляно 11 человек, в том числе работник областного суда З. Эркенова, отличившаяся в бою 16 августа, партизаны Б. и А. Темировы. Отряд в других боях фактически не участвовал¹³.

6. КАРДОНИКСКИЙ партизанский отряд «За свободу Кавказства». Не собирался ни разу, в боях не участвовал.

7. УСТЬ-ДЖЕГУТИНСКИЙ партизанский отряд «За свободу Кавказа». Отряд в боях не участвовал¹⁴. Имел задание взорвать участок дороги южнее Усть-Джегуты. Ввиду того, что по ней отступали части Красной Армии, дорогу не взорвали. Всего в отряде — 65 человек. Из них: отпущено из отряда — 7, сбежало из отряда — 33, погибло — 9, ушло за перевалы — 6 человек. Свяzano это было с отсутствием каких бы то ни было установок по проведению боевой работы. Комиссар отряда М. М. Чмыхов сообщал впоследствии о том, что из отряда остались мелкие группы по 5—10 человек, которые в основном укрывались с целью сохранения жизни и в расчете на соединение с армейскими частями. Сам комиссар сделал все что мог для спасения людей, воевал и был награжден орденом Красного Знамени.

8. ХАБЕЗСКИЙ партизанский отряд «Красный Кавказец». По списочному составу 27 человек. Командир отряда — секретарь Черкесского обкома ВКП(б) Ф. П. Соловьев, комиссар — В. Я. Шидакаев. Отряд просуществовал на Скалистом хребте до конца августа 1942 г. В перестрелке с немцами 28 августа погибли П. К. Коваленко, А. Ф. Булавина и Н. П. Белянин. После этого отряд рассредоточен. Группа И. С. Маточкина в составе: И. С. Маточкин, А. Ф. Николаев, Б. Л. Романов, П. И. Зайцев, С. И. Прошунин, Г. А. Амелькин, З. П. Кузьмин,

П. П. Большаков, С. А. Гельфонд и И. С. Хинчук была направлена в район Черкесска для подпольной работы. Романов был схвачен гестаповцами 16 сентября и выдал почти всю группу. Все подпольщики были схвачены и казнены¹⁵.

Семь партизан, в том числе З. П. Тлисова, О. А. Меремкулов, А. Х. Карданов, Х. М. Ксалов были переданы немцам Хакировым и расстреляны¹⁶. Отряд предали также завторготделом Ф. Пасютин и С. Тхохов¹⁷.

Все попытки руководителей отряда связаться со штабом Западной группы ни к чему не привели. Оставшиеся несколько партизан находились в подполье до января 1943 г.

9. ЧЕРКЕССКИЙ городской и районный отряды. Сформированы в начале августа 1942 г. Общее руководство отрядами осуществлял первый секретарь Черкесского обкома ВКП(б) Г. М. Воробьев. Накануне оккупации Черкесска оба отряда выдвинулись в Архызское ущелье, закрепились на Буковом участке. Всего в обоих отрядах насчитывалось 102 человека.

16 августа произошел бой с подразделениями 13-го горноегерского полка майора Отта из 4-й горнострелковой дивизии генерала Эгельзеера¹⁸. Боем руководил Г. М. Воробьев. Поначалу для партизан все складывалось удачно: в результате перекрестного обстрела была почти полностью уничтожена передовая группа егерей числом около 25 человек. Однако подошедшие силы немцев, разделившись на отдельные группы, открыли огонь по партизанам. Жестокий бой вынудил последних отойти. Несколько человек были ранены, убит один партизан.

Необходимо отметить, что краевых руководителей во время боя на участке не было. Ни Храмов, ни Кочкаров, ни Мищенко в бою не участвовали, так как в это время находились в верховьях Марухи, где встретились с частями 394-й дивизии, что и отражено в армейских документах¹⁹. Кроме того, после разгрома сводного отряда партизаны сами искали группу И. Храмова, что тоже отражено в документах Иконхалкско-Кувинского отряда и отряда «За Родину!». Поэтому участие штаба И. Храмова в этом бою мы считаем мифотворчеством ставропольских журналистов.

Не обученный боям в горных условиях, плохо оснащенный объединенный отряд не выдержал, да и не мог выдержать давления наступавшего неприятеля. Тем не менее, архивные документы свидетельствуют о мужестве и героизме, проявленном в этом бою

Г. М. Воробьевым, П. М. Мирошниковым, Т. Л. Биджиевым, И. С. Маточкиным, Н. Д. Растокиным, Л. Б. Корсак и другими.²⁰ В то же время перебежали к немцам и сдались Данилюк, Рыбалкин, Авачий, Петренко, Кочергин, Долгих, Васильев, Батчаев, Худояров. Оперуполномоченный НКВД Нетребко не только рассказал немцам все, что ему было известно о партизанах, но и перешел на службу в гестапо²¹.

Попытки руководства отрядами во главе с Г. Воробьевым и П. Мирошниковым связаться с группой И. Храмкова ни к чему не привели, собрать отряд после боя не удалось. Г. М. Воробьев, вероятно в расчете на соединение с частями Красной Армии, стал уходить в сторону Баксанского ущелья. В районе Бийчесына они наткнулись на немецкий авангард и в бою были убиты.

10. ИКОНХАЛКСКО-КУВИНСКИЙ партизанский отряд. Сформирован 5 августа 1942 г. Командир отряда — А. Н. Кисляков, комиссар — А. М. Абанов. По первоначальному составу — 48 человек, позже доукомплектован работниками обкома и отступавшими красноармейцами до 98 человек. После формирования накануне оккупации Черкесской автономной области ушел в Марухское ущелье. О целях и задачах отряда вспоминал впоследствии сам А. Н. Кисляков: «Наши партизанские отряды были совсем не те, что были в Брянских лесах, Белоруссии, Чехословакии и других странах... Нам казалось, да нас и ориентировали на то, что немцы лесов боятся, беспокоить нас будут мало. Поэтому перед нами была поставлена задача нападать на жандармерию, взрывать мосты и другие важнейшие объекты. Но получилось обратное.

Наш отряд оказался на переднем крае боев, как передовая фронтовая часть, и сразу же подвергся внезапному нападению крупных альпийских фронтовых частей противника, так что было трудно устоять...»²².

13 августа была произведена первая разведка в село Маруха с целью изъятия старосты. Однако, старосты не было. Разведчики забрали скрывавшегося там полковника Белова вместе с его ординарцем — жителем Марухи. Оба в отряде находились до 26 августа, и при первом удобном случае сбежали к немцам²³.

16 августа разведчица Джанетхан Керейтова и 13-летняя Крымхан Мижева схватили и пригнали в отряд немца с оружием и топографической картой. К этому времени со стороны Марухского перевала в отряд пришли десять красноармейцев во главе с лейтенантом

В. С. Злыдневым с просьбой задержать по возможности продвижение немцев на несколько дней и помочь продовольствием. 18 августа группа партизан Н. Черемисина и Н. Жарко совместно с красноармейцами обстреляли пятнадцать немецких всадников и отбили у них скот, который был передан армейским частям на хребте Ужум. Эти факты сомнений не вызывают хотя бы потому, что рейд лейтенанта В. Злыднева отражен и в армейских документах в отличие от других фактов, изложенных в воспоминаниях и дневнике А. Н. Кислякова.

Он сообщает о том, что «18.8.42 г. юный бесстрашный пионер-разведчик Женя Семенюк принес из села Маруха известие от связного Чалого, что член краевого штаба партизан Кочкаров сдался в селе Маруха в плен к немцам».²⁴ Но между тем, как видно из изложенного в главе «Измена», Кочкаров в это время находился в штабе И. Храмкова фактически безотлучно и сдаться немцам в Марухе он не мог. К тому времени, когда Кочкаров сдался немцам, партизанского отряда не было, да и сам Кисляков находился далеко от этих мест.

Кроме того, вряд ли В. Злыднев, искавший продовольствие, ставил перед партизанами задачу задержания немцев в Марухском ущелье, так как к перевалу последние выходили из долины Теберды через Мухинский перевал, по Аксаутскому ущелью и частью по реке Кызгыч²⁵. Вдобавок, к этому времени было попросту неизвестно, пойдут немцы к Марухскому перевалу или нет.

Существенно разнятся воспоминания командира отряда и его комиссара по факту появления первого секретаря Карачаевского обкома ВКП(б) М. Г. Романчука в расположении Иконхалкско — Кувинского отряда. А. Н. Кисляков: «21.8.42 г. в отряд пришли Романчук и Палагута с указанием от Храмкова идти к перевалам»²⁶. А. М. Абанов: «Романчук появился в отряде 27 августа. Он случайно попал в отряд. Я с ним был знаком еще до войны по партийной работе, и в отряде он знал только меня. Он рассказал, как поссорился с начальником краевого штаба по партизанскому движению Южной группы (так в документе — *авт.*) и другими членами штаба. Он оставил краевой штаб с целью присоединения к каким — нибудь партизанским отрядам и сообщил нам, что перевал занят немцами, и нет другого выхода, как идти хоть в штыки, но пробиваться к перевалу. По его предположению на перевале должны были быть партизанские отряды и воинские части»²⁷. Нам представляется, что

А. М. Абанов прав: концентрация немцев в районе Марухского перевала произошла к 26-27 августа. 21 же августа они там активности не проявляли. Кроме того, как видно из этих воспоминаний, Романчук никаких указаний от И. Храмкова не передавал, поскольку не был последним направлен в отряд (или отряды), а ушел, поссорившись с группой секретаря крайкома, и в отряд попал случайно.

Из дальнейших действий отряда известно, что накануне последнего боя до прихода М. Г. Романчука, И. Т. Пшеничного (начальник управления НКВД Карачаевской АО), П. И. Палагуты (начальника политотдела МТС) в отряд влились 32 красноармейца с двумя пулеметами и 25 автоматами. Известно также, что к утру 28 августа Иконхалкско-Кувинский отряд был окружен. 28 августа разгорелся жестокий бой, длившийся четыре часа. Отряд был разгромлен. Смертью храбрых пали М. Г. Романчук, И. Т. Пшеничный, П. П. Гречкина, Б. Б. Мижев и его дочь Крымхан, П. Н. Черемшин. Почти вся группа армейцев погибла, а какая-то часть попала в плен. В списках Иконхалкско-Кувинского отряда они не значатся и, вероятно, в Центральном архиве Министерства обороны они пополнили списки пропавших без вести.

Сам же А. Н. Кисляков в отчете по своему отряду дал такие статистические данные: «Всего по списку — 41 человек. Сбежало в тыл врага — 8, отпущено по заданию — 10, убито в боях — 6, пропало без вести — 4, умерло с голоду — 2, замерзло — 2, расстреляно гестапо — 1, оказался предателем — 1, переведено в РККА — 7»²⁸. Остатки отряда в количестве 9 человек ушли вместе с командиром в район станицы Бекешевской, где уничтожили немногочисленную охрану обоза из 6 подвод. Забрав боеприпасы и продовольствие, ушли в лес. В виду готовившейся карательной акции со стороны немцев и казаков, группа стала продвигаться к месту сосредоточения отрядов Северной и Восточной групп и воевала в районе Величевского — Кизляра в ноябре-январе 1942-1943 гг.

11. НОВОАЛЕКСАНДРОВСКИЙ партизанский отряд. Сформирован в начале августа 1942 г. Командир — Р. П. Пугач, комиссар Д. П. Попов. Численный состав отряда — 46 человек. К 15 августа 1942 г. сосредоточился в Преградненском (Урупском) районе Карачаевской автономной области, в 9 километрах южнее хутора Круглый. Первый бой партизан с немцами произошел 3 сентября. Здание школы, превращенное немцами в казарму, было заброшено гранатами, а затем обстреляно из автоматов. По непроверен-

ным данным, немцы потеряли свыше 20 человек. Партизанами захвачено 8 лошадей. В ночном бою отряд потерь не имел. На следующий же день был совершен повторный налет на хутор Круглый. Было отбито 7 лошадей и две подводы с боеприпасами, 12 волов для пополнения провизии. Сколько немцев и полицаев было уничтожено, сказать трудно. По данным партизан – 13, итого в двух боях враг потерял большую часть гарнизона, но немецкими источниками эти цифры не подтверждаются.

После этого отряд соединился с Кировским (Исправненским) и Преградненским отрядами, сохраняя самостоятельность. К сожалению, в архивах не сохранились документы, проливающие свет на действия этих отрядов до середины сентября 1942 г. По скудным источникам известно, что три указанных отряда до 15 сентября, т.е. до появления здесь И. П. Храмкова, действовали совместно с Армавирской группой партизанских отрядов, возглавляемой секретарем горкома партии Кривенко. Масштабы действий определить трудно, ибо весь отряд погиб в декабре 1942 года, а по данным Армавирской группы упоминаются два налета на Лабе. Оба – на немецкие обозы и подкрепления, шедшие к Санчарскому перевалу. О потерях партизан не сообщается. Остается неизвестным, действовали ли новоалександровцы вместе с армавирцами на территории Краснодарского края. После появления здесь, в расположении отрядов, секретаря Ставропольского крайкома ВКП(б) И. П. Храмкова Армавирская группа больше не взаимодействовала с новоалександровцами, равно как и с партизанами Кировского и Преградненского отрядов. Связано это было с тем, что И. П. Храмков такое взаимодействие считал нецелесообразным. Как подчеркивалось выше это сыграло роковую роль в судьбе трех отрядов. Ранним утром 14 ноября 1942 г. все три отряда были окружены.

В 9 часов утра разгорелся бой. Противник обложил отряды силою до батальона из 91-го полка 4-й горнострелковой дивизии. В помощь батальону было задействовано до 270 человек из карательного отряда под командованием П. Пономаренко (он же Пономарев, он же Вандин). Бой длился до вечера, и партизанам удалось выйти из окружения, при этом их потери составили 3 человека убитыми и 5 ранеными. Однако, базы снабжения и конский состав были потеряны.

22 декабря 1942 г. в очередном бою неподалеку от станции Сторожевой Ново-Александровский отряд погиб. Оставшихся

13 партизан каратели Пономаренко, на окраине станицы Сторожевой, расстреляли. Погибшие в бою и казненные казачьей жандармерией партизаны были похоронены близ станицы Сторожевой.

12. КИРОВСКИЙ (Исправненский) партизанский отряд. Создан 5 августа 1942 г. Командир отряда – А. М. Сержкин, комиссар – Ф. Н. Игнатов. Численный состав – 49 человек²⁹. Однако, во время выхода отряда в места базирования собрались не все, лишь потом он был пополнен несколькими бойцами из разбитых Черкесского городского и районного отрядов. В течение второй половины августа и в сентябре исправненцами было уничтожено несколько переправ через Большой Зеленчук, Кяфар, Лабу. Кроме того, были захвачены четыре подводы с полициями из станицы Зеленчукская, шедшие на подкрепление к немцам. В дальнейшем по архивным данным мы видим действия этого отряда в окружении 14 ноября совместно с Преградненским и Новоалександровским отрядами. Бойцы Кировского отряда показали в этом бою образцы мужества и героизма, и во многом благодаря им удалось вырваться из окружения как штабной группе И. П. Храмкова, так и остальным партизанам. Спустя дня два после этого боя отряды рассредоточились. Как принималось решение, сказать сложно. Но становится очевидно, что Преградненский отряд, вместе с группой Храмкова, стал уходить в сторону Курджиново-Преградной³⁰. Новоалександровцы и исправненцы оказались предоставленными сами себе. Без баз, без боеприпасов и продовольствия, лошадей, они вынуждены были рассчитывать только на случай. Однако в зимних условиях в горах не было ни скота, ни сколь-нибудь пригодной растительной пищи. Ближайшие населенные пункты – Верхнепантелеймоновское, Уруп, Бахмут были сожжены карателями дотла. Наладить связь с жителями других населенных пунктов тоже не представлялось возможным, так как в них свирепствовали отряды Пономаренко, Моргунова, Рыбникова, Рязанова и др.³¹ Перевалы были завалены снегом, к тому же подходы к ним контролировали немцы.

22 декабря 1942 г. остатки Кировского отряда были разбиты. Погибли почти все. Командир отряда А. М. Сержкин, комиссар Ф. Н. Игнатов, Я. Аблаев будучи ранеными, попали в плен и после зверских пыток были казнены.

13. ПРЕГРАДНЕНСКИЙ партизанский отряд. Сформирован в начале августа 1942 г. Командир отряда – В. Л. Осканов, комис-

сар — И. И. Галич. Численный состав — 64 человека. Действовал в районе Преградной — Курджиново на водоразделе рек Уруп и Лаба.

В первых числах сентября 1942 г. группа из 9 человек (группа К. Евтушенко) совершила рейд в станицу Преградную, захватила немецкую бронемашину, перебив прислугу. В числе убитых оказался немецкий кинорежиссер, снимавший на пленку сцены расстрелов и других злодеяний. Киноплёнки, документы и фотографии партизаны забрали с собой.

Спустя несколько дней группой Лузановского был обстрелян казачий дозор, ведомый начальником полиции Рыбниковым. В результате боя Рыбников был ранен, большая часть полицаев погибла, но партизаны понесли потери: Лузановский — секретарь Преградненского РК ВКП(б) и Голубничий — работник НКВД были убиты.

12 октября группа В. Осканова вместе с армейской группой В. Гамзина совершила налет на немецкий гарнизон в поселке Бахмут. После разгрома гарнизона группа отошла в расположение отряда без потерь.

После этого в Краснодарский край для связи с частями Красной Армии направлена группа К. Евтушенко. К 9 ноября группа достигла ст. Хамышки, откуда Евтушенко посылает донесение в крайком партии М. А. Сулову. Отдохнув, группа собирается в обратный путь.

14 ноября отряд участвовал в бою против горных стрелков и карателей. Как сообщалось выше, в этом бою действовали вместе с Преградненским Новоалександровский и Кировский отряды. После выхода из окружения Преградненский отряд сопровождал группу И. П. Храмкова для переправы через Лабу. Ориентировочно 16-17 ноября Храмков со своими товарищами: И. Е. Редькиным, Н. Т. Луценко, И. Р. Бабичем, Т. И. Мищенко, Н. С. Рощенко — покидает отряд. Преградненский отряд тоже остался предоставленным сам себе. В начале декабря из отряда бежал и сдался немцам партизан Соколенко, работавший до войны в райотделе милиции. Он выдал немцам местонахождение народных мстителей³². Учитывая это обстоятельство, командир решил рассредоточить отряд: больные, раненые, истощенные и обмороженные бойцы направляются к своим родственникам. В отряде остается 12 человек. После облавы эта группа партизан погибла вся. Раненые, в том числе и Я. Чомаев, В. Осканов, его жена А. Осканова, вернув-

шийся из Хамышек К. Евтушенко и другие, после пыток были казнены. Вместе с ними был расстрелян и Соколенко.

Отправленные к родственникам партизаны (а в основном это были женщины) Наталья Василенко, Анна Голоколосова и другие тоже были схвачены карателями и расстреляны.

Таким образом, в декабре 1942 г. 45 партизан Преградненского отряда погибли в бою или были казнены карателями. Два человека (отец и дочь Петр Яковлевич и Людмила Петровна Леонтьевы попавшие к преградненцам после разгрома сводного Черкесского отряда) замерзли. Без вести пропало 7 человек.

Таков горький, трагический итог партизанской войны в горах Северо-Западного Кавказа осенью и зимой 1942 г.

ГЛАВА VII. ЭПИТАФИЯ

За сжатыми, сухими характеристиками партизанских отрядов и их действий читатель вряд ли почувствует те условия, в которых они функционировали.

Северная и Восточная группы партизанских отрядов, как сообщалось выше, сосредоточились в степной полосе поблизости от Кизляра. Это район полупустынь, где нет ни лесов, ни гор, ни каких-либо других естественных укрытий, способных содействовать полноценной партизанской войне. Летом здесь стоит невероятная жара, исподволь сменяемая знойными, иссушающими, пыльными ветрами. Зимой же эти ветры сменяются другими, несущими из просторов Сибири арктический холод, и в полупустынях жизнь практически замирает. Отчасти поэтому к моменту наибольшего продвижения войск вермахта здесь не образовалось сплошной линии фронта. В немногочисленных населенных пунктах немцы держали небольшие гарнизоны из Туркестанского корпуса и местной жандармерии.

Эти обстоятельства позволили отрядам Северной и Восточной групп, фактически находившимся в расположении частей Красной Армии, совершать дерзкие вылазки, громить эти гарнизоны в Прикумских степях и возвращаться обратно. При этом особых проблем с боеприпасами и продовольствием не возникало, так как оно доставалось народным мстителям как из собственного тыла, так и от населения в хуторах и селах, оккупированных противником. К тому же подспорьем в их войне было знание местности, возможность проведения маневров вследствие отсутствия сплошной линии фронта в условиях Прикаспийских полупустынь.

Этим объясняется и то, что из общего числа отрядов Северной и Восточной групп погиб лишь один отряд — Гофицкий. Случилось это 18 августа 1942 г. Бой, длившийся 35-40 минут, для этого отряда оказался первым и последним. Сейчас трудно сказать, была ли необходимость в этой стычке или нет. Единственный чудом уцелевший

боец И. Л. Лежебоков в докладной записке в Ставропольский крайком ВКП(б) сообщал: «17 августа командир нашего отряда т. Гноевой получил от главного штаба партизанских отрядов задание: сменить оборону Ипатовского района на хуторе Ново-Гражданском Левокумского района.

В 8 часов утра 18 августа мы прибыли на смену ипатовцам. Сменили их и заняли посты. Мы должны были встретить вражеские машины: 2 мотоцикла и 1 автомашину, но примерно в 11 часов дня встретили другое. К нашей засаде из с. Арзгира подходило около 45 машин и до 15 мотоциклов»¹.

Тут возникают вопросы.

Во-первых, непонятно, о каком «главном штабе партизанских отрядов» идет речь? Выше отмечалось, что 19 ноября 1942 г. был создан отдел партизанского движения, а 30 декабря — краевой штаб партизанского движения. Если иметь в виду краевой комитет партии, то он к этому времени был далеко от этих мест. Вопрос о том, кто ставил задачу перед Гофицким отрядом, остается открытым.

Во-вторых, неясно, чем диктовалась необходимость уничтожения двух мотоциклов и машины. Было известно, что немцы здесь наступают широким фронтом на Моздок и далее на Грозный. Как и какую оборону мог держать здесь отряд из 22 человек? Очевидно, что если перед гофицкими партизанами ставилась такая задача, то они ее не выполнили, хотя погибли все. Кроме того, полчаса боя — это не тот срок, в течение которого отрядам и эвакуируемым удалось бы отойти на безопасное расстояние. Тем более, что вряд ли все сорок пять машин с живой силой и боеприпасами приняли участие в бою против окруженных 22 партизан.

В-третьих, как воспринимать утверждение о том, что отряд «ценой своей гибели прикрыл от внезапного нападения партизанские формирования Восточной группы, а также эвакуацию в тыл техники, имущества и скота»?² Это утверждение получило самую широкую огласку и пропагандировалось все послевоенное время. Между тем, ход этого боя скуп, но довольно ясно изложил в докладной записке тот же мужественный боец И. Л. Лежебоков: «Нас было 22 человека (в бою фактически участвовало 20 человек — *авт.*). Поравнявшись с нами, фашисты начали бить из орудий и пулеметов». То есть, огонь открыли немцы, а не партизаны. Последние вынуждены были отстреливаться: «Вылезли из машин 250—300 фашистов. Мы начали отстреливаться и бить по ним.

Я видел, что из наших товарищей ни один никуда не ушел. Все дрались до последней капли крови, а также я видел, что немецкие солдаты сносили с поля боя убитых и раненых своих бандитов.

Бой длился 35–40 минут, и в неравном бою с фашистами наш отряд погиб целиком. Я, как боец этого отряда, был уже ранен четыре раза и убил немецкого офицера, а потом еще был ранен два раза и случайно остался жив, получив в этом бою 6 ран.

В этом бою погибло всего 19 человек... В живых осталось три человека: я, И. Л. Лежебоков, и бывшие в это время в разведке, которые в бою не были, Нежданов и Батальский»³.

Едва ли можно всерьез воспринимать, что 22 бойца были в состоянии преградить путь моторизованным частям 51-го танкового корпуса, за неполные десять дней проделавшим путь в 350 километров из Сальска до Арзгира. В тот же день немцы крупными силами вышли к Куме на линии Буденновск – Левокумское и атаковали единственный оставленный для прикрытия армейский отряд майора Корнеева. К тому же, основные армейские части, партизанские отряды и эвакуируемые в большинстве своем к этому времени пересекли Горькую Балку и вышли к Ачикулаку. Поэтому можно считать, что приказ «главного штаба партизанских отрядов», отданный Гофицкому отряду, был из разряда необдуманных, если не сказать преступных. Чья-то легкомысленность очень дорого обошлась девятнадцати мужественным бойцам – патриотам, не поднявшим перед врагом руки и отдавшим за свободу и независимость своей Родины самое дорогое – жизнь. А ведь была возможность отвести вместе с остальными и этот небольшой отряд, сохранив тем самым жизнь и боеспособность этих людей.

Чувство горечи и досады за судьбу этих партизан особенно усиливается на фоне того, что отошедшие отряды Северной и Восточной групп в дальнейшем сражались вместе с частями Красной Армии и особых потерь не имели.

Мы остановились на судьбе Гофицкого партизанского отряда по той причине, что из Северной и Восточной групп это был единственный погибший полностью отряд. Деятельность же указанных групп контролировалась секретарями Ставропольского крайкома ВКП(б). Как член Военного Совета Северной группы войск Закавказского фронта, М. А. Суслов осуществляя контрольные и надзорные функции, имел возможность влиять на командование так, чтобы его отряды даже в расположении частей Красной Армии именовали

лись партизанскими, хотя и выполняли приказы командиров корпусов и армий Северной группы. Деятельность этих отрядов, в отличие от Южной и Западной групп, достаточно широко изложена в литературе, и читатель найдет необходимую информацию в ней.

В пяти районах — Наурском, Курском, Солдато-Александровском (Зеленокумском), Новоселицком и Степновском от организации партизанских отрядов вообще отказались. Вернее, отряды были укомплектованы, но в полном составе вышли в советский тыл и там были распущены⁴.

Не существовало и Южной группы партизанских отрядов. Единственный отряд — Кисловодский имени М. Ю. Лермонтова сразу же ушел в Баксанское ущелье и отличился дважды — во время налета совместно с Баксанским отрядом на немецкий гарнизон в селе Каменноостское и аналогичным налетом на селение Хабаз, кроме того, провел большую работу по оказанию помощи частям Красной Армии, находясь в их расположении. Вместе с армейцами в ноябре 1942 г. отряд покинул Баксанское ущелье. Об этом можно узнать из донесения начальника штаба обороны Баксанского ущелья майора Никифорова⁵.

Других отрядов в Южной группе не было. Выполнять постановление Ставропольского (Орджоникидзевского) крайкома ВКП(б) от 21 декабря 1942 г. «Об очередных оперативных задачах партизанских отрядов Южной группы», равно как и Приказ Начальника краевого штаба партизанского движения М. А. Сулова о решительном усилении борьбы с противником от 30 декабря 1942 г., в котором автор требовал: «Штабу партизанских отрядов Южной группы продвинуть партизанские отряды группы на территорию, временно оккупированную противником», т.е. туда, где по законам партизанской войны им надлежало быть, — было некому. Михаил Андреевич не знал, что руководители Кавминводской группы, Георгиевска и других городов попросту саботировали его решение о создании отрядов и не выставили ни одного отряда, за исключением упомянутого Кисловодского. Но в «Итоговом отчете краевого штаба партизанского движения о боевой и разведывательной деятельности партизанских отрядов Ставрополья» деятельность Южной группы отражена, причем, приводятся данные, которые не подтверждаются ни армейскими, ни немецкими источниками. Это касается разгрома гарнизона из 1200 человек в Каменноостской (уничтожено свыше 400 немецких солдат и офицеров, сожжено 5 грузовых автомашин, уничтожено 120 велосипедов, 1 автома-

шина-кухня, легковая автомашина, 2 вездехода, 2 автоматические пушки, 12 пулеметов с расчетами, взорваны казармы и штаб танковой части»⁶. Но этой статистики нет ни в архивах 37-й армии, чьи подразделения тоже участвовали в этом налете, ни в немецких документах. Нет и не было в Каменноостском немецкого кладбища, с захороненными 400 с лишним немецкими солдатами и офицерами. К тому же немцы не практиковали похороны своих людей в братских могилах. Да, безусловно, рейды на Каменноостскую и аул Хабаз в долине Малки совершались, помещение немецкого штаба было разгромлено. Но 400 уничтоженных фашистов с 12 пулеметными расчетами — это явный перебор...

Условия, в которых предполагалось действовать Западной группе совершенно отличались от условий Северной и Восточной групп.

Здесь летом не бывает изнуряющей жары, нет проблем с обеспечением водой. Пространство между Скалистым и Главным Кавказским хребтами занято полосой лиственных и хвойных лесов. Но леса покрывают склоны ущелий. Склоны же эти порой труднопроходимы из-за крутизны, порой непроходимы вовсе. И если в летний и осенний периоды здесь можно как-то просуществовать, то с первым снегом ущелья напоминают раскрытую книгу, где прочитывается и просматривается буквально все. Кроме того, полоса лесов, в которых можно было базироваться и передвигаться не настолько широка, как того требовали условия предполагаемой масштабной партизанской войны.

Климатические особенности здесь предопределяются ледниками, покрывающими почти сплошной линией северные склоны Главного Кавказского хребта, поэтому климат здесь неустойчив и характерен резким перепадом температуры в дневное и ночное время.

Существенным и, пожалуй, главным фактором, ограничившим действия отрядов, явилось то, что к местам базирования отряды фактически выдвинулись вместе с немецкими горнострелковыми полками, и поначалу решали вопросы не ведения войны, а выживания.

Другим, не менее важным обстоятельством стало то, что немцы с ходу захватили ключевые перевалы как на Боковом, так и на Главном Кавказском хребте. Здесь тоже в силу природных условий не было сплошной линии фронта. Но если в Прикаспийских и Ногайских степях это было обусловлено не столько условиями полупустынь, сколько отсутствием необходимости выхода к Каспийскому морю (основная цель немцев — прорыв к Грозному и Баку), то высокогорный участок был в оперативно-тактическом плане очень ва-

жен, и сплошная линия не сложилась из-за своеобразия рельефа. Кроме того, в северо-восточных районах Северного Кавказа населенные пункты в основном контролировались небольшими группами, составленными из немцев и легионеров из казачьего кавалерийского полка «Фон Юнгшульц» и 801-го северокавказского батальона, то населенные пункты на Западном Кавказе рассматривались в качестве базовых, и там немцы держали как усиленные части 44-го армейского и 49-го горного корпусов, так и части для обеспечения оккупационного режима, составленные из войсковых и специальных подразделений вермахта, абвера и СС: «Зондеркоманда СС 10-а», «Айнзацкоманда 12 СД», батальон особого назначения «Бергманн», казачий кавалерийский полк «Платов», 804-й отдельный азербайджанский батальон и другие. Такое положение напрочь лишало партизан возможности пополнения продовольствием, медикаментами и прочими вещами первой необходимости.

Перейти через Кавказский хребет в осенне-зимних условиях было невозможно: на перевалах либо сидел враг, либо они стали непроходимыми. В ноябре-декабре положение партизан стало невыносимым. Выбор у них был небольшой – смерть от истощения и морозов в зимних лесах или смерть от карателей. Как видно из вышеизложенного в настоящей работе, народные мстители предпочли последнее.

Западнее Санчарского перевала, на территории Краснодарского края, положение отрядов было несколько иным. Во-первых, географические и климатические условия здесь другие: горы ниже, ледников меньше, соответственно, нет резких перепадов температуры, шире лесная зона. Во-вторых, большинство отрядов в этом регионе находилось на передовой совместно с частями Красной Армии, точно так же, как отряды Северной и Восточной групп Ставрополя. Поэтому вопроса о снабжении партизанских отрядов не возникало. В-третьих, сам ЮШПД (Южный Штаб Партизанского Движения) находился рядом, в Сочи, и оперативно реагировал на любые изменения обстановки. В-четвертых, сроки оккупации был более продолжительными.

Объективно руководство СССР не было готово к такому повороту событий, когда партизанская война станет реальной необходимостью. Это признал, хотя и с большим опозданием, «главный партизан» страны П. К. Пономаренко: «Ошибочные и неправильные установки Сталина, что при нападении на нас мы будем воевать только на чужой территории, привели к тому, что вся работа по обобщению опыта партизанской войны в прошлом, по разработке

соответствующих мобилизационных документов была свернута. Это усугубило трудности организации партизанского движения в начальный период войны. Партии дорогой ценой пришлось исправлять ошибки, допущенные Сталиным»⁷. Как видим, начальник Центрального штаба партизанского движения в 1962 г. всю вину в просчетах свалил на Сталина. Но как быть с директивой от 18 августа 1942 г., в которой Пантелеймон Кондратьевич в ответ на просьбы о помощи оружием и боеприпасами требовал, чтобы партизаны сами добывали их в бою: «Во-первых, партизанские отряды должны, и имеют к этому все возможности, обеспечить себя за счет противника. Партизаны, если у них нет в достаточном количестве оружия, боеприпасов и снаряжения, должны добыть все это в бою...». Очевидно, имелось в виду, что партизаны первично должны были сокращать врага вилами и топорами, а в дальнейшем пользоваться трофейным оружием. Да вот 1942 г. в этом плане разительно отличался от 1812 г., но этого П. К. Пономаренко, видимо, не понимал.

М. А. Суслов пошел дальше своего начальника. На просьбу гибнущих партизан помочь хлебом и боеприпасами он рассказал о подвигах партизан Северной и Восточной групп, требовал почаще высылать связных и сообщил радостную весть о том, что «крайком партии при содействии политотделов воинских частей напечатал и с самолета разбросал в Карачае несколько листовок и брошюру с докладом И. В. Сталина, посвященным 25-й годовщине Великого Октября, на карачаевском языке»⁸. Как пишут ставропольские журналисты, И. П. Храмков читал письмо М. А. Суслова «с трепетом души»...

Все это мы относим к субъективным факторам. При анализе становится совершенно ясно: непродуманность действий и неразбериха в Центральном штабе партизанского движения К. Е. Ворошилова – П. К. Пономаренко сказались и на региональных штабах, в данном случае – Ставропольском штабе, хотя правильнее будет сказать – крайкоме партии, так как штаба как такового еще не существовало; далее по нисходящей: представители крайкома оказались в силу полной своей неподготовленности в разладе с руководителями обкомов; те, в свою очередь, вынуждены были входить в состав конкретных отрядов. Все это, в совокупности с объективными причинами, привело к гибели большого количества людей. И. П. Храмков и другие руководители крайкома партии оказались заложниками совершенно не продуманного плана партизанской войны и, будучи своеобразной партизанской элитой, выжили, хотя и с большим трудом.

В оперативно-тактическом плане ни захват немцами горных перевалов, ни их освобождение, ни наступление Северной группы войск Закавказского фронта в январе 1943 г. от действий партизанских отрядов не зависели. Выше мы показали, что выход немцев к ключевым перевалам партизаны ни на один день предотвратить не смогли, да и задачу такую им никто не ставил. Тем более, что условий для этого не существовало, и силы были слишком неравные.

Наступление Северной группы войск предопределялось Оперативным приказом № 2, подписанным Гитлером 28 декабря 1942 г. Группе армий «А» предписывалось, в целях избежания новых «котлов», сохраняя и особенно усиливая свой фронт особенно по побережью и в горах, отойти на некоторых участках, шаг за шагом, на сокращенный рубеж Мостовое – Армавир – восточнее Сальска. Первым рубежом является позиция Зольская – Кума. При отходе подвижные силы (13-я и 3-я танковые дивизии) перебросить на северный фланг, чтобы воспрепятствовать охватам и со своей стороны сковать врага маневренными действиями.⁹ Освобождение Северного Кавказа началось вопреки воле И. В. Сталина, планировавшего отсечение группы армий «А» по линии Сталинград – Ростов.

Подлинного, в полном смысле этого слова, партизанского движения на Северном Кавказе не было, да и не могло быть в силу изложенных выше причин. И если не было партизанского движения как такового, значит и не было повседневного руководства этим движением.

Провал партизанского движения на Ставрополье, в Кабардино-Балкарии, Чечено-Ингушетии, оккупированной лишь в малой части, был использован режимом Сталина, при содействии региональных и местных руководителей для решения этнополитических проблем, в частности, для создания единой общности – советского народа, «хирургическим» путем.

Провал партизанского движения был сполна использован для создания негатива по отношению к целым народам. Это, так сказать, оборотная сторона партизанского движения на Северном Кавказе. И если во время немецко-фашистской оккупации народы Северного Кавказа лишились определенной части материальных средств, то во время депортации они лишились всего, а многие – жизни.

Провал партизанского движения, как это парадоксально не звучит, предопределил дальнейшее продвижение М. А. Суслова по

служебной лестнице. Ему была уготована долгая партийная карьера. Почти два десятилетия он был главным идеологом Коммунистической партии Советского Союза. Эту идеологию мы называем «сусловщиной». Характеризуется она серостью и косностью, лицемерием и жестокостью, подавлением активного творческого начала и удушением новаторства в зародыше; четким, хотя и завуалированным, закрытым ширмой трескучих фраз, отрывом партийной номенклатуры от народных масс, именно при нем партийная элита оформилась как класс; необузданным догматизмом в общественно-политической жизни; преследованием лиц, выходящих за рамки самой «сусловщины». Он был фактически автором, инициатором «застоя — эпохи развитого социализма». Он был противником реабилитационных процессов и до конца жизни не оставлял без внимания репрессированные народы. С особой силой это «внимание» ощутили в Карачаево-Черкесии в 70-80-е гг., характеризовавшиеся политическим и психологическим прессингом в форме пленумов областного комитета КПСС.

Ни один из руководителей краев, республик и областей после освобождения Северного Кавказа от немецко-фашистских захватчиков не сделал такой карьеры, как первый секретарь Ставропольского крайкома партии. К примеру, Петр Иануарьевич Селезнев, чьи заслуги в партизанской войне более весомы, нежели заслуги Суслова, так и остался в Краснодарском крае, занимаясь чисткой партийных и советских рядов от «сомнительных и неблагонадежных элементов», и хотя он и на этом поприще преуспел, его рвение так и не было замечено в Кремле. Начальник Южного штаба партизанского движения умер в 1947 г. и был похоронен без всяких торжественных церемоний.

Первый секретарь Кабардино-Балкарского обкома партии З. Кумехов, благословивший депортацию балкарцев, был в том же 1944 г. снят с работы и т. д.

Таковы главные итоги «партизанского движения» на Северном Кавказе.

А что же партизаны? Значит ли все вышеизложенное, что партизаны бесцельно провели время в горных ущельях, мерзли, голодали и гибли понапрасну?

Отнюдь нет. Большинство партизан на Кавказе действовало в экстремальных условиях не по приказу свыше, не столько по партийной принадлежности и не столько по указке сверху. По большому счету, мотивы ухода в отряды были те же, что и во время наполе-

оновского нашествия в 1812 г., когда не было ни коммунистических, ни других политических партий. Это проявление народной воли безотносительно к крепостному праву или большевистскому режиму. Это осознание смертельной опасности над страной, над народом. Это чувство ярости благородной по отношению к агрессору. На склонах Главного Кавказского хребта люди воевали как могли. Воевали на пределе человеческой возможности. Воевали, не зная планов агрессора и планов собственного руководства. В условиях 1942 г. уже одно то, что люди взяли в руки оружие для борьбы с врагом, было равносильно подвигу. И здесь нельзя и безнравственно ставить вопрос о том, что отстаивали народные мстители: советскую власть или свободу собственной Родины. Здесь ясно одно — они совершили подвиг, свет которого до сих пор струится из далеких военных лет.

Свет этого подвига обязывает нас склониться перед выжившими в низком поклоне, а память о павших хранить в веках.

ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ

Ко времени подготовки этой книги к печати на книжных прилавках появились две работы исследователя Б. В. Соколова: «Оккупация» и «Берия. Судьба всемогущего наркома»¹. Ряд положений в этих книгах подтвердил уверенность автора в необходимости издания «Света и теней партизанской войны». И вот почему.

Б. В. Соколов, безусловно, провел огромную работу по освещению проблем оккупационного режима, созданного гитлеровской Германией в СССР, характера партизанского движения на временно оккупированных территориях, о роли Берии и т. д. Причем, основной принцип работы автора — «досье без ретуши».

Как в первой, так и во второй работе не обойден вниманием Северный Кавказ.

Не покушаясь на характеристику военно-политических и иных процессов в оккупированных областях, изложенных Б. В. Соколовым в его трудах, должен сказать, что картина состояния народов Северного Кавказа в годы Великой Отечественной войны остается «притчей во языцех». Бедный Кавказ!

Кажется, еще недавно, каких-то 120–150 лет назад, он был краем вдохновения А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, А. И. Одоевского, А. И. Якубовича, Л. Н. Толстого, Н. А. Ярошенко, А. И. Куинджи, С. Н. Танеева, А. В. Шахматова и Ф. Шалапина... Цвет отечественной культуры!

Почему же, спустя каких-то тридцать лет после смерти великого Льва Николаевича Толстого, скончавшегося, кстати, по пути на Кавказ на постоянное местожительство, горный край стал для Советского Союза «враждебным»? И исподволь, начиная с 1943 г. в сознание граждан необъятной нашей Родины методично внедряется мысль о «неблагонадежности» кавказцев?

Кажется, теперь можно понять Сталина, Берию, Суслова и других партийных функционеров, инспирировавших депортацию боль-

шого количества народов, и не только Северного Кавказа. В настоящей работе мы попытались аргументировано изложить мотивы этой политики и во всем ее лицемерии. Напомним, что депортации карачаевцев предшествовала, благодарность И. В. Сталина за сбор средств на строительство авиаэскадрильи «Колхозник Карачая»: «Секретарю Малокарачаевского райкома ВКП(б) Хаджиеву. Передайте колхозникам и трудящимся Малокарачаевского района, собравшим один миллион рублей на строительство боевых самолетов «Колхозник Карачая», братский привет и благодарность Красной Армии. И. Сталин. 17 мая 1943 г.»². Аналогичная телеграмма пришла и по поводу сбора трудящимися Карачаевской автономной области 2.642.635 руб. на строительство танковой колонны «Ставропольский колхозник».

Комсомольцы-джегутинцы вышли с инициативой сбора средств на строительство самолетов «Комсомолец Карачая»³, и за этим занятием застала их депортация.

С присущим ему пафосом рассыпался в благодарностях за оказанную помощь фронту Михаил Андреевич Суслов. Так, 25-26 июня 1943 г. он присутствовал на собрании областного актива в Микоян-Шахаре и выступил там. Давая характеристику положения дел в Карачае, он, в частности, сказал: «Оказываемая трудящимися помощь фронту стала более ощутимой, подписка на 2-й Государственный военный заем прошла с небывалым успехом, но главное, что нужно подчеркнуть, — мы после освобождения края от немецко-фашистских оккупантов дали Красной Армии много тысяч бойцов-добровольцев, которые доблестно сражаются против фашистских захватчиков»⁴. Еще одно письмо Ставропольского крайкома ВКП(б) и крайисполкома на имя первого секретаря Карачаевского обкома партии и председателя облисполкома от 23 июня 1943 г.: «Дорогие товарищи! Краевой комитет ВКП(б) и исполком краевого Совета депутатов трудящихся приветствует Вас с успешным завершением весеннего сева и блестящим проведением подписки на Государственный заем.

Мы знаем, товарищи, что в основе этих побед лежит горячая любовь всего карачаевского народа к своей советской Родине и страстная, неугасимая ненависть к проклятым гитлеровским собакам.

Фашистские подлецы нанесли огромный урон сельскому хозяйству Карачая и создали величайшие трудности в проведении весеннего сева: они разрушили МТС, порезали скот и разворовали семенное зерно. Но трудящиеся Карачая не пали духом. Охваченные могучим патриотическим порывом, вдохновленные первомайским приказом

Сталина, колхозники Карачая с удвоенной энергией принялись за работу и добились серьезных успехов»⁵ (выделено мной — *авт.*).

И на самом деле хвалить было за что, но освещение темы помощи народа фронту выходит за рамки настоящей работы, и мы ограничимся вышеприведенным, фрагментарным, показом отношения Сталина и краевого руководства к труженикам Карачая. Другое дело, что это проявление благодарности со стороны Сталина и Суслова было верхом циничности и лицемерия по отношению к народам Северного Кавказа. Предполагая поголовное выселение народов, выжимали из них все, что могли. В частности, телеграмм от 9 октября 1943 г. Суслов требовал от секретаря облпарткома: «...Годовщине Октябрьской революции приступите сбору подарков фронтовикам. Посылай их Южному фронту. 2 ноября. Телеграфируйте потребность вагонов, станцию отправления. Секретарь крайкома Суслов». И собрали, отправили. А на утро были депортированы и сами собиравшие.

По-иному видит ситуацию Б. В. Соколов и другие авторы околонушной беллетристики, на которую, в обход архивных и иных данных, этот автор ссылается. Вообще же в части, касающейся судеб народов Северного Кавказа, боев на перевалах Главного Кавказского хребта, причин депортации, Б. В. Соколов выказывает весьма смутное представление о предмете повествования. Вот образец того, куда могут завести околонушные легенды: «О планировавшейся высылке северокавказских народностей Берия, конечно же, не мог ничего сказать командующему Закавказским фронтом Тюленеву, поскольку эта операция готовилась в глубокой тайне. Да и без подготовки к депортации (отложенной, в конце концов, на 1944 г.), войскам НКВД дел на Кавказе хватало. Приходилось бороться с партизанскими отрядами (так изысканно теперь называются мнимые бывшие «бандповстанческие формирования» — *авт.*) ингушей и чеченцев, а также других местных народов, не прекращавших свои вылазки все годы Советской власти и видевших в немцах своих освободителей не только от Сталина, но и от Российской империи...»⁶. В подтверждение этой очевидной нелепицы приводится «пример» Особой партии кавказских борцов (правильно — «братьев» — *авт.*), организации, просуществовавшей больше на бумагах НКВД, чем в реальности, «крупного восстания в Веденском и Чеберлоевском районах, в подготовке которого участвовали немецкие парашютисты». Автор, видимо, посчитал, что «25 тысяч повстанцев на территории Чечено-Ингушской республи-

ки» недостаточно, и для пущей солидности связал их с немецкими парашютистами.

Но парашютисты были! Другое дело, в чем они участвовали и какова их судьба. Заглянем в «Хронологию диверсионно-разведывательных операций абвера», в «Журнал боевых действий». Там значится, что в августе 1942 г. 25 диверсантов из абвергруппы «Бранденбург-800» во главе с оберлейтенантом Ланге «десантируются на парашютах в районе Грозного с заданием захватить нефтеперегонные заводы и нефтепровод. Красноармейцы роты охраны расстреливают диверсионную группу еще в воздухе. Потеряв до 60% личного состава, «бранденбуржцы» с боями прорываются через линию советско-германского фронта»⁷. Ни в каких восстаниях немцы не участвовали, да и сами восстания – не более, чем плод измышлений сотрудников НКВД, пытавшихся обелить себя после уничтожения 700 совершенно безвинных стариков, женщин и детей в Хайбахе. Там многие были сожжены заживо.

Других парашютистов в районе Грозного, как, впрочем, и других районах не было. Однако, цитируем Соколова дальше: «Против Советской власти боролись также карачаевцы и балкарцы, да и в Дагестане было неспокойно. В этих условиях Берия опасался отправлять части НКВД на фронт, не без оснований полагая, что тогда Северный Кавказ затопит волна восстаний. Единственный путь ликвидации повстанческого движения Берия видел в немедленной депортации чеченцев, ингушей, карачаевцев и балкарцев, иначе немцы, если бы им удалось прорваться через Главный Кавказский хребет, получили бы пополнение в десятки тысяч бойцов убежденных противников Советской власти...»⁸

Здесь трудно понять, о чем идет речь. Едва ли понимает смысл сказанного и автор этой цитаты.

Во-первых, немцы оккупировали Карачай, и там не было никаких частей НКВД, и в настоящей работе мы попытались это показать.

Во-вторых, немцы захватили фактически все ключевые перевалы и прорвались через Главный Кавказский хребет, однако, притока «десятка тысяч бойцов» так и не было. Лучше всего об этом свидетельствовал сам командир немецкого 49-го горного корпуса генерал Рудольф Конрад: «В горах жил маленький, свободолюбивый народ – карачай, изнывавший под игом большевиков, и мы надеялись на его поддержку. Однако, наши расчеты оказались по большому счету иллюзорными. Горным стрелкам приходилось про-

двигаться в труднопроходимых незнакомых ущельях практически на ошупь, теряя при этом драгоценное время...»⁹.

В-третьих, не успех Красной Армии под Сталинградом влиял на сроки проведения депортации. Изгонять народ из родных мест нужно было только после сбора урожая, предварительно выжав из него все, как было указано выше. Что и было сделано. Незнание общеизвестных дат проведенных депортаций (хотя, казалось, что тут запоминать: накануне годовщины Октябрьской революции в 1943 г. выселены карачаевцы, Нового года — калмыки, Дня Советской Армии и Военно-Морского Флота в 1944 г. — чеченцы и ингуши, Международного женского дня — балкарцы), едва ли дает право на создание концепции об отсрочке депортации в виду «партизанского движения» в тылу Красной (Советской) Армии.

В-четвертых, весьма затруднительно представить, как народы, охваченные «повстанческим движением», удостоивались благодарностей как от Верховного Главнокомандующего, так и от краевых руководителей.

Кроме того, нет ни одного реального факта так называемой партизанской борьбы против Советской власти, помимо приведенного уже в этой работе. Но соотносится ли масштаб разгрома особого отряда НКВД в Учкуланском ущелье с тем, что излагают Б. Соколов, Н. Бугай и др.? Характерная черта, примета времени — то, что раньше именовалось «политическим бандитизмом», затем «бандповстанческим движением» или просто «повстанческим», теперь трансформируется в «партизанскую войну» против Советской власти. Так, видимо, благозвучнее.

А что же собственно партизаны, деятельности которых посвящена настоящая работа? Оказывается, здесь «партизанило славянское население и красноармейцы-окруженцы»¹⁰. Воля ваша, но у меня никак не получается признать Залихат Эркенову, Михаила Исакова, Халита Кагиева, Ханафи Касаева, Якуба Чомаева, Зекерью Эркенова, Зекерью Лепшокова, Локмана Узденова, Топшая Биджиева, Али-Солтана Джаубаева, Ахмата Семенова, Мудалифа и Рамазана Батчаевых, Петра Баскаева. Биляла и Азрет-Али Темировых, Зурият Тлисову, Касыма Алиева, Идриса и Исмаила Глоовых, Крымхан и Баубека Мижевых, Исмаила Акбаева, Халита Акбаева и многих других ни представителями «славянского населения», ни «красноармейцами-окруженцами», хотя были и те, и другие. *Повторюсь в очередной раз: эти люди партизанили в горах Карачая, не имея ни надлежащего вооружения, ни соответствующих баз, при растеряв-*

шесся краевом партийном руководстве, без ориентиров положения на фронтах, на свой страх и риск. Им никто не ставил конкретных задач. До них не доходили приказы и инструкции руководства. Вот почему очевиден вывод о том, что отряды на юго-западе Ставропольского края были, хотя и просуществовали короткое время, но общего руководства действиями не было. Далее. В экстремальных условиях, не оставлявших им шанса на выживание, народные мстители не делили друг друга на «славян» и «неславян», то есть, в моральном отношении они оказались выше позднейших историков более благополучных времен, проводящих такое разделение.

Говоря о проблемах интернационализма в партизанском движении и участия горцев в подлинной, масштабной партизанской войне на оккупированных территориях бывшего СССР, необходимо отметить, что выходцы из той же Карачаевской автономной области дали одной только Белоруссии 12 командиров партизанских отрядов, 86 командиров подразделений и диверсионно-разведывательных групп, сотни рядовых бойцов. И им было не все равно — воевать с германским фашизмом или «фашизмом» советским, «партизанило славянское население» или какое-либо другое. Переживая беды от собственного государственного режима, они тем не менее воевали и гибли за свободу и независимость этого, своего государства, чем снискали себе любовь, уважение и вечную память народов не только Белоруссии, но и Украины, Чехии, Словакии и ряда Российских регионов. И забывать этого нельзя. Кстати сказать, распад Советского Союза, демократизация общества с ее неизбежной циничностью и девальвацией военно-патриотических ценностей ничуть не повлияли на значимость подвига этих людей — выходцев из крошечного Карачая. Там, где они воевали, о них помнят и бережно ухаживают за их могилами до сих пор — лучшее доказательство того, что подлинные ценности вечны.

И последнее. Не входя в полемику с Б. В. Соколовым по поводу статьи некоего Дербушева в газете «Газават» о «мыслимых и немислимых добродетелях народного героя Карачая Кады Байрамукова», реабилитированного, кстати, в начале 90-х годов XX столетия, хотелось бы остановиться на занимательном факте преподнесения «карачаевцами или балкарцами золотой сбриу Гитлеру»¹¹.

Вообще-то сначала был белый конь. И на каверзный вопрос: «Скажите, а получил ли вашего белого коня Гитлер?» раздраженные карачаевцы отвечали: «Нет! На нем ездил Власов». Затем право «дарения белого коня» фюреру почему-то определили за кабардинцами. При этом за тенью стратегического значения этого подарка совер-

шенно ступшевывались танковые колонны, авиаэскадрильи, армии и корпуса – тоже подаренные Гитлеру. Похоже, именно этот конь определял исход второй мировой войны.

Но теперь коня перекинули, как было сказано, кабардинцам, а за карачаевцами и балкарцами оставили «золотое седло». Но седло, само по себе в качестве подарка, носит весьма двусмысленный характер. Видимо, поэтому теперь речь зашла о «золотой сбруе», подаренной то ли карачаевцами, то ли балкарцами.

Определяя стратегическое значение лошадиных аксессуаров, карачаевцы в шутку утверждают, что именно они выиграли вторую мировую войну, ибо, как только Гитлер получил эту сбрую, дела его пошли из рук вон плохо. Война повернула на запад, фюрер покончил жизнь самоубийством, повесившись на уздечке.

Балкарцы же – народ бойкий, им палец в рот не клади, они тоже любят шутить. Они на чем свет стоит ругают генерал-фельдмаршала Эвальда фон Клейста, присвоившего себе конские принадлежности. Балкарцы уверены, что попади они в руки Гитлера мыть сапоги солдатам вермахта в Индийском океане, а балкарцам до сих пор потягивать бы баварское пиво.

Что, в свою очередь, избавило бы современных исследователей от необходимости писать и тиражировать очевидную нелепость.

ИСТОЧНИКИ

ГЛАВА I

¹ Ленин В.И. Полное собрание сочинений. — Т. 12. — С. 229.

² Там же.

³ История второй мировой войны 1939-1945 гг. — М., 1975. — Т. 4. История Великой Отечественной войны 1941-45 гг. В 6 т. — М., 1960-65. История Коммунистической партии Советского Союза. — М., 1970. — Т. 5. Великая победа Советского народа 1941-1945 гг. — М., 1976. и др.

⁴ Коммунистическая партия в Великой Отечественной войне: Сб. документов материалов. — М., 1970.

⁵ Партия во главе народной борьбы в тылу врага 1941-1944 гг. — М., 1976.

⁶ Ставрополье в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.: Сборник документов и материалов. — Ставрополь, 1962.

⁷ Кубань в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг. Краснодар, 1967 г.

⁸ Народы Карачаево-Черкесии в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. — Черкесск, 1990.

⁹ Народный подвиг в битве за Кавказ. — М., 1981.

¹⁰ Очерки истории Краснодарского крайкома КПСС. — Краснодар, 1976. Очерки истории Ставропольской организации КПСС. — Ставрополь, 1970. Очерки истории Чечено-Ингушской АССР. Ч. 2. — Грозный, 1972. Северо-Осетинская партийная организация в годы Великой Отечественной войны: Сб. док. и мат. — Орджоникидзе, 1968.

¹¹ Гречко А.А. Битва за Кавказ. — М., 1973. Тюленев И.В. «Крах операции «Эдельвейс». — Орджоникидзе, 1975. — его же: Через три войны. — М., 1972.

¹² Филькин В. И. Чечено-ингушская партийная организация в годы Великой Отечественной войны. — Ростов н/Д., 1959. Шайдаев М.Г. Патриотическое движение народов автономных республик Северного Кавказа в годы Великой Отечественной войны. — Махачкала, 1978. Иванов Г.П. Коммунистическая партия — организатор разгрома немецко-фашистских войск, на Северном Кавказе в годы Великой Отечественной войны. — Краснодар, 1968. Кулаев Ч.С. Военно-организаторская и политическая работа местных партийных организаций в годы Великой Отечественной войны. — Черкесск, 1981. и др.

¹³ Алиев К.И. Заведомая ложь. // Молодой коммунист. — №5. — М., 1990.

¹⁴ Медведев Р., Ермаков Д. Серый кардинал. — М., 1992.

¹⁵ Там же, с. 63.

¹⁶ Тебуев Р.С. Депортация карачаевцев: Документы рассказывают. — Черкесск, 1997.

¹⁷ Там же, с. 32.

¹⁸ Аргутинская В. Пламя гнева. — Ставрополь, 1964.

¹⁹ Саренц Р.Г. Непокоренный край. — Ставрополь, 1962.

²⁰ Попутько А., Гнеушев В. Партизанский заслон. — Ставрополь, 1985.

²¹ Саренц Р.Г. Непокоренный край: Сб. Опаленная земля. — Ставрополь, 1985.

²² Попутько А., Гнеушев В. Указ. соч. — С. 107.

²³ Там же. — С. 86.

²⁴ Мищенко Т. Партизаны в горах Кавказа: Сб. Опаленная земля. — С. 14.

²⁵ Карачаево-Черкесия в годы Великой Отечественной войны: Материалы областной научно-практической конференции 1977 г. — Черкесск, 1982. — С. 29.

²⁶ Лайпанов Х.О. Молчание — не всегда золото. // Ленинское знамя. 25. августа 1981. — Черкесск.

²⁷ Бугай Н.Ф. Л. Берия — И. Сталину: «Согласно Вашему указанию...». — М., 1995. — С. 58.

- ²⁸ Бугай Н.Ф. Указ. соч.
- ²⁹ Гонов А.М. Проблемы депортации и реабилитации репрессированных народов Северного Кавказа: 20-90 годы XX века. Автореф. дисс... доктора ист. наук. — Ростов н/Д., 1998.
- ³⁰ Лайпанов Х.О. Указ. соч.
- ³¹ Карачаево-Черкесия в года Великой Отечественной войны. — Черкесск, 1982.
- ³² Попутько А., Христинин Ю. Именем ВЧК. — Ставрополь, 1985.
- ³³ Попутько А., Гнеушев В. Указ. соч.
- ³⁴ Авксентьев А. Крепче будет единство. — Ставрополь, 1988.
- ³⁵ Российская газета. — №38 (898). — 1994.
- ³⁶ См. указ. соч. 30, 31.
- ³⁷ Бугай Н.Ф. Указ. соч. — С. 58.
- ³⁸ Карачаево-Черкесский государственный музей-заповедник (К-Ч ГМЗ). Ф. 5. Д. 363. Ивф 252.
- ³⁹ Госархивохранилище Комитета по делам архивов К-ЧР (в дальнейшем -Госархивохранилище КЧР). Ф. 1. Оп. 2. Д. 28. Л. 15.
- ⁴⁰ Касаткин М.А. В тылу немецко-фашистских армий «Центр». — М. 1980. С. 34.
- ⁴¹ Польских Е.Б. Это мы перед тобою, Господи... — Невинномысск, 1995. — С. 17.
- ⁴² Ладыженский А. М. Адагы горцев Северного Кавказа. — М. 1946. — С. 370.
- ⁴³ Бугай Н.Ф. Указ. соч. — С. 7.
- ⁴⁴ Госархивохранилище КЧР. Ф. 1. Оп. 2. Д. 28. Л. 17.
- ⁴⁵ Саренц Р. Г. Указ. соч. — С. 22.
- ⁴⁶ К-Ч ГМЗ. Ф. 5. Нвф. 252. Д. 363.

ГЛАВА II

- ¹ Коммунистическая партия Советского Союза в Великой Отечественной войне. — М., 1961. — С. 537.
- ² Там же.
- ³ Нюрнбергский процесс. — Т. 5. — М., 1960. — С. 115.
- ⁴ Неотвратимое возмездие. — М., 1984. — С. 210.
- ⁵ Там же.
- ⁶ За линией фронта. Тула, 1968. — С. 153-154.
- ⁷ Нюрнбергский процесс. — Т. 1. — М., 1957. — С. 808-809.
- ⁸ Нюрнбергский процесс. — Т. 3. — С. 347.
- ⁹ Сталин И.В. О Великой Отечественной войне Советского Союза. — М., 1945.
- ¹⁰ Суслов М.А. В освобожденном крае. // Правда. — 26.01.1943.
- ¹¹ Бугай Н.Ф. Указ. соч. — С. 60.
- ¹² К-ЧГМЗ. Ф. МОК. Д. 178.
- ¹³ К-ЧГМЗ. ОФ. Ф. 5. Д. 338.
- ¹⁴ Там же.
- ¹⁵ Там же.
- ¹⁶ Там же. Кроме того, Ф. 5. Д. 363
- ¹⁷ Бугай Н. Ф. Указ. соч. — С. 60.
- ¹⁸ Там же. — С. 61.
- ¹⁹ Тебуев Р.С. Депортация карачаевцев... — С. 79.
- ²⁰ Там же.
- ²¹ Бугай Н.Ф. Указ. соч. — С. 61.
- ²² Тебуев Р.С. Депортация карачаевцев... — С. 53.
- ²³ Чомаев К.И. Наказанный народ. — Черкесск, 1993. — С. 63.
- ²⁴ Бугай Н.Ф. Указ. соч. — С. 59.
- ²⁵ Госархивохранилище КЧР. Ф. 45. Оп. 1. Д. 112. Л. 44-45.

- ²⁶ Тебуев Р.С. Депортация карачаевцев... — С. 80.
- ²⁷ Бугай Н.Ф. Указ. соч. — С. 90.
- ²⁸ Бугай Н. Ф. Иосиф Сталин — Лаврентию Берия: «Их надо депортировать». — М., 1992. — С. 111.
- ²⁹ Там же. — С. 110.
- ³⁰ Правда. — 9.03.1944.
- ³¹ Бугай Н.Ф. Л. Берия — И. Сталину: «Согласно Вашему указанию...» — С. 60, 126-127.
- ³² Бугай Н.Ф. Л. Берия — И. Сталину: «Согласно Вашему указанию...» — С. 60, 126-127.
- ³³ Шпион. — М., 1993. — № 1. — С. 18.
- ³⁴ Так это было. — Т. 2. — М., 1993. — С. 261-262.
- ³⁵ Залесский К.А. Империя Сталина: Биографический энциклопедический словарь. — М., 2000. — С. 411-412.
- ³⁶ Личный архив автора.
- ³⁷ Тебуев Р.С. Депортация карачаевцев: документы рассказывают. — Черкесск, 1997.
- ³⁸ Смирнов А.А. Казачьи атаманы. — М., 2002. — С. 466 — 477.
- ³⁹ Бугай Н.Ф. Л. Берия — И. Сталину: «Согласно Вашему указанию...» — С. 14-15.
- ⁴⁰ Гонов А.М. Указ. соч. — С. 46-47.
- ⁴¹ Там же. — С. 21.
- ⁴² Бугай Н.Ф. Л. Берия — И. Сталину: «Согласно Вашему указанию...» — С. 6.
- ⁴³ Там же. — С. 229.
- ⁴⁴ Депортация народов СССР (1930-1950-е гг.). — Ч. 1. — М., 1992. — С. 308-309.
- ⁴⁵ Кровавые злодеяния Оберлендера. — М., 1961. — С. 14.
- ⁴⁶ Польская Е.Б. Указ. соч. — С. 106.
- ⁴⁷ Госархивохранилище КЧР. Ф. 45. Оп. 1. Д. 106. Л. 223.
- ⁴⁸ Красный Карачай. — 1.05.1942.
- ⁴⁹ Красный Карачай. — 13.05.1941.
- ⁵⁰ Авторский подсчет. // Красный Карачай. — 1941.
- ⁵¹ Авторский подсчет. // Красный Карачай. — 1942.
- ⁵² Красный Карачай. — 11.06.1943.
- ⁵³ Там же.
- ⁵⁴ Госархивохранилище КЧР. Ф. 45. Оп. 1. Д. 111. Л. 221.
- ⁵⁵ Козлов А. И. Сталин прежде и теперь. — Грозный, 1990.

ГЛАВА III

- ¹ БСЭ. — М., 1956. — Т. 2. — С. 320.
- ² Р. Саренц. Непокоренный край. — Ставрополь, 1962.
- ³ Правда. — 26.01.1943.
- ⁴ Там же.
- ⁵ Там же.
- ⁶ Ставрополье в Великой Отечественной войне. Сборник документов и материалов. — С. 106-107.
- ⁷ Там же. — С. 108-109.
- ⁸ Там же. — С. 109-110.
- ⁹ Молодой Ленинец. — 14.11.1990.
- ¹⁰ Ставрополье в Великой Отечественной войне... — С. 120.
- ¹¹ Там же. — С. 25.
- ¹² Очерки истории Ставропольской организации КПСС. — Ставрополь, 1970. — С. 366.
- ¹³ Ставрополье в Великой Отечественной войне... — С. 116.
- ¹⁴ Очерки истории Ставропольской партийной организации КПСС. — С. 394.
- ¹⁵ Типпельскирх Курт. История второй мировой войны. — Москва, 1956. — С. 36.

¹⁶ КЧМЗ. Ф. 5. Д. 338. НВФ 262.

¹⁷ Там же.

¹⁸ ПАСК. Ф. 69. Оп. 1. Св. 1. Д. 1. Л. 55.

¹⁹ Идет война народная. — Ставрополь, 1965. — С. 20-25.

²⁰ ПАСК. Ф. 69. Оп. 1. Св. 1. Д. 1. Л. 92.

²¹ Гнеушев В., Попутько А. — Партизанский заслон. — Ставрополь, 1985. — С. 162.

²² ГАСК. Ф. 69. Оп. 1. Св. 1. Д. 1. Л. 97.

²³ Личный архив автора.

²⁴ Саренц Р. Непокоренный край: В сб. «Опаленная земля». — Ставрополь, 1985. — С. 22-23.

²⁵ Там же.

²⁶ Там же. — С. 27.

²⁷ Опаленная земля. — Ставрополь, 1985. — С. 12.

²⁸ Тюленев И. В. Крах операции «Эдельвейс». — Орджоникидзе, 1975.

²⁹ Опаленная земля. — С. 14-15.

³⁰ ЦАМО РФ. Ф. 394. Сд. оп. 1. Д. 1. Л. 2-3.

³¹ Молодой коммунист. — М., 1990. — № 5. — С. 74-75.

³² Госархивохранилище КЧР. Ф. 1. Оп. 2. Д. 74. Л. 16-17.

³³ Там же.

³⁴ КЧМЗ. Ф. 5. Дело А. М. Абанова.

³⁵ Алиев К. И. Заведомая ложь. // Молодой коммунист. — М., 1990. — № 5. — С. 74.

³⁶ КЧМЗ. Ф. 5. Д. Кислякова А. Н.

³⁷ ПАСК. Ф. 1. Оп. 7. Св. 1. Д. 1. Л. 14-27.

³⁸ ПАСК. Ф. 1. Оп. 2. Д. 419. Л. 5-7.

³⁹ ПАСК. Ф. 1. Оп. 2. Д. 419. Л. 8-11.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Там же. Ф. 1. Оп. 2. Д. Б-11. Л. 23.

⁴² Там же.

ГЛАВА IV

¹ Гнеушев В., Попутько А. Партизанский заслон. — Ставрополь, 1985. — С. 92-121.

² Опаленная земля, Карачаево-Черкесия в годы Великой Отечественной войны: Очерки истории Ставропольского края. — Т. 2. и др.

³ Госархивохранилище КЧР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 823. Л. 11.

⁴ Там же. — Л. 12.

⁵ Там же

⁶ Там же. — Л. 14-15.

⁷ ЦАМО СССР. Ф. 394 сд. Оп. 1. Д. 1. Л. 2.

⁸ КЧМЗ. Ф. 5. Д. 363. Л. 3.

⁹ Личный архив автора: Письмо Главной Военной Прокуратуры. — №3-14785-44 от 21.03.1990.

¹⁰ Там же.

¹¹ Карачай. — Черкесск. — № 71-74. — 1992.

¹² Там же.

¹³ Госархивохранилище КЧР. Ф. 45. Оп. 1. Д. 111. Л. 97.

¹⁴ Карачай. — Указ. номера.

¹⁵ Там же.

¹⁶ КЧМЗ. Ф. 5. ОФ. Д. Такманова В. М.

¹⁷ Письмо Главной Военной Прокуратуры.

¹⁸ Госархивохранилище КЧР. Ф. 347. Оп. 3. Д. 4. Л. 1.

¹⁹ ГАСК. Ф. 1852. Оп. 12. Д. 33. Л. 38.

²⁰ Госархивохранилище КЧР. Ф. 45. Оп. 1. Д. 110. Л. 239.

²¹ Там же. — Л. 210.

²² Там же. — Л. 240.

²³ Там же. — Л. 243.

²⁴ Там же. Ф. 1. Оп. 2. Д. 28. Л. 28-29.

²⁵ Там же.

²⁶ Ибрагимбеили Хаджи Мурат. Крах Эдельвейса и Ближний Восток. — М., 1982. — С. 237.

²⁷ Там же.

²⁸ Госархивохранилище КЧР. Ф. 1. Оп. 14. Ед. хр. 26. Л. 11.

²⁹ Там же.

³⁰ Там же.

³¹ Гнеушев В., Попутько А. Указ. соч. — С. 86.

ГЛАВА V

¹ История Второй мировой войны 1939-1945 гг. — М., 1976. — Т. 6. — С. 172.

² Партийный архив Краснодарского крайкома КПСС. Ф. 4373. Оп. 1. Д. 17. Л. 19-28.

³ Госархивохранилище КЧР. Ф. 1. Оп. 29. Д. 14. Л. 10.

⁴ Там же. — Л. 14.

⁵ КЧМЗ. Ф. МОК. Д. Семенова А.Х.

⁶ Там же. Д. Батчаева М.К.

⁷ Госархивохранилище КЧР. Ф. 1. Оп. 29. Д. 14. Л. 6.

⁸ КЧМЗ. Ф. МОК. Д. Батчаева М.К.

⁹ Госархивохранилище КЧР. Ф. 1. Оп. 29. Д. 14. Л. 7.

¹⁰ КЧМЗ. Ф. МОК. Д. Семенова А.Х.

¹¹ Госархивохранилище КЧР. Ф. 1. Оп. 29. Д. 14. Л. 9.

¹² Там же. — Л. 8.

¹³ Карачаево-Черкесия в годы Великой Отечественной войны. — Черкесск, 1982. — С. 23.

¹⁴ Там же. — С. 26.

¹⁵ КЧМЗ. Ф. 5. НВФ. Д. 363.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Карачаево-Черкесия в годы Великой Отечественной войны. — С. 26.

¹⁸ Ленинское знамя. — Черкесск, 1982.

¹⁹ Госархивохранилище КЧР. Ф. 1. Оп. 29. Д. 14. Л. 5.

²⁰ Там же. Ф. 347. Оп. 3. Д. 126. Л. 8.

²¹ Там же. — Л. 10.

²² Там же. — Л. 9-10.

²³ Там же. — Ф. 45. Оп. 3. Д. 33. Л. 6, 10.

²⁴ Молодой ленинец. — Ставрополь, 14.11.1990.

²⁵ Личный архив автора.

²⁶ Молодой ленинец. 14.11.1990.

²⁷ Госархивохранилище КЧР. Ф. 1. Оп. 29. Д. 14. Л. 8-10.

²⁸ Там же. — Л. 1.

²⁹ Там же. — Л. 11-12.

³⁰ Там же. — Л. 4.

³¹ Там же. — Л. 3.

ГЛАВА VI

- ¹ ПАСК. Ф. 69. Оп. 1. Д. 16. Л. 10.
- ² Jugend im Krieg 1940-1945. Kriegstagebuch. – Stuttgart, 2002. – S. 61-62.
- ³ Госархивохранилище КЧР. Ф. 347. Оп. 3. Д. 8.
- ⁴ Kaltenegger R. Gebirgsjäger im Kaukasus. – Stuttgart, 1997. – S. 75.
- ⁵ КЧМЗ. ОФ. Ф. 5. Д. 363.
- ⁶ Там же.
- ⁷ Там же.
- ⁸ КЧМЗ. ОФ. Ф. 5. Д. 338. Ивф. 230-262.
- ⁹ ЦАМО РФ.
- ¹⁰ Kaltenegger R. – S. 73-75.
- ¹¹ Там же.
- ¹² Госархивохранилище КЧР. Ф. 347. Оп. 3. Д. 9. Л. 9.
- ¹³ Там же. – Д. 7. Л. 9.
- ¹⁴ Там же. – Д. 8. Л. 1-7.
- ¹⁵ Госархив КЧР. Ф. 161. Оп. 1. Д. 39. Л. 6.
- ¹⁶ Госархивохранилище КЧР. Ф. 347. Оп. 3. Д. 5. Л. 7, 11.
- ¹⁷ Там же. – Л. 5.
- ¹⁸ Kaltenegger R. – S. 75.
- ¹⁹ ЦАМО РФ. – Ф. 394 сд. Оп. 1. Д. 1. Л. 2.
- ²⁰ Госархивохранилище КЧР. Ф. 347. Оп. 3. Д. 2. Л. 1.
- ²¹ Там же. Д. 1. Л. 5-18.
- ²² КЧМЗ. Ф. 5. Д. 254.
- ²³ Там же.
- ²⁴ Там же.
- ²⁵ Jugend im Krieg. – S. 57.
- ²⁶ КЧМЗ. Ф. 5. Д. 254.

ГЛАВА VII

- ¹ Ставрополье в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг. – Ставрополь, 1962. – С. 148.
- ² Очерки истории Ставропольского края. – Ставрополь, 1986. – Т. 2. – С. 239.
- ³ Ставрополье в великой отечественной войне. – С. 148-149.
- ⁴ ПАСК. Ф. 69. Оп. 1. Д. 1. Л. 29.
- ⁵ ЦАМО РФ. Ф. 37 А. Оп. 1. Д. 1. Л. 28.
- ⁶ Ставрополье в Великой Отечественной войне. – С. 197.
- ⁷ Военно-исторический журнал. – М., 1962. – № 1. – С. 17.
- ⁸ Гнеушев В., Попутько А. Партизанский заслон. – С. 140.
- ⁹ В.И. Дашичев. Банкротство стратегии германского фашизма. – Т. 2. – С. 367.

ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ

- ¹ Соколов Б.В. Оккупация. Правда и мифы. – М., 2002. Его же: Берия. Судьба всемогущего наркома. – М., 2003.
- ² Красный Карачай. – 17.05.1943.
- ³ Красный Карачай. – 24.10.1943.
- ⁴ Красный Карачай. – 29.06.1943.
- ⁵ ПАСК. Ф. 1. Оп. 2. Д. 416. Л. 71.
- ⁶ Соколов Б.В. Берия. – С. 162-163.
- ⁷ Юлиус Мадер. Абвер: шит и меч третьего рейха. – Ростов н/Д., 1999. – С. 263.
- ⁸ Соколов Б.В. Берия. ... – С. 163-163.
- ⁹ Konrad R. Kampf um den Kaukasus. – Munchen, 1954.
- ¹⁰ Соколов Б.В. Берия. ... – С. 168.
- ¹¹ Там же. – С. 167.

ПРИЛОЖЕНИЯ

ПЛАН ОРГАНИЗАЦИИ ПАРТИЗАНСКОГО ДВИЖЕНИЯ НА ТЕРРИТОРИИ КРАЯ

22 июля 1942 г.

Для действий, в случае необходимости, в тылу противника, при вторжении его на территорию Орджоникидзевого края, надлежит организовать партизанские отряды и диверсионные группы, исходя из нижеследующего:

I. ЦЕЛИ И ЗАДАЧИ ПАРТИЗАНСКИХ ОТРЯДОВ

1. Партизанские отряды тесно связываются с населением, систематически ведут среди населения массово-политическую работу (беседы, собрания, издание листовок, газет и т. п.), рассказывая правду об Отечественной войне и текущих событиях и разоблачая немецко-фашистскую ложь.

В целях укрепления хозяйственной и политической базы для борьбы с фашистскими захватчиками, партизанские отряды везде, где создается к этому реальная возможность (удаление от района [дислокации] крупных воинских частей врага и т. п.), восстанавливают Советы, колхозы и все порядки нормальной советской жизни.

2. Партизанские отряды и диверсионные группы должны вести разведку для Красной Армии, а равно и для своей оперативной борьбы:

а) передвижения и расположения войск противника в районе их действий, численности и вооружения, расположения штабов и баз боеприпасов, горючего и продовольствия, аэродромов и посадочных площадок, количества самолетов на них, а также характера и мест военного строительства;

б) политических и экономических мероприятий противника на оккупированной территории;

в) отношения местного населения к оккупантам;

г) предателей, перешедших на службу к фашистам.

II. ПОРЯДОК ОРГАНИЗАЦИИ И ИСТОЧНИКИ КОМПЛЕКТОВАНИЯ ПАРТИЗАНСКИХ ОТРЯДОВ

1. Партизанские отряды создаются во всех районах и городах края численностью от 30 до 100 человек в каждом отряде, в зависимости от особенностей районов действий и наличия мест укрытия. В составе партизанских отрядов, а в необходимых случаях и независимо от них могут быть созданы диверсионные группы в составе 4 человек, среди них один старший.

Диверсионные группы имеют целью совершать систематические взрывы, поджоги, порчу и разрушения напредприятиях, электростанциях и железных дорогах тылу противника.

2. Партизанские отряды организуются на базе ныне существующих истребительных батальонов. Имеющееся вооружение истребительных батальонов передается партизанским отрядам.

Партизанские отряды и диверсионные группы формируются из числа проверенных, преданных, смелых, самоотверженных, изъявивших готовность действовать в тылу противника бойцов истребительных батальонов, партийно-советского, комсомольского актива и работников органов НКВД, милиции и пожарной охраны.

3. Личный состав (бойцы, командиры и политработники) партизанских отрядов отбираются персоналом после тщательной проверки каждой кандидатуры с тем, чтобы была полностью исключена возможность проникновения в отряды агентуры врага, а также трусов и малодушных.

Отобранные кандидатуры рассматриваются и персонально утверждаются узким заседанием райкомов ВКП(б) и списком (с указанием партийности, бывшего места работы и должности) представляются на согласование в крайком партии лично секретарем райкома, горкома.

4. Вся работа по отбору кандидатур в партизанские отряды и диверсионные группы надлежит провести не позднее чем в десятидневный срок первому секретарю, в строго секретном порядке, не ставя пока в известность заинтересованных лиц, до получения указания крайкома ВКП(б).

После получения указания из края в случае приближения врага к району надлежит переговорить с каждым будущим бойцом партизанского отряда. Освобождать от участия в отряде лиц, проявивших малодушие.

Окончательное зачисление в партизанский отряд производится после принятия каждым бойцом, командиром и политработником торжественной клятвы партизан.

5. Особое внимание обратить на подбор командиров, комиссаров и начальников штабов партизанских отрядов. Считать целесообразным на эти посты выдвигать секретарей райкомов, начальников НКВД и милиции, председателей райисполкомов, райвоенкомов, других руководящих работников и бывших руководителей партизанских отрядов периода гражданской войны, способных возглавить партизанскую борьбу и хорошо знающих район предстоящих боевых действий партизанского отряда.

Командиры, комиссары и начальники штабов партизанских отрядов утверждаются краевым комитетом ВКП(б).

6. В помощь партизанским отрядам по возможности в каждом населенном пункте создается группа содействия партизанам, в задачу которой входит в первую очередь информирование партизан о передвижениях и скоплениях немецко-фашистских частей, сбор и укрытие вражеского оружия и распространение среди населения листовок и газет, доставляемых партизанами. Руководят этими группами организаторы, специально выделяемые партизанским отрядом или подпольной парторганизацией.

7. Учитывая, что партизанам придется вести борьбу с коварным врагом, вооруженным до зубов современной техникой, необходимо сейчас же развернуть подготовку из бойцов истребительных батальонов: подрывников, истребителей танков, минометчиков, гранатометателей, пулеметчиков, разведчиков; организовать изучение методов партизанской борьбы, а также изучение вражеской военной техники с тем, чтобы потом уметь пользоваться ею.

8. Партизанский отряд, в особенности его руководители, обязаны одновременно тщательно изучить местность, где предполагаются действия отряда.

9. Партизанским движением на территории района руководит подпольная парторганизация во главе с райкомом (горкомом) ВКП(б).

10. Партизанский отряд должен поддерживать связь с соседними партизанскими отрядами.

III. ПАРТИЗАНСКИЕ БАЗЫ. ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЕ И ВЕЩЕВОЕ СНАБЖЕНИЕ

1. Для каждого партизанского отряда нужно заблаговременно подготовить места базирования, оборудовать не менее 2 тщательно замаскированных землянок в разных местах. При каждой землянке оборудовать печь, плиту, склад для боеприпасов и продовольствия и по возможности баню.

При выборе мест базирования отряда необходимо исходить из местности, благоприятствующей укрытию отряда, наличия воды и т. п., а также из того, чтобы с данной базы партизанский отряд мог наносить врагу наибольший ущерб, памятуя, что партизаны не избегают, а ищут врага, чтобы истребить и уничтожить его.

2. Для партизанского отряда должны быть заранее подготовлены и при приближении противника к району заложены на подготовленных базах:

а) запасы боеприпасов, взрывчатых материалов, снаряжения саперного инвентаря, бутылок с горючей жадностью, рогулк из отходов металла для борьбы с автомашинами противника путем разброски их по дорогам;

б) запасы продовольствия на 5–6 месяцев, согласно примерным нормам питания, в первую очередь за счет высококалорийных и малообъемных продуктов: мука, крупа, сухари, галеты, макароны, сало, солонина, чай, табак, спички, вино и спирт, консервы, овощи, сушеные фрукты, соль;

в) запасы одежды, белья и обуви.

Создание вещевого фонда по особому заказу, с учетом заготовки разной одежды и обуви, приспособливая ее к условиям района действия партизанских отрядов и не допуская как на белье, так и на верхней одежде каких-либо штампов.

3. При каждом партизанском отряде иметь 1–2 медицинские сестры и запас медикаментов, перевязочных средств, а также мыла и свечей.

Секретарь Орджоникидзевского крайкома ВКП(б)

М. Суслов.

ОБРАЩЕНИЕ КРАЙКОМА ВКП(б) К НАСЕЛЕНИЮ СТАВРОПОЛЬЯ, ТЕРЕКА И КУБАНИ ОБ ОРГАНИЗАЦИИ ШИРО- КОЙ ПАРТИЗАНСКОЙ БОРЬБЫ В ТЫЛУ ВРАГА

ДОРОГИЕ БРАТЬЯ И СЕСТРЫ СТАВРОПОЛЬЦЫ, ТЕРЦЫ И КУБАНЦЫ!

Вы временно подпали под иго чужеземных фашистских захватчиков. Русский человек всегда любил свободу и независимость, и теперь он не потерпит порабощения. Близок час вашего освобождения.

Немецкое командование, сосредоточив на узком участке фронта большие силы и свои главные резервы, добилось на юге нашей страны временных успехов, захватив значительную часть Северного Кавказа, в том числе и многие районы Орджоникидзевского края.

Однако планы немецкого командования овладеть Сталинградом, захватить Кавказ и кавказскую нефть и затем бросить освободившиеся силы против Москвы и Ленинграда провалились.

Вот уже более 2 месяцев, как хваленые немецкие банды топчутся на Тереке и у Сталинграда. Каждый день немцы теряют тысячи и тысячи солдат и офицеров, много техники и вооружения. Их многочисленные попытки вести наступление разбиваются о всевозрастающую стойкость наших героических воинов.

Каждый метр нашей родной земли усеян трупами немецких солдат и офицеров. Поганая кровь коричневых зверей потоками течет теперь в предгорьях Кавказа и у стен Сталинграда.

Бои на Тереке, у Сталинграда показывают, что сила удара немецко-фашистских войск в ходе боев ослабевает, а сила сопротивления Красной Армии с каждым днем возрастает. Героические воины Красной Армии стойко и храбро бьются за родную землю, перемалывают вражеские войска. Немецкая банда получает все более и более сокрушительные удары и на нашем участке фронта. И недалек тот день, когда наши родные Терек, Кубань и Ставрополье будут очищены от немецких захватчиков.

Славные партизаны Орджоникидзевского края, помогая Красной Армии, нещадно уничтожают фашистскую нечисть.

Впереди решающие бои! В успехе этих боев исключительная роль принадлежит вам, советским патриотам, находящимся во временно захваченных немцами районах. Через ваши села и станицы гнусный враг направляет к линии фронта свои войска и вооружение. Каждый из вас может оказать громадную помощь Красной Армии и славным партизанам в их священной и освободительной борьбе!

ДЛЯ ЭТОГО НЕОБХОДИМО:

Наносить решительные удары по коммуникациям врага, пускать под откос поезда с войсками и военными грузами, уничтожать автотранспорт, обозы.

ЭТО ДЕЛАТЬ НЕТРУДНО!

Войска и танки немцев, когда они находятся в эшелонах, бессильны и могут быть уничтожены небольшой группой советских патриотов.

Связь телеграфная, телефонная и радио играют большую роль в боевых операциях. Чтобы подорвать ее вражеской армии, лишить ее возможности быстро действовать, ослабить ее боеспособность, необходимо: разрушать вражескую связь, уничтожать все средства связи противника.

ЭТО ДЕЛАТЬ НЕТРУДНО!

Для уничтожения связи противника не всегда нужны действия целых групп людей. Даже один человек может во многом навредить немецким оккупантам.

Каждый советский патриот в тылу врага может и должен быть активным бойцом великой освободительной войны нашего народа против немецких поработителей!

Советские патриоты!

Помогайте всеми силами и средствами славным партизанам!

Не давайте немцам ни минуты покоя!

Бейте немцев везде!

Взрывайте их штабы и склады!

Уничтожайте немецко-фашистскую нечисть всеми методами, всеми средствами!

Пусть каждый метр нашей земли несет смерть гитлеровцам!

Смерть немецким оккупантам!

Секретарь Орджоникидзевского крайкома ВКП(б)

М. Сулов.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ БЮРО КРАЙКОМА ВКП(б) ОБ ОБРАЗОВАНИИ ПРИ КРАЙКОМЕ ПАРТИИ ОТДЕЛА ПАРТИЗАНСКОГО ДВИЖЕНИЯ

19 ноября 1942 г.

1. Для усиления руководства партизанским движением образовать при крайкоме ВКП(б) отдел партизанского движения в составе 3 ответственных работников (заместителя зав. отделом и 2 инструкторов) в пределах существующих штатов.

Утвердить зав. отделом партизанского движения секретаря крайкома ВКП(б) т. В. В. Воронцова.

II. Возложить на отдел партизанского движения крайкома ВКП(б) следующие функции:

1. Общее направление действий партизанских отрядов.
2. Установление регулярной связи с партизанскими отрядами.
3. Обобщение боевых действий партизанских отрядов края.
4. Организация разведки в тылу противника.

5. Формирование новых партизанских отрядов.
6. Обеспечение своевременного получения пособий семьями партизан и пенсий семьями погибших партизан. Контроль за движением личного состава партизанских рядов.
7. Подготовка вопросов о представлении к орденам медалям отличившихся партизан. Популяризация их.
8. Вопросы обеспечения партизанских отрядов вооружением и боеприпасами, а также обмундированием и продовольствием.
9. Проведение политической работы в партизанских отрядах и организация массовой работы отрядов среди населения оккупированных районов (вместе с отделом пропаганды и агитации).

III. Просить ЦК ВКП(б) утвердить настоящее постановление.

Секретарь Орджоникидзевского крайкома ВКП(б)
М. Сулов

**ПОСТАНОВЛЕНИЕ
БЮРО КРАЙКОМА ВКП(б) О СОЗДАНИИ КРАЕВОГО ШТАБА ПАРТИ-
ЗАНСКОГО ДВИЖЕНИЯ**

30 декабря 1942 г.

1. Образовать краевой штаб партизанского движения в составе следующих товарищей: М. А. Сулова (начальник штаба), М. И. Золотухина (зам. начальника штаба по оперативной части), В. В. Воронцова (зам. начальника штаба по разведывательной части) и В. М. Панкова.
2. В связи с образованием штаба отдел партизанского движения при крайкоме ВКП(б) упразднить.

Секретарь Орджоникидзевского крайкома ВКП(б)
М. Сулов.

**ПРИКАЗ НАЧАЛЬНИКА КРАЕВОГО ШТАБА
ПАРТИЗАНСКОГО ДВИЖЕНИЯ М.А. СУСЛОВА
О РЕШИТЕЛЬНОМ УСИЛЕНИИ БОРЬБЫ
С ПРОТИВНИКОМ**

30 декабря 1942 г.

В соответствии с постановлением бюро крайкома ВКП(б) и в связи со значительным ослаблением позиций противника на нашем участке фронта приказываю:

1. Штабу партизанских отрядов Южной группы продвинуть партизанские отряды группы на территорию, временно оккупированную противником, для

дезорганизации его основных коммуникаций, указанных в постановлении крайкома ВКП(б) от 21 декабря 1942 г. с тем, чтобы сорвать мероприятия немецкого командования по вывозу с территории края живой силы и техники, вывозу населения, угону скота и вывозу зерна и имущества.

2. Партизанским отрядам Южной группы проявить при решении поставленных перед ними задач присущую советским партизанам сметку, беззаветную смелость, мужество и отвагу.

*Начальник краевого штаба партизанского движения,
член Военного Совета Северной группы Закавказского фронта
М. Сулов*

**ПРИКАЗ
НАЧАЛЬНИКА КРАЕВОГО ШТАБА ПАРТИЗАНСКОГО
ДВИЖЕНИЯ М.А. СУЛОВА ОБ АКТИВИЗАЦИИ БОРЬБЫ ПАРТИ-
ЗАНСКИХ ОТРЯДОВ В КАРАЧАЕ И ЧЕРКЕСИИ**

31 декабря 1942 г.

Коренное изменение обстановки на фронте, созданное успешным наступлением частей Красной Армии, в первую очередь в районе Среднего Дона, г. Сталинграда и Калмыкии, поставило в критическое положение немецкую группировку, проникшую в районы Северного Кавказа. Части Красной Армии, освободив Котельниково, Заветное, Яшкуль, Торговое, Ремонтное, продвигаются дальше на г. Ростов и вплотную подходят к северным районам нашего края. С юга части Красной Армии теснят противника с территории Северной Осетии и с территории Моздокского, Курского и Степновского районов. Немецкое командование стремится усиленно вывести на север живую силу и военную технику, чтобы спасти ее от скорого неминуемого разгрома, уводит из оккупированных им районов население, угоняет скот, вывозит зерно и другое имущество. В этой обстановке партизанские отряды должны, как никогда, проявить себя беспощадными народными мстителями, смелыми, бесстрашными дезорганизаторами тыла противника, срывая все указанные выше мероприятия немецкого командования.

ПРИКАЗЫВАЮ:

1. Штабу партизанских отрядов, действующих в Карачае и Черкесии, всемерно активизировать борьбу всех отрядов, как того требует сегодняшняя обстановка, продвигаясь при первой возможности в северо-восточные районы. Развернуть там борьбу по истреблению мелких гарнизонов противника, предателей и по дезорганизации вражеского тыла, в особенности работы железнодорожных линий: Усть-Джегутинская — Невинномысская и Невинномысская — Минеральные Воды. Срывать все мероприятия немецкого командования по выводу из края своей живой силы и техники, уводу населения,

угону скота, вывозке зерна и разного имущества. Организовать широкую разъяснительную работу среди населения об успехах Красной Армии.

2. Партизанским отрядам при решении поставленных перед ними задач проявить присущую советским партизанам сметку, беззаветную смелость, отвагу и мужество. В своих дальнейших действиях наши отряды должны исходить из того, что в гарнизонах населенных пунктов края немцев, как правило, нет, а там, где они в небольшом количестве имелись, спешно выводятся на север.

Полицейские отряды, состоящие из предателей, на которых немцы возложили сейчас обеспечение «порядка» и борьбу с партизанами, не представляют собой сколько-нибудь серьезной силы.

*Начальник краевого штаба партизанского движения,
член Военного Совета Северной группы войск
Закавказского фронта М. Суслов.*

Зам. начальника штаба по оперативной работе М. Золотухин

Зам. начальника штаба по разведке В. Воронцов.

**ОБРАЩЕНИЕ СЕКРЕТАРЯ СТАВРОПОЛЬСКОГО
КРАЙКОМА ПАРТИИ М. СУСЛОВА И ПРЕДСЕДАТЕЛЯ ИСПОЛКО-
МА КРАЙСОВЕТА В. ШАДРИНА
К КОЛХОЗНИКАМ И КОЛХОЗНИЦАМ. РАБОЧИМ
И РАБОТНИЦАМ, ВСЕМ ТРУДЯЩИМСЯ КАРАЧАЯ**

26 июля 1943 г.

ДОРОГИЕ ТОВАРИЩИ!

Краевой комитет Всесоюзной Коммунистической Партии (большевиков) и исполком краевого Совета депутатов трудящихся приветствуют Вас с успешным завершением весеннего сева и блестящим проведением подписки на Государственный Военный Заем.

Мы знаем, товарищи, что в основе этих побед лежит горячая любовь всего карачаевского народа к своей Советской Родине и страшная неугасимая ненависть к проклятым гитлеровским собакам. Фашистские подлещи нанесли огромный урон сельскому хозяйству Карачая и создали величайшие трудности в проведении весеннего сева; они разрушили машинно-тракторные станции, порезали скот и разворовали семенное зерно. Но трудящиеся Карачая не пали духом. Охваченные могучим патриотическим порывом, вдохновленные первомайским приказом великого Сталина, колхозники Карачая с удвоенной энергией принялись за работу и добились серьезных успехов.

Товарищи карачаевцы! Исполнилось два года, как наша страна ведет великую Отечественную войну против озверелых полчищ фашистской Германии. Верные сыны советского народа — русские, украинцы, народы Кавказа и Средней Азии,

с оружием в руках, с беспримерной храбростью отстаивают честь, свободу и независимость своей Родины, право на счастливую и радостную жизнь. Рука об руку с великим русским народом сражаются за родину и сыны советского Карачая. Отважные горцы не шадят своих жизней в ожесточенных битвах, зная, что они идут в бой за правое дело. Гвардии красноармеец, прославленного корпуса генерала Доватора, славный храбрый сын карачаевского народа Каракотов Исса Заурбекович уничтожил 17 гитлеровцев и в неравной схватке с врагом погиб смертью героя; память о нем будет вечно жить в наших сердцах. Меткие снайперы-гвардейцы, удостоенные правительственных наград, карачаевцы Магомет Мутчаев и Осман Гочияев истребили более двухсот немцев.

Товарищи! Все еще памятно дореволюционное прошлое карачаевского народа. Величайшие страдания, нищету и бесправие пришлось вынести ему на своих плечах. Двойной гнет местных феодалов и царских чиновников давил земледельцев и животноводов горного Карачая, обрекал их на неизбежное вымирание. Октябрьская Революция, партия большевиков, великий русский народ помогли сбросить ненавистное иго поработителей, и дни освобождения стали началом подлинного политического, хозяйственного и культурного расцвета советского Карачая. Большевики организовали горцев на разработку богатств, которые таили горы, на освобожденной земле ярко засверкали огни индустриализации. На сочные горные пастбища вышли бесчисленные колхозные табуны коней, гурты крупного рогатого скота, отары овец и коз. Тучные хлеба заколосились в благодатных долинах. На берегах стремительной Кубани вырос город-цветник Микоян-Шахар.

Счастливый свободный советский народ

Сегодня богато и вольно живет.

Он новые песни о счастье поет

И славит орлиную силу —

пел столетилетний Касбот Кочкаров душа и совесть карачаевского народа.

Фашистские варвары нарушили мирный труд нашей страны. Из-за угла, точно разбойники, они напали на родную землю, стремясь разграбить и поработить Союз Советских Социалистических Республик. В 1942 году, воспользовавшись временными преимуществами, немецкие захватчики ворвались в пределы Северного Кавказа. Для карачаевского народа, как и для трудящихся нашего края наступили дни тяжелых испытаний. Гитлеровские бандиты, грабители и кровопийцы огнем и мечом прошли по аулам и городам Карачая. За время оккупации гитлеровские варвары уничтожили больше 150 тысяч голов скота, разрушили промышленные предприятия, разворовали колхозы, превратили в конюшни школы, замучили и убили в области 6 тысяч карачаевцев, абазинцев, русских, осетин — лучших и преданных советской Родине людей.

Главарь преступной фашистской шайки Гитлер презрительно называет карачаевцев и другие мусульманские народы «монголоидной низшей расой», которые должны стать рабами — немецкой арийской расы. Осуществляя эту подлую цель, гитлеровцы хотели закабалить карачаевский народ. Одновременно они с шакалей хитростью пытались поссорить карачаевский народ со

своим старшим братом — великим русским народом, чтобы попытаться разбить их поодиночке. Во всем этом мерзком деле немецким фашистам помогали предатели и изменники карачаевского народа, исконные его враги — старый разбойник Байрамуков Кады, помещики Дудов и Байчоров, крупные скотоводы и кулаки Салпагаров и Хачиров и некоторые другие, на брюхе ползавшие перед немецкими псами, торгуя кровью и свободой своего народа.

Но ни страшные расправы и шакалья хитрость фашистов, ни предательство байрамуковых, байчоровых и им подобных, не сломили гордый дух народов, населяющих Карачай, не поколебали дружбы народов СССР, не отняли у карачаевцев святой любви к Советской Родине и к великому вождю народов товарищу Сталину. Все, кому дороги были интересы Родины и своего народа, ушли в горы и повели ожесточенную партизанскую войну с врагом. В героических боях горные советские орлы истребляли немецких захватчиков, под ударами партизанских отрядов таяли гитлеровские гарнизоны, падали сраженные меткими пулями предатели Родины. С восхищением и глубоким уважением трудящиеся края произносят имена народных мстителей — Зои Эркиновой, Якуба Чомаева, Михаила Исакова и других.

Красная армия навсегда изгнала немецкие орды с Северного Кавказа. Русские воины вновь помогли карачаевскому народу водрузить на освобожденной земле Красное знамя Советов. Близится день окончательного и полного изгнания фашистских черных полчищ со священных земель Советского Союза.

После освобождения родной земли от оккупантов трудящиеся Карачая горячо принялись за восстановление разрушенного хозяйства. И этот благородный труд дает прекрасные плоды. Успешным завершением весеннего сева колхозники Карачая заложили основу высокого военного урожая. Собираются колхозные стада. Восстанавливаются промышленные предприятия, школы, больницы. Но это только часть проделанной работы.

Советское правительство оказывает трудящимся нашего края огромную помощь; оно отпустило более 100 миллионов рублей для того, чтобы как можно скорее восстановить все, что разрушено немцами. Большие миллионы отпускаются и на восстановление народного хозяйства Карачая. На Сталинскую заботу ответим, товарищи, еще более дружной и самоотверженной работой.

Родина и Красная Армия требуют нового напряжения сил для нанесения решающего удара по врагу — больше сырья для оборонной промышленности, больше хлеба, мяса, молока и масла для Красной Армии!

Товарищи колхозники, колхозницы и все трудящиеся Карачая! Краевой Комитет ВКП(б) и Исполком Крайсовета депутатов трудящихся призывают Вас к еще более упорному и самоотверженному труду ради быстреего достижения победы над врагом. Не ослабляя усилий, боритесь за высокий урожай, организуйте образцовый уход за посевами, готовьтесь по — большевистски провести уборку урожая!

Еще напряженнее трудитесь над восстановлением животноводства. Пусть тучные стада вновь покроют зеленые склоны гор, а страна и Красная Армия в изобилии получат продукты животноводства!

Быстрее восстанавливайте промышленные предприятия, повышайте производительность труда, улучшайте качество изделий, снижайте их себестоимость!

Быстрее восстанавливайте школы и другие культурные учреждения, неустанно двигайте вперед дело народного образования!

Всемерно помогайте беспощадно громить гитлеровское охвостье — предателей карачаевского народа и нашей советской Родины! Никакой пощады врагам народа!

Все для фронта, все для победы над врагом!

Да здравствует дружба народов Советского Союза!

Да здравствуют народы Карачая!

Да здравствует наша великая Родина!

Да здравствует наша победоносная Красная Армия!

Да здравствует большевистская партия и вождь народов — маршал Советского Союза, великий и мудрый Сталин!

*Секретарь Ставропольского Крайкома ВКП(б),
депутат Верховного Совета СССР,
член Центрального Комитета ВКП(б) М. Суслов*

*Председатель Исполкома Крайсовета депутатов трудящихся,
депутат Верховного Совета СССР В. Шадрин.*

**ИЗ ИНФОРМАЦИИ
СЕКРЕТАРЯ ПРЕГРАДНЕНСКОГО РК ВКП(б)
САМОЙЛОВА КАРАЧАЕВСКОГО ОБКОМА ВКП(б)
ЩЕПИНУ О МОРАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОМ
СОСТОЯНИИ НАСЕЛЕНИЯ РАЙОНА**

18 апреля 1943 г.

...Во время немецко-фашистской оккупации Преградненский район много пострадал от немецких варваров. Надо сказать, что пострадало главным образом население рабочих поселков золотой и лесной промышленности. Крестьянское население менее пострадало, поэтому сейчас во многом сказывается их прошлая реакционность: неуверенность в восстановлении Советской власти, выжидание немцев, недовольство колхозным строем. Особенно это наблюдается в ст. Преградной.

Карачаевское население проявляет большую активность в проведении всех мероприятий советской власти, оно дружно работает в колхозах, а также принимает участие в общественной жизни.

Секретарь Преградненского РК ВКП(б) Самойлов

11/15/42
В. С. Сидоров
В. С. Сидоров

ВСЕСОЮЗНАЯ КОМУНИСТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ (большевиков)
СТАВРОПОЛЬСКИЙ КРАЕВОЙ КОМИТЕТ
ГОР. СТАВРОПОЛЬ

8

№: Отделу кадров, Керченскому обкому РКП(б)

ВЫПИСКА ИЗ ПРОТОКОЛА № 27
ЗАСЕДАНИЯ БЮРО СТАВРОПОЛЬСКОГО КРАЕВОГО КОМИТЕТА ВКП(б)

От 3 сентября 1942 г.

Слушав:

§-4. О Батчаеве М.А.
Т.Т. Батчаев, Младший,
Токаев, Тихонов, Буслив

Постановка:

§-4. 1. Применять объяснение Батчаева о преследии и деятельности его в течение ноября 1942 и января 1943 г. на территории, оккупированной немцами неудовлетворительным и неискренним.

2. За нежелание выдвинуть коммюне Красной Армии и проявления бездеятельности, а также осужден Комитетом партии - Батчаева и работ первого секретаря Учкуланского райкома РКП(б) снять.

Секретарь Ставропольского
ВКП(б) РКП(б)

М. Сидоров

/М. Сулош

11/15/42
18/11/42
В. С. Сидоров

ВСЕСОЮЗНАЯ КОМУНИСТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ (большевиков)

УЧКУЛАНСКИЙ РАЙОННЫЙ КОМИТЕТ

Карагачевской Автономной Области. Аул Учкулан.

9

Строго секретно

№ _____

В К Р К А
на протекста № 13 Звездам Бюро
Учкуланского РК ВКП(б)

от 8 сентября 1943 г.

И У Ш А Н А : §1.0 ссылаясь на решение секретаря Райкома ВКП(б)
БАТЧАЕВА Муслима Карагачевского.
(Т. Дидонина)

ПОСТАНОВИЛИ: С оглядкой в решении Бюро Карагачевского ОКРК
ВКП(б) от 08.09.42 г. снять с работы БАТЧАЕВА Муслима
Карагачевского.

Президент Сек.ком ВКП(б) Мустафаев Мустафаевича.

СЕКРЕТАРЬ РК ВКП(б) *М. Сулош* (Уадеков)

Первому секретарю Карачаево-Черкесского обкома КПСС
тов. МУРАХОВСКОМУ В.С.

Бывшего разведчика-радииста, ныне электро-
мастера фабрики "Шуйский пролетарий", члена
КПСС с января 1944 года Забегалова Дмитрия
Фёдоровича, проживающего в г.Шуе Ивановской
области, площадь Фрунзе, д. 10, кв. 1,

З А Я В Л Е Н И Е

Извините, что отнимаю у Вас время, но я хочу обратиться к Вам
с большой просьбой и надеюсь, что Вы её удовлетворите.

С декабря 1941 г. по 9 августа 1942 г. я учился в спецшколе
№ 3 при ЦК ВКП/б/, которая готовила радиистов для работы в тыловой
разведке на временно оккупированной территории СССР. После её
окончания был направлен в Южный штаб партизанского движения, в
военскую часть № 00125 /г. Сочи/. По распоряжению начальника Юж-
ного штаба полковника, впоследствии генерал-полковника, начальника
контрразведки Советской Армии, Хаджимара Мамсурова я был направ-
лен в распоряжение политрука Батчаева Мудалифа Каракозовича,
который по приказу Мамсурова направлялся для работы в тыловой
разведке на оккупированной территории Караяя, Черкесии и района
Кавминвод.

Выехав из города Сочи, мы на специальной машине прибыли в
сентябре 1942 года в г.Орджоникидзе, где находился штаб 37 армии.
Оттуда мы отправились в Кабардино-Балкарскую АССР для пополнения
нашей разведгруппы и выполнения особого задания Южного штаба
партизанского движения. В районе Тырнаузского комбината к нам
присоединились ещё трое - ставший лейтенант госбезопасности
Ахмат Семёнов, лейтенант Илья Лубенцов и Мурат Хутов.

Наша разведгруппа в составе пяти человек под командованием политрука Батчаева М.К. в ноябре 1942 года в районе указания комбината пересекла линию фронта и обосновалась на территории Карачаевской автономной области. Лубенцова мы оставили в Мало-карачаевском районе для сбора сведений в районе и на линии Кавминвод /впоследствии он героически погиб/, а Хутова - в аул Красный Восток - с той же целью. Семёнов обосновался в ауле Новый Карачай, а Батчаев и я работали конспиративно в районе Мисаха /Карачаевска/ и Теберды. Из разных точек мы передвигались по радию различные разведданные Главному штабу партизанского движения и в штаб 37 армии.

После изгнания немецко-фашистских захватчиков из Карачая Батчаев М.К. по распоряжению члена Военного Совета Главного штаба партизанского движения, первого секретаря Ставропольского крайкома КПСС тов. Сулова М.А. был отозван из воинской части и оставлен на партийной работе в области, принимал активное участие в борьбе против бандитизма, в восстановлении народного хозяйства.

Я же по распоряжению своего командира Батчаева М.К. был командирован в штаб своей части, затем полгода проработал в тылу врага на территории Крыма, потом в составе 395 Таманской дивизии участвовал в боях до конца войны. Демобилизовался из армии в 1946 году по болезни.

До недавнего времени я думал, что мой бывший командир Батчаев М.К. погиб в 1943 г. /так мне передали в Главном штабе партизанского движения/. Лишь в 1975 году мне стало известно, что он жив, и в октябре 1976 года я с семьёй приехал к нему в гости. Здесь я узнаю, что он в сентябре 1943 г. был необоснованно репрессирован. Впоследствии он полностью реабилитирован, но, к сожалению, в партии не восстановлен до сих пор.

Я, как коммунист и человек, проработавший под руководством Батчаева М.К. в течение полугода в тяжелейших условиях под -
пожья, считаю своим долгом сказать что тов. Батчаев был подлин-
ным патриотом своей Родины, в те тяжёлые дни проявил себя сме -
лым и умелым руководителем, образцово выполнял боевые задания,
за что был награждён медалью "Партизану Отечественной войны"
I степени.

Уверен, что он всегда был предан делу нашей партии и вполне
достоин быть в рядах КПСС.

Обращаюсь к Вам с убедительной просьбой восстановить
Батчаева М.К. членом КПСС.

14 октября 1976 г.

Заден

/Д. Забегалов/

г. Шху Илановской области,
пл. Фрунзе, дом 10, кв. 1
Забегалову Дмитрию Федоровичу

Ваше заявление, адресованное первому секретарю
Карацаво-Черкесского обкома КПСС г. Мурашовскому В.С. по вопро-
су восстановления в рядах КПСС тов. Батчаева М.К. изучено
партийной комиссией.

После беседы с г. Батчаевым, он обратился в горком КПСС
с заявлением о восстановлении его членом КПСС. Его заявление
после проверки всех материалов дела будет рассмотрено в
первичной партийной организации, а затем на бюро Карацавского
горкома КПСС.

Председатель парткомиссии
при обкоме КПСС

Г. Фатин

17 ноября 1976 года
Г. ФАТИН

Секретно

С П Р А В К А

по делу Батчаева Мудалиба Каракозовича.

По поручению партийной комиссии Ставропольского крайне
КПСС и Карацаво-Черкесского обкома КПСС 26 января 1977 год
мною в присутствии заведующего отделом пропаганды и агитации
Карацавского горкома КПСС т. Темброва С.С. проведена беседа
с т. Батчаевым М.К. по его заявлению о восстановлении в рядах
КПСС.

В ходе беседы т. Батчаеву М.К. разъяснено, что оснований
для восстановления его членом КПСС не имеется, так как в ряд
партии он состоял с 1941 по 1943 год, а вне партии находится
более 30 лет. Кроме того, после пересмотра его уголовного дела
с 1958 года он также своевременно не обращался в партийные
органы по вопросу восстановления или вступления в ряды КПСС.

Личные документы т. Батчаева М.К. подлежат возврату.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ПАРТКОМИССИИ
ПРИ КАРАЦАВНО-ЧЕРКЕССКОМ
ОБКОМЕ КПСС

Г. Фатин

Г. ФАТИН

26 января 1977 года.

Л.П. Берия

М.А. Суслов

И.А. Серов

М.М. Гвишиани

И. П. Храмков

Т. И. Мищенко

М. Г. Романчук

М. И. Золотухин

В.М. Такмаков

В.М. Такмаков и подпольщик А.-С. Джаубаев

№ 70

Копия
Строго секретно

«План организации партизанского движения» с автографом В. М. Такмакова.

ПЛАН

организации партизанского движения
на территории Орджоникидзевского края

Утвержден постановлением бюро
Крайкома ВКП(б) от 22 июля 1942 г.

*Секретный документ
подан 2 июля 1942 г. в
Карт, а далее в м.р.
по м.р. Партизанский
ком. Кавказа
Бюро 7-го фронта
Бюро 4-го фронта
Бюро 1-го фронта*

В. М. Тасмаков и партизаны отряда «Мститель» на месте боя на Гоначхирской поляне.

М.К. Батчаев

И.П. Лубенцов

Разведрута в горокоме КПСС. Слева направо: М.К. Хуттов, М.К. Батчав, Д.Ф. Забегалов, А.Х. Семенов

Листовка - ультиматум жителям Учкуланского района, составленная В.М. Такмаковым и Х.О. Лайпановым

КАРАЧАЕВЦЫ УЧКУЛАНСКОГО РАЙОНА!

Гарнизонные и другие подразделения «красной армии» распространяют из ваших сел, что якобы верст для вас открыты - немцы. И которые - в это они сепаратистами, в других населенных пунктах сотрудничать против установления Советской власти в районе.

Карачаевцы! На войне сражаться не надо, бороться и пролетариата! Немцы не хотят больше их видеть. Красной Армии уже заняты города - Кизил-Юрт, Ротуб, Воронцовград, Хэркони, Гекторда, Курск, Баранково, Бокча и много других. Немцы скоро совсем будут изгнаны с Советской землей.

Если вы, обманутые пролетариатами, вы не тронем ваш регион, если вы добровольно сдадите оружие и выйдете на: **Дулла Махметов, Байрамуков, Надир, Дайламан Муратов, Гебенев Муллаев, Мирзаев Кусов, Момаров** - бывшего буржуазного города - Кизил-Юрт и других городов.

Для пролетариата на Учкуланском участке война продолжается с немцами. Наминей из числа 1700 человек 200 человек вооружены и готовы к бою.

Если вы не выйдете из ваших сел, оружие, все имущество выдать немцам и в Цхинголь, будут перевезены к 300 Воинского Трибунала.

Командование гарнизона войск Красной Армии.

Листовка-ультиматум жителям Учкуланского район, составленная В.М. Такмаковым и Х.О. Лайпановым

В.Л. Осканов

П.Я. Леонтьев

Л.П. Леонтьева

И. К. Глов

З.Л. Эркенова

М.И. Исаков

А.М. Серезжин

Я.Х. Чамеев

Н.Я. Василенко

Б.С. Темиров

П.М. Мирошников

В.Д. Жаров

А.Б. Темиров

Г.М. Воробьев

Х.У. Кашев

*Генерал Рудольф Конрад, командир
49-го горного корпуса вермахта*

*Генерал Карл Эгельзеер, командир
4-й горнострелковой дивизии*

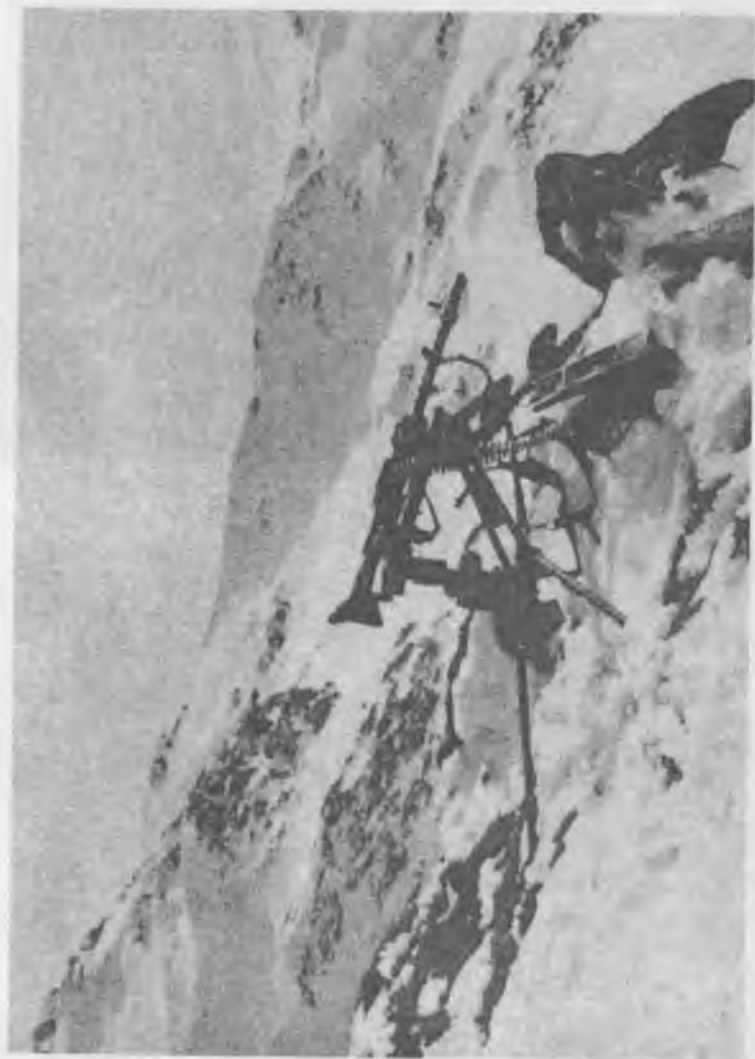
*Генерал Губерт Ланц, командир
1-й горнострелковой дивизии «Эдельвейс»*

«Эдельвейсы» восстанавливают переправу через р. Кубань

Капитан Х. фон Хиршфельд. Его батальон штурмовал и взял Клухорский перевал

Марухский перевал. (январь 1943 г.)

СОДЕРЖАНИЕ

К ЧИТАТЕЛЯМ	3
Глава I. ТЕМА	5
Глава II. НАВЕТ	17
Глава III. ЛЕГЕНДЫ	39
Глава IV. ИЗМЕНА	61
ГЛАВА V. РАСПРАВА	75
ГЛАВА VI. РАЗГРОМ	91
ГЛАВА VII. ЭПИТАФИЯ	105
ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ	123
ПРИЛОЖЕНИЯ	128

*Генеральный спонсор
ИКО «Аланский Эрмитаж»
Фирма «Узден-Пласт» (Москва)*

*Автор выражает сердечную благодарность Председателю
Комитета по делам архивов Карачаево-Черкесской Республики
Борлаковой Канитат Зекерьяевне, профессору Лайпанову
Кази Танаевичу, любезно предоставившему ряд архивных материа-
лов, в период, когда автор не был допущен к работе в архивах,
а так же всем оказавшим содействие в издании этой книги*

Кази-Магомет Алиев

СВЕТ И ТЕНИ ПАРТИЗАНСКОЙ ВОЙНЫ

Набор Л. Степанян
Оформление и верстка Г. Жуков

Корректор Л.М. Стаценко
Технический редактор А.В. Андреев

Лицензия № 065840 от 23.04.98 г.
Издательство «Сервисшкола».
355000, г.Ставрополь, ул. Мира, 362.

Подписано в печать 25.02.2002 г. Тир. 1200. Усл. п. л. 9,3.
Формат 60x84 ¹/₁₆. Гарнитура «Таймс». Печать офсетная. Заказ № 870

Отпечатано с готового оригинал-макета в ФГУП «ИПФ «Ставрополье».
355000, г. Ставрополь, ул. Спартак, 8.